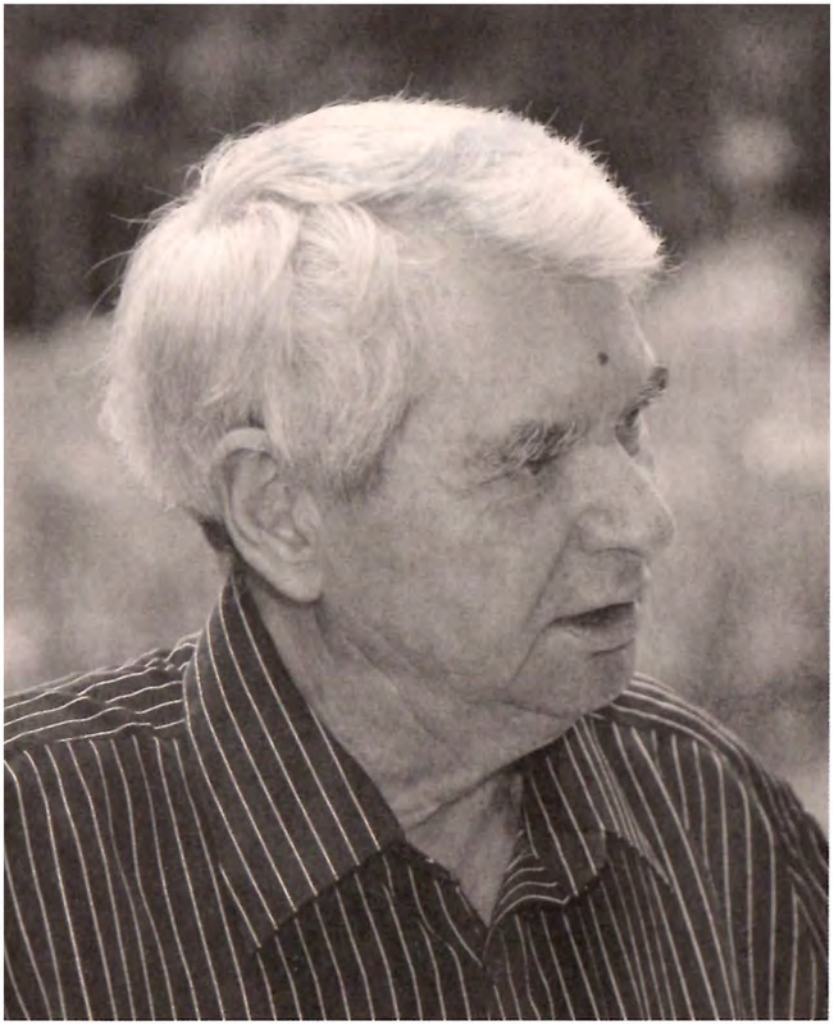
Герольд Бельгер

Плетеные цепухи

ТОМ
4



Герольд Бельгер

Плетеные чехлы

ТОМ
4

Алматы
2017

УДК 821.512.122:161.1(574)
ББК 84Рус-44
Б 44

Выпущено по программе
«Повышение конкурентоспособности сферы культуры и искусства, изучение и популяризация казахстанского культурного наследия и повышение эффективности реализации архивного дела», подпрограмме
«Приобретение, издание и распространение социально-важных видов литературы»
Министерства культуры и спорта
Республики Казахстан

Бельгер Г.
Б 44 Плетенье чепухи. – Алматы: ИП «Спанова А.Б.», 2017.
ISBN 978-601-06-4565-3

Т. 4. – 304 с.
ISBN 978-601-06-4569-1

В книгу вошли дневниковые записи казахстанского прозаика, эссеиста, публициста и переводчика Герольда Бельгера, которые он вел на протяжении всей жизни.

557404

УДК 821.512.122:161.1(574)
ББК 84Рус-44

ISBN 978-601-06-4569-1 – (Т. 4)
ISBN 978-601-06-4565-3

© Бельгер Г., 2017
© Общественно-гуманитарный фонд Ермека Турсунова, 2017
© ИП «Спанова А.Б»., 2017

Северо-Казахстанская областная библиотека им. С. МУКАНОВА

Тетрадь двадцать седьмая

* * *

Зависть к доморощенным нуворишам я не испытывал никогда, а отвращение – да. Ценность имеет только то, что заработано честным трудом. В Казахстане ныне иная доблесть.

* * *

Что же получается? Получается, что мои далекие предки были германцами, я стал россиянином в седьмом-восьмом поколении, потом казахстанцем, теперь, похоже, превращаюсь в казахелинца или мангиликеленца. Осталось еще обернуться шуршутом.

Ничто похожее произошло и с моим отцом. 32 года он жил на Волге; 30 лет – в Казахстане; 31 год – в Узбекистане. Сестра шутила: дескать, надо бы еще 30 лет жить в Туркменистане.

Не получилось...

* * *

Большинство наших министров – «патаму што». Так определил сам один славный ухарь.

В кризисе – то есть, в дерьме – мы сидим давно. Но признать это – намыс не позволяет. В самом деле: у нас умник на умнике сидит, и вдруг – кризис. Нет, айналайын, так не годится. Мы ведь в тридцатку избранных входим.

* * *

Мы ведь объективисты: сознаем, что кое-какие трудности есть. Но они же временные! Вот объявим себя «мәңгі» (вечными) – и вся недолга: сразу наступит 2050.

Вообще никаких причин для паники нет. Чуть-чуть смажем колеса старой, раздрызганной арбы и потащимся по буеракам, рытвинам дальше, пока арба не развалится в ближайшем овраге.

* * *

Тысячи и тысячи мудрецов всех времен и народов рассуждали о жизни, и все равно она тайна. Как и смерть. Между этим двумя тайнами и болтыхается человек.

Любопытно замечание Юрия Олеши: «Таким образом, можно свести это к парадоксу, что самым трудным, что было в жизни, была сама жизнь – подождите, вот умру, и тогда уж буду жить».

Действительно, парадоксально. Но нечто подобное, полагаю, испытывают многие.

Он же: «В конце концов неважно, чего я достиг в жизни, – важно, что я каждую минуту жил».

И я могу так сказать: «Чего я достиг в жизни – совсем неважно. Однако, не могу я утверждать, что жил каждую минуту».

Точнее, пожалуй, моментами и вовсе не жил.

* * *

Бунина я очень люблю и часто перечитываю. Сочный писатель, красочный. Краски кладет густо. Язык – упоение.

Олеша, однако, этим не восхищался. «Надо ли так писать, как Бунин? Зачем такое количество красок?»

Олеша предпочитает Чехова. «У Чехова красок, по крайней мере, в сто раз меньше». И делает вывод: «Чехов гораздо сильнее Бунина».

* * *

Замечаю: в последние год-два думаю (или задумываюсь) все больше и чаще, а делаю все меньше. Возрастная закономерность?

* * *

С каждым годом утрат все больше. О них мне сообщают едва ли не ежедневно. «Там» уже большинство моих близких и знакомых.

А вот из моих «ағалар» пятеро перешагнули 90-летний рубеж: один немец, два еврея и два казаха. Конкретно: Леонард Кошут, Юрий Померанцев, Леонид Гирш, Музафар Алимбаев и Бошай Китапбаев.

На горизонте маячит еще один долгожитель...

* * *

Сорока-вещунья в последнее время меня не навещает. То ли с вестями напряженка, то ли ко мне, затворнику, потеряла интерес.

Зато зачастила не в меру горластая, потрепанная ворона. Откуда-то прилетает, располагается на вершине ели против моего балкона и начинает хриплой дурниной надрываться. Повернется в сторону гор и орет, как оглашенная: «Карр...карр...карр...» Чуть отдохнув, повернется на север и опять орет, будто ее режут: «Карр... карр...карр...». На меня и не смотрит. Мне ей сказать нечего. Но кого-то предупреждает, пугает. И никак не угомонится. И что она хочет сказать? Чем взбаламучена?

Надоела старая карга. Махнул в ее сторону и с треском закрыл створку. Она умолкла, должно быть, подумала про себя: «И чего я, дура, надрываюсь?» и неуклюже отлетела восвояси.

А я подумал: может, она таким образом выразила свой протест по поводу обвала тенге? Может, несогласна с обрушившейся на Казахстан инфляцией?

Ворона улетела, а в моих ушах еще долго звучало ее возмущенное, судорожное «Карр...карр...карр...».

* * *

Знакомая журналистка с редким именем Зайтуна подарила мне на Новый год проигрыватель «Sony», и я возобновил свое старое увлечение – слушаю классическую музыку. И все время чудится мне, что рядом находится мой давний друг Аскар Сулейменов, скоропостижно скончавшийся двадцать два года назад (1992). Выросло целое поколение, которое его не помнит. Между тем он был уникальным явлением в духовной жизни Казахстана 60-90-ых годов прошлого века. Прозаик, литературный критик, блестящий оратор, просвещенный мыслитель, драматург, полемист, знаток философии, истории, литературы, музыки, яркий диссидент, он имел огромное влияние на духовную ауру своих соотечественников. К нему тянулись, ему внимали, ему подражали, его суждения мгновенно распространялись в обществе. Он не был похож ни на кого.

Мы учились в одном институте. Я двумя курсами выше. Потом учились вместе в аспирантуре. Потом Абдижамил Нурпеисов перетащил нас в журнал «Жулдыз»: он заведовал отделом критики, я сидел в отделе прозы. Наша дружба продолжалась до самой его кончины.

Его отсутствие очень чувствуется в современном обществе.

Впрочем об Аскаре я высказывался не однажды.

Помимо прочего, он был помешан на классической музыке. Обретал на деньги взаймы бесчисленные пластинки: оперы, симфонии, сонаты, реквиемы, романсы русских и – особенно – западноевропейских классиков. С апломбом произносил диковинные имена композиторов, дирижеров, музыкантов. И мы слушали му-

зыку часами. Аскар мог мне звонить в два часа ночи и поставить на проигрыватель какую-нибудь симфонию Малера.

И я слушал. И не только я – многие его сверстники и младшие друзья.

Одно время мы чуть ли не ежедневно слушали симфонии Бетховена (Аскар говорил: «Бетеке»).Чаще всего Пятую и Девятую.

Аскар отрешенно покуривал.

Я молчал. Мы потягивали сухое вино.

У меня было полное собрание сочинений Бетховена. Часть пластинок незаметно перешло к Аскару.

Вспоминая тот отрезок времени, я ныне, часто перечитывающий Льва Толстого, удивляюсь, почему этот великий Арыстан не жаловал Девятую Бетховена.

Вообще Арыстан был очень своенравный старик. Он многих гениев не признавал. Не признавал и все тут. Шекспира совершенно. Гете – в большой степени. Тургенева тоже. О Горьком часто выражался нелицеприятно. О Фете отзывался холодно. Чехову советовал пьесы не писать.

Но какое ему было дело до Бетховена? И именно до Девятой?

На днях вычитал, что этому удивлялся и Юрий Олеша. «Как мог Лев нападать на это произведение – Лев, с его любовью к героическому, с его небом над умирающим Андреем? Это ведь тоже самое. Вероятно, от зависти, – вернее, не от зависти, а от требования, чтобы не было каких-либо других видений мира, кроме его...»

Может быть...

Я лично никаких объяснений не нахожу.

Девятая Бетховена меня всегда восторгала, бодрила, наполняла яростью, взывала к сопротивлению, заставляла распрямить плечи, дышать всей грудью и восстать против постылой обыденности. Она заставляла жить наперекор всему.

Аскар со временем увлекся сонатами Бетховена. В них он находил иные мотивы.

Сейчас слушаю Баха. И чувствую, ощущаю сидящего рядом Аскара.

Он молчит, окутанный сигаретным дымом. Вскидывает шевелюрой. Кривит тонкие губы. Что-то бормочет: «Ғажап! Гениально! Катарсис!»

Аскару подражали еще при жизни. Но таких, как он, я ныне не вижу. Жаль...

Особенно жаль, что его вспоминают все меньше и меньше.

* * *

Вспомнилась строчка из давней казахской песни:

– Блеснула и исчезла вмиг,
Как привиденье, как сон.

* * *

Ночью вдруг вспомнил: ныне (2014) исполняется 60 лет, как я живу в Алматы. Прибыл я в столицу в конце июля или в начале августа 1954 года.

Значит, своеобразный юбилей. Старожил Алматы.

А в конце октября – если дотяну – мне исполнится 80.

Тоже солидная дата.

Что тут скажешь? Тәуба, тәуба!

* * *

«Қыздың жолы жіңішке», – говорят казахи. Мне не удавалось выразить по-русски. И вот в одном рассказе («Простор», № 2 за 2014 г.) читаю: «Стезя девушки узка». Просто и адекватно.

* * *

Девальвацией тенге и банковской суетой опять в который раз власти взбулгачили народ. Слухи пошли на уровне паники. Понимаю: народ время от времени необходимо будоражить. Иначе как им управлять, как держать в узде?!

Но не в такой же степени! Ведь невзначай можно и доиграться.

февраль 2014

* * *

Я помню вероломное нападение фашистской Германии на СССР. Почти 73 года спустя случилось нечто схожее, то есть откровенно вероломное, и в независимом Казахстане, когда его правительство исподтишка, без объявления войны, напало на свой народ, обескровив его подло в одночасье.

Все можно объяснить. Этот тотальный грабеж – вынужденная мера во благо народа.

Ограбленный народ – счастливый народ.

Чтобы народ ликовал, надо его поджечь, а потом успешно тушить пожар.

Это и есть та самая забота государства о горячо любимом народе.

Народ, околпаченный, как последний лох, шарится в своих дырявых карманах и бормочет: «Е-е-е... тәуба, тәуба! Шүкір, шүкір! И в более тяжкие времена мы ходили на пиры-тои. Лишь бы не было войны».

Ну, и что дальше? Будем и дальше трястись по ухабам-рытвинам на старой, скрипучей арбе, пока она не опрокинется в овраг.

* * *

– А что, Гереке, революции у нас не будет?

– Не будет. Слава Богу!

– Почему?

– Верхи у нас, похоже, уже не могут. А низы пока еще дремлют. Значит по Ленину, ситуация не та.

– А что будет?

– Тихий, вялотекущий переворот. «Маленьким шагом, робким зигзагом»...

– Е-е... «Өгіз аяң», значит.

– Солай.

* * *

Зачем государству народ? Пусть будет элита, недра и инвестиции. А на земле пусть копошатся китайцы и арабы.

* * *

В связи с очередным обвалом тенге я все жду, что́ же скажут наши партии – «Нуротан», «Ак жол», «Патриоты», «Руханият», а они все в рот воды набрали. Будто ничего и не случилось. И что это за партии такие? Чьи они? Какого народа?

О, Алла-ай!..

* * *

Власть у нас казахская. Резонно и логично.

Но почему эта власть больше всего боится казахов.

Почему?

Казахам, сидящим наверху, казахи внизу, вроде как помеха.

Нашей власти сподручней обращаться с инородцами.

Я ошибаюсь?

Олжас

Олжасов в Казахстане – море.

И Сулейменовых – пруд пруди.

А вот Олжас Сулейменов – один.

Не один – один-единственный.

Бірегей!

Избранник земли. Любимец судьбы.

Для своей нации он совершил потрясающе много.

Как Поэт. Как историк. Философ. Публицист. Этнолог. Лингвист. Деятель. Политик. Гражданин.

И во всех этих ипостасях он уникален, самодостаточен.

Я, знаю его более полувека, в состоянии раскрыть все его грани и масштабы.

О, да... не всем его талант по нутру.

В завистниках, недоброжелателях, хулителях его недостатка никогда не было.

И в молодости, и поныне.

Но он шел и идет тернистой, гордой стезей, определенной Тэнгри и Тагдыром-роком.

Судьба одарила его всем щедро: талантами, статью, умом, страстью, волей, напористостью, зоркостью, дерзостью.

Он ярко олицетворяет вольный дух своего народа.

И народ гордится им. Его избранничество сознают и мелкие пендешки.

Да, в его незаурядной личности – если покопаться – можно найти изъяны. Но поэта они красят. Он ведь тоже соткан – как говорят казахи – из костей и мяса. И витает он не в облаках, а обитает на грешной земле.

Есть – по-немецки выражаясь – «ущемители блох» (Flohknacker), которые его изъяны находят и злорадно педалируют.

Почему-то такие парадоксально преобладают среди казахов. Не самых объективных.

Тщетные потуги!

В ряду великих казахов Олжас бесспорно занимает свое гордое и индивидуальное место.

Так я его воспринимаю.

И – полагаю – я прав.

* * *

На рассвете (14.02.14) вспомнился мне вдруг Кадыр (Мырза-Али). Когда осенью 1963 года Абдижамил Нурпеисов привел меня в журнал «Жулдыз», Кадыр, если не ошибаюсь, работал в журнале ответ-секретарем. Тогда мы и познакомились. Кажется, примерно в те годы вышла его книжка «Ой орманы».

Мне он сразу понравился и как человек, и как поэт. Острый на язык, склонный к юмору, к игре, созвучию слов, насмешливый, доброжелательный, с ним было приятно беседовать, зубоскалить. Поражали его работоспособность, аккуратность, рациональность, умение ценить время. По этим качествам он был больше немец, чем

я. Благодаря строгой организованности, он успевал многое. Собрание его сочинений наверняка «тянет» томов на двадцать-двадцать пять. Пожалуй, и переводы его составят примерно столько же.

Мы не были друзьями. Но встречались часто, бывали вместе в командировках, беседовали, к концу его жизни большей частью по телефону. Я даже переводил детские его рассказы. За какой-то книгой он приходил ко мне домой.

Словом, он был мне приятен. И, думаю, мы были душевно расположены друг к другу.

Я был старше его на два месяца. «Ты две рубашки раньше меня износил», шутил он. В его телефоне были две-три девятки. «О, проживешь до 90 лет!» «С одним условием, – парировал он. – Вместе с тобой».

Ушел он раньше времени. И я грущу, вспоминая его.

А ушли за последние годы много выдающихся казахских поэтов: Жумекен, Өтежан, Қадыр, Тұманбай, Мұқағали, Қайрат, Кеншілік, Сәкен, Фариза... всех сразу не упомню. Всех я знавал, со всеми сталкивался, общался, они были мои замандасы.

Мир их праху!

* * *

Есть японский литературовед, переводчик, знаток русской литературы, профессор, славистик Токийского университета Мицуёси Нумано. Он самостоятельно выучил русский язык, владеет также польским и немецким. Еще в его детстве на японский язык были, оказывается, переведены Пушкин, Гоголь, Достоевский. Что меня поразило в его интервью (см. ЛГ, № 1-2 за 2014 г.) – это его признание: «...а Достоевский и Толстой даже полностью, полное собрание сочинений по-японски были доступны. Полное собрание сочинений Достоевского за столетие издавалось десять раз!»

Вообще по свидетельству профессора Мицуёси Нумано, Достоевский в Японии невероятно почитаем. «Сейчас, думается, Достоевский преобладает. Толстой в сознании японской читающей

публики кажется немного скучным учителем, который отстает от мировой моды. И то, о чем он пишет, в глазах японцев уже немного устарело».

И еще один существенный факт:

«Если говорить о Достоевском, то вы, наверное, слышали, что «Братья Карамазовы» вышли в Японии в новом переводе моего коллеги, господина Камэямы, и эта книга стала бестселлером. Миллионным бестселлером! Классический роман!»

Мне приходится нередко читать, что казахи и по духу-облику очень близки к японцам. Более того, кое-кто уверяет, что японцы произошли генетически от казахов.

Я в этот спор не ввязываюсь. Казахов знаю прилично, а японцев – весьма поверхностно и приблизительно. И я знаю немногих казахов, которые взахлеб читали бы Достоевского. А что бы в Казахстане «Братья Карамазовы» стали бы миллионным бестселлером – и вовсе представить не могу.

* * *

В очередной раз ляпнул глупость ультранационалист Вольфович, то бишь, Жириновский, по отношению к Казахстану и взбулгачил все казахские газеты.

До него нечто подобное провякал и Эдичка Лимонов.

Последнего в счет принимать не стоит. А на всякий чих Жириновского тоже не наздравствуешься. Он ведь в общем-то выражает то, что на уме власть предержащих. О том следует помнить. Его то и дело сознательно заносит, и за этим стоят вполне определенные силы. И очень значительные. Старый ворон зря не гаркнет.

Я в том имел возможность убедиться, обивая в свое время пороги Кремля в надежде восстановить Республику российских немцев Поволжье. Вся кремлевская толстокожая рать с большим шовинистическим подъемом отнеслась к нашему национальному горю.

И они победили.

Полагаю, что о казахах и прочих инородцах они такого же мнения. Я в том не сомневаюсь. Жириновскому надо сказать спасибо за то, что он лихо озвучивает их сокровенные мысли.

«Бұл аурудың емі жоқ» – «Это неизлечимая болезнь» – пишет «Алматы ақшамы» (27.02.14).

Это так. И не совсем так.

Необходимо везде и всюду – в экономике, культуре, духоустройстве, политике, спорте – доказать, что казах – не полудикий номад, которым можно помыкать, кому как вздумается, а заставить с собой считаться.

Другого выхода нет. Иначе жириновские не уймутся.

Угроза объявить их персоной нон грата смешна и бессильна. Такая акция лишь подчеркивает их мнимую значимость в собственных глазах и способствует их популярности.

К тому же я ведь хорошо знаю, что если этим скандальным господам вздумается завтра навестить Астану или Алматы, всегда найдутся подхалимы-жопеке, которые им публично начнут лизать зады и всячески выслуживаться.

Вот тебе и вся газетная шумиха, ярость и угроза объявления «нон грата».

Не шуметь надо, а затыкать им рты конкретным деянием.

* * *

Барбара Лённквист – ученый-славист из Финляндии, автор многих исследований о русской литературе, переводчик (на шведский язык) Толстого, Достоевского, Замятина, Искандера, Ахматовой.

Ее кредо: «Перевод – это всегда интерпретация».

Она заново переводит «Войну и мир», ибо сделанный еще в 20-ые годы прошлого века перевод явно устарел.

Критик-литературовед Наталья Злыднева (ЛГ, № 4 за 2014 г.) представляет ее так:

«Профессор Барбара Лённквист училась в Стокгольмском университете у одного из столпов послевоенной западной славистики – профессора Нильсона и до недавнего времени, пока не вышла на пенсию, работала в шведском университете под названием Абу

Академи в городе Турку в Финляндии, возглавляя там кафедру русского языка и литературы, а одновременно преподавала в своей alma mater – университете столицы Швеции».

Судя по всему, отменный специалист.

Есть за рубежом прекрасные слависты, русисты.

Иметь бы таких переводчиков в Казахстане.

* * *

Перетряхивая свой архив, обнаружил изрядное количество статей обо мне и интервью со мной на казахском языке. Отобрал, что показалось мне более-менее существенным, сложил в одну папку, получилась рукопись в 17-19 печатных листов. Назвал книгу по одноименному эссе-очерку Дукенбая Досжана «Герольд Бельгер кім?» Подумал: издать бы ее небольшим (скажем, в 500 экз.) тиражом к моему 80-летию. Авось, будет кстати...

557404

Осторожно «пощупал» двух издателей. Оба казахи. И оба в один голос говорят: «Интересно, Гереке. Но на казахском языке кто ее будет читать? Казахские книжки пылятся в магазинах и складах. Никто их не берет. Так, какой смысл?!»

Вот-те на! Я оторопел. Это что же получается? Нет читателей на казахском языке? Так, за что мы тогда воюем? С какой стати горло дерем? За что ратуем?

Может, не совсем так?

Издатели – знающие люди, приятели, сами пишут. Не верить им не могу.

Вздохнул и положил папку в стол.

А я-то полагал...

Да и на немецком языке читателей раз два и обчелся.

Теперь компоную книжку на русском языке. Может, на русском казахи еще читают?

«Герольд Бельгер кім?» Ха-ха! Кто-кто? Да никто! Конь в пальто. Точнее: ибн Карл аль-Дивани!

Северо-Казахстанская
областная библиотека
им. С. МУКАНОВА

* * *

У Равиля Бухараева (давно умершего русскоязычного татарина, писавшего также на английском и венгерском) есть пронзительная строчка: «Все короче путь, все острее плата...»

* * *

Есть такое выражение – «Панический страх». Я всегда был уверен, что оно исходит от слова «паника». Оказалось, совсем не так. Имеется в виду Пан из греческих мифов, бог лесов и полей. Пан наводил внезапный, жуткий ужас на людей в уединенных местах, на путников, на войско. Так, «паника» возникла от этого Пана.

* * *

Известная фраза «Офелия! о нимфа! помяни грехи мои в молитвах» относится к «Гамлету». Так перевел ее Н.А.Полевой.

В переводе Кронеберга она звучит: «Офеля, о нимфа! помяни мои грехи в твоей святой молитве!»

У Кетчера: «О нимфа, помяни меня в своих молитвах».

Выходит, все эти переводчики были максимально близки к оригиналу.

Похвально и поучительно.

* * *

Время от времени финпол у нас, в Казахстане, рыцарей наживы цап-царап да в каталажку запихивают.

Вот объявили по ТВ (05.03.14), что бывшего акима Павлодарской области атамана Арына за взятки под белы руки и увели. Тоже на миллионы позарился бедняга.

Вспомнил по такому случаю русские поговорки.

Бравши, рука не устанет.

Взятки гладки.

Всяк подьячий любит калач горячий.

Лошадь любит овес, земля – навоз, а воевода – привоз.

Алчное племя! Крокодилы ненасытные! И этот Арын, Арынкарын еще и Ницше цитирует с трибуны, свою образованность демонстрирует.

Истребить бы их на корню!..

* * *

Кстати, о поговорках советского времени. Их ныне редко кто вспомнит. А вспомнит – обхохочется: сплошная благоглупость.

Вот примеры:

– У нас ни зимой, ни летом безработных нету.

– Кто солому не едал, тот царской власти не видал.

– Вся советская страна делу Ленина верна.

– Рабой жила Марья на свете, а сейчас в столице, в Верховном Совете.

– Лозунг у нас один: жить по-советски хотим.

– Конница Буденного бьет и пешего, и конного.

– Летаем высоко, а бомбим далеко.

– У большевиков ума палата, вот и жить стали богато.

– От ленинской науки крепнут разум и руки.

Ну, и так далее. Изменились времена – обновились поговорки.

* * *

Ныне я приближаюсь к 80-ти. А это не комсомольский возраст. Стал перебирать русские поговорки о старости:

– От старости могила лечит.

– Придет старость, придет и слабость.

– Седина напала – счастье пропало.

– Стар кот, а масло любит.

– Уплыли годы, что вешние воды.

– Старый – что малый, а малый – что глупый.

– Старость – не радость, не красны дни.

Бр-р... Остановлюсь. И так тошно.

* * *

Жить долго, не болея, не возможно. Где старость, там и хвори. И что о том говорят русские?

– Аптека не прибавит века.

– Без болезни и здоровью не рад.

– Здоровье всего дороже.

– Не всякий умирает, кто хворает.

– Не рад больной и золотой кровати.

– Не лечиться – худо, а лечиться еще хуже.

– Обреченная скотина – не животина.

– Сляжешь – хуже разломает; хоть ломайся, да обмогайся.

– Тяжело болеть, а еще тяжелее над хворым сидеть.

Подобные мудрости найдешь, пожалуй, у всех народов.

* * *

Мой давний знакомец, автор нескольких прозаических и поэтических книг Эдмунд Матер, уже лет двадцать проживающий в Германии, позвонил мне на днях:

– Хочу доложить и, возможно, обрадовать Вас...

Голос бодрый, торжественный. В чем дело?

Десяток лет назад он задумал грандиозный труд – собрать все доступные сведения о выдающихся российских немцах, оставивших заметный след в литературе, журналистике, науке, педагогике, искусстве, политике, медицине, спорте, словом, во всех сферах человеческой деятельности.

Идею я горячо поддержал, но весьма сомневался, что ее может осуществить один человек, даже такой упрямый и въедливый, дотошный, как бывший сибирский немец Эдмунд Матер. Для такого дела нужен по крайней мере отдел Академии наук.

Знаю, что говорю: имею представление как автор биобиблиографического справочника «Российские немецкие писатели», изданного в Алма-Аты и дважды в Германии.

К тому же всегда стремился показать, что российские немцы не только отменные механизаторы и знатные свинарки-доярки, как

это охотно и настойчиво внедряла-вбивала в голову братских народов наши власть предержащие господа.

Вот за эту – казалось бы, непосильную – задачу и принялся российский немец Эдмунд Матер.

В 2009 году он издал в Германии (изд. Lichtzeichen) четырехтомный «Das Autorenlexikon der Russlanddeutschen», каждый том объемом 600 и более страниц. В этот четырехтомник вошли любопытные сведения о трех тысячах (!) авторов, что само по себе подчеркнуло роль немецкого элемента в российской культуре.

Об этих томах я написал четыре пространные статьи (под общим названием «Уникальное издания»), опубликованные в нескольких номерах «Дойче Алльгемайне Цайтунг» и вошедшие позже в мою книгу «Координаты».

На эти массивные тома отклики шли потоками со всех концов света. Читатели дополняли, уточняли, требовали переиздать их. И вскоре автор доверительно сообщил мне, что скорее всего доведет свой труд до шести томов.

И вот еще несколько лет спустя, он мне сообщает, что определил-расположил свой многолетний объемный труд в Интернете в восьми (!) томах, каждый по 500 страниц, в которые вошли подробные сведения – биографические и библиографические – о 10 (!) тысячах именитых российских немцах. И теперь к этим сведениям проявляют живой интерес в Азии, в Европе, Америке и даже Австралии, где ныне обитают разбросанные по всем странам-государствам потомки российских немцев, в изломанной судьбе которых повинны в первой степени пресловутая сталинская национальная политика.

Так уж повелось: хоть и запоздало, но справедливость восторжествует. Своим титаническим трудом Эдмунд Матер это доказал. Он соорудил-воздвиг своеобразный памятник своему многострадальному народу, память о котором – несмотря на все козни и преграды, усилия и каверзы гнусной политики и идеологии – не заросла травой забвения.

Честь и хвала ему за содеянное!

Я пишу об этом, чтобы поделиться своей радостью с моим читателем по поводу столь знаменательного факта. А в связи с этим намерен, кстати, напомнить об одной своей сокровенной мысли.

Вот уже 73 года я проживаю в многонациональной Казахи. В ней издавна обитают разные народности (цифры называются разные, но ясно, что более ста), но друг о друге знаем мало. И совсем незначительно – на мой взгляд – ведаем о самих казахах. Зачастую наши познания поверхностны и приблизительны. И я давно думаю о том, что позарез нужна такая монументальная книга типа «Тысяча казахов, которые должны знать все». Такая познавательная и увлекательная книга была бы полезной всем, в том числе и самим казахам. Замечаю, что сами казахи своих выдающихся сокровников знают слабо, а кое-кто и вовсе никакого представления не имеют. А это уже – ни в какие ворота. Для граждан независимой страны, имеющей амбициозные цели, это никуда не годится.

Вот что я, взволнованный доброй вестью от германского собрата. Посчитал нужным сказать.

А Эдмунду Матеру еще раз говорю: виват!

* * *

Трагические события в Украине уже более месяца у всех на устах. От бесконечных комментариев, заявлений, суждений, предположений, угроз, упреков голова кругом. Вчера (09.03.14) зловещими цитатами из И.Ильина и Милошевича, с артистическим напором прочитанными по телевидению Никитой Михалковым, полагаю, многих ошарашили до донышка души.

То, что творится в Украине, выше моего разумения.

Но упорно мерещится мне, что над этой ситуацией по-прежнему витает дух Петлюры, Бандеры, Махно и прочих фюреров и фюрерчиков. А коли так, заваруха протянется. И отразится она на всех – прямо или косвенно. Вообще вся жизнь обретает тревожный оттенок.

* * *

Любому политику нужен лисий хвост. Без такого хвоста политик просто балда.

Вспоминается русская поговорка: «Лисий хвост, да волчья пасть».

* * *

Мое внимание исстари привлекают востоковеды. Я тоже со школьных лет испытываю неуемную тягу к Востоку. Эта тайна манит неизбывно, как покрывало Изиды (есть такое крылатое выражение).

Востоком особенно пристально занимались немцы. При этом не только в германских университетах, но и в С.-Петербургском, Московском, Казанском и др. Немцами-востоковедами создано много капитальных трудов, да и о них, авторах, существует огромная литература – справочники, биобиблиографии, словари, энциклопедии, объемные исследования, биографии, воспоминания.

Кое-что и мне известно. И судьбы этих людей потрясают.

В книге «Немецкие ученые – профессора Казанского университета» (Казань, 2004, тираж 2000, стр. 180) приводятся материалы к биографиям 34 ученых-немцев, преподававших в казанском университете в первой половине XIX века: М.Ф.Бартельс, М.Г.Герман, Х.Д.Френ, Э.А.Эверсман, И.А.Литтров и др.

Я обратил внимание на двух ученых-языковедов – Иосиф Федорович **Готвальд** и Франц Иванович Эрдман.

И.Ф. Готвальд (1813–1897) был профессором арабского и персидского языков. Одно время преподавал и английский язык. Первые труды по древним рукописям написал на латыни. Был глубоким знатоком мусульманской юриспруденции. Описывал арабские рукописи. Уже в пожилом возрасте он выпустил в свет «сборник мудрых изречений ходжи Ахмета Ясави», за первым последовали второе, третье и четвертое дополненные издания. Издал Готвальд и «Опыт арабско-русского словаря» (1861). В Казанском университете он прослужил 46 лет. Свою огромную библиотеку он

передал в дар Императорскому Казанскому университету. Дочь его после смерти отца передала университету 10 громадных ящиков книг. Разобрал и описал содержимое этих ящиков по заданию ректора известный ориенталист Н.Катанов, о чем он доложил Совету университета на заседании 13 февраля 1899 года (см. Н.Катанов. Биография И.Ф. Готвальда, Казань, 1900).

Профессором восточной словесности служил в Казанском университете Франц (Федор) Иванович Эрдман (1793–1863). Он нес должность декана словесного отделения. Ориенталист, профессор арабского и персидского языков, писатель, путешественник, специалист по древней истории, заведовал нумизматическим кабинетом и кабинетом редкостей. Описал университетское собрание азиатских монет. Написал значительное число статей на русском, немецком, французском и латинском языках по вопросам лингвистическим, историко-литературным, историческим, нумизматическим и др. (см. Русский биографический словарь, т. 24, Спб. 1912).

Почему я об этом пишу? Потому что таких специалистов в моем окружении не было. Да, и в Алматинских институтах и университетах личностей такого масштаба не встречал. На мой взгляд, в области образования деградируем обвально.

* * *

Существует побасенка, по которой еврей навещает больницу еще задолго до болезни, русский – когда уже невтерпеж от боли, а казах идет к врачу за день до кончины.

В этой шутке есть резон.

Наткнулся я как-то на запись профессора Казанского университета Ивана Осиповича Брауна (1777–1819). Он преподавал анатомию, физиологию и судебную врачебную науку. Прибыв в Казань, он сделал памятную запись:

«Врач практик не сделает себе фортуны здесь, так как русский человек вообще редко нуждается в медике. Случится заболеть ему, – он идет в свою баню и заставит натирать спину тертою редькою,

или пьет огуречный рассол, прибавляя в него обыкновенно меду для лучшего действия; не поможет и это – пьет водку и только тогда шлет за доктором, когда смерть на носу».

В арсенале аульных знахарей-табибов были паленая кошма, пепел, конский жир, курдючное сало, полынный отвар, топленное масло, бараний тулуп, обильный чай, барсучий жир, плетка, теплая баранья печень, набор заговоров из арабских слов, собственная слюна. Я с малых лет видел эту народную медицину.

Мне это напомнил Казанский профессор Браун. В психологическом плане, пожалуй, далеко не все изменилось.

* * *

Я заметил: отмечают заслуги тех или иных личностей слишком поздно, когда в том нет никакой нужды, или вообще не отмечают. Мой друг С., карьерный дипломат, безупречно прослуживший полвека на высоких ответственных постах, получил орден «Почета» («Құрмет») в 80-летнем возрасте. Ну, не смешно ли?

Есть такое крылатое выражение «После ужина горчица». Видно, его употребляют именно в подобных случаях.

* * *

А что означает «посеять зубы дракона»? Что-то зловещее. Смысл: посеять вражду, раздоры, смуту.

Выходит, Россия, США, Европа в отношении Украины все сообща сеют зубы дракона.

11.03.14

* * *

Звонит мне симпатичный, напористый и здравомыслящий казах. И заявляет: «Я, Гер-аға, за ЕврАзЭс! Иначе нам не выжить. И пусть Россия будет сильной. Пусть будет наднациональный орган. И даже если мы лишимся независимости, то кого мы теряем? Только своих воров. Грабителей своего народа. Пусть провалятся!»

Звонит другой казах, тоже симпатичный, давний мой коллега. «Если наш саруар подпишет соглашение по ЕврАзЭс, мы погибнем. Мы окажемся в силках русских. Нашей независимости наступит хана. И тогда за что мы боролись?! Нас мигом поставят на колени, и мы окажемся у разбитого корыта. Я решительно против ЕврАзЭс. И таможенного союза тоже. Довольно! Долой!»

Олжас (С.) убеждает: не независимость нужна, а взаимозависимость. Необходимо бороться за единение, а не разбредаться по закуткам.

Селяви!

Мне же диктат России не по душе. Россия отторгла меня и мой народ, выслала, проявила черную неблагодарность, обрекла на изгойство и вымирание, обернулась мачехой. Я эту обиду забыть не в состоянии.

С другой стороны, показушная независимость Казахстана мне тоже кажется уродством. Независимость (как беспредел) обрели лишь воры, жулики, пройдохи, казнокрады, разбойники, хамы, которым на народ свой, на страну свою наплевать.

Выходит, я больше склоняюсь к Олжасу, полагая, что взаимозависимость удержит людишек в человеческих рамках.

12.03.14

* * *

Немалое значение среди священных цифр (3, 5, 7, 9) казахи придают четверке. Журналист Сарсенбек Бекмуратулы («Алматы акшамы», 20.02.14) привел несколько народных мудростей, связанных с цифрой 4.

Вот некоторые примеры:

Первый сын – домашнее дитя,

Второй сын – аульное дитя,

Третий сын – окружное дитя,

Четвертый сын – дитя народа.

Четыре стороны света: Восток, Юг, Запад, Север.

Четыре времени года: весна, лето, осень, зима.

Четыре ангела Аллаха: Жебраил (Гавриил), Азреил, Мекаил, Исрафил.

Четыре халифа: Абубакир, Омар, Оспан, Али.

Четыре позора: быть незваным гостем, сквернословить, уповать на милость врага, просить помощи у скупого.

Четыре угла мира: Шын-Машын (Индустан), Мысыр, Рум (Рим), Европа.

Духи-благодетели:

верблюдов – Ойсыл кара,

лошадей – Камбар ата,

коров – Зенги баба́

овец-коз – Шопан ата, Шекшек ата.

Четыре священные книги:

Тәурат – книга Муссы (Моисея)

Зәбүр – книга Даута (Давида)

Інжіл – книга Исы (Иисуса)

Коран – книга Мухаммеда.

Четыре греха: сомневаться в могуществе Аллаха; проливать невинную кровь, не почитать родителей, лжесвидетельствовать.

* * *

Молодежный сленг всегда неожидан и любопытен. Он сильно и довольно эффектно разнообразит словарный состав языка. Разумеется, в общеупотребительную лексику он не входит.

О немецком молодежном сленге мне приходилось читать, что-то мне известно.

А о казахском молодежном сленге ничего сказать не могу, хотя и вращаюсь активно в языковой среде. Видно, из-за скудного знания родного языка молодежь не доросла до образного сленга. Возможно, просто я не в курсе.

Русский же молодежный сленг (как и тюремный арго) встречается довольно часто. Есть диковинные примеры (см. «ЭК»,11.12.12).

Булкотряс – дискотека

Грелка – девушка легкого поведения.

Гуманизатор – полицейская дубинка.

Жопинг – танец, в котором больше всего участвует задняя часть тела.

Камасутра – разврат.

Ледовое побоище – крупная пьянка.

Попариться – заниматься сексом.

Чвакнуться – поцеловаться.

Штукатурка – сильно накрашенная девка.

Интересно, не так ли?

* * *

Показывают по «Хабару» фрагмент заседания Совета госбезопасности. Говорит один человек в костюме при галстуке. Остальные молча внимают. И что это за Совет?

Показывают заседание правительства в связи с обвалом тенге. Один в костюме и при галстуке что-то глаголит. Остальные воды в рот набрали. Что за заседание? Спектакль одного актера?

Показывают собрание представителей силовых структур. Сплошь погоны и ордена. Один в костюме и при галстуке дает ценные указания. Остальные ни бум-бум. О чем речь? Монолог есть, диалогов нет.

Показывают и другие разные высокие сборища. Все торжественно. Говорит один в костюме и при галстуке. Кадров почти не видно. Серая масса. Жопеке пруд пруди.

Неужели таким Макаром мы внедримся в тридцатку цивилизованных стран? Тот, что в костюме и при галстуке, может, и войдет, а остальные на что рассчитывают? Неужели убеждены, что на безлюдьи и Фома дворянин?

15.03.14

* * *

Путин эффектно, громко, профессионально, без единого выстрела, грациозно приторочил Крым к России. Вопи не вопи, пугай страшилками и санкциями, да хоть лопни от злости и досады, а Путин блестяще утер нос разным оппонентам и добился мощного духоподъема урусов. Это надо признать. И на его фоне сильно проиграл шәлдіреки-мелюзга, прямо-таки голым задом плюхнулись в лужу многие его коллеги-фюрерчики.

Ну, да, пакостники, машущие кулаками после драчки, конечно, найдутся, но дело сделанно.

18.03.14

* * *

Я беспрестанно думаю о том, что дала так называемая независимость основному населению Казахстана. Можно ли это конкретно определить? Так сказать, внятно оконтурить? Моего ума явно не хватает. Для тех, кто вскарабкался – по Абаю – змеей наверх или взмыл орлом, пробившись к государственной кормушке, все определенно ясно: они добились личной независимости, чтобы безнаказанно и беспредельно воровать, сколько душе угодно и ублажать свои шкурные интересы.

Ну, а низы, массы, простой люд? Им-то что светит? Что означает для них независимость? От кого и от чего они независимы?

Чудится мне: как были бишара-сорлыбаюшки, так и остались.

И вообще что такое свобода? И в какой мере она необходима рядовому человеку?

То, о чем глаголят наши доморощенные философы и разного рода писаки-жопеке, меня не удовлетворяет и не убеждает.

Приходится советоваться с Иоганном фон Гете. А он что говорит по этому поводу?

Цитирую:

«Странная эта штука со свободой, – ее не трудно достигнуть тому, кто знает себя и умеет себя ограничить. А на что, спрашивается, нам избыток свободы, которую мы не можем использовать?..

Человеку хватает той свободы, которая позволяет ему вести нормальную жизнь и занимается своим ремеслом, а это доступно каждому. Не надо еще забывать, что все мы свободны лишь на известных условиях, нами соблюдаемых» (см. Иоганн Петер Эккерман. «Разговоры с Гете в последние годы его жизни», М., «Худ. лит», 1986, стр. 204).

О свободе Гете рассуждает довольно пространно в контексте жизни и творчества Шиллера (свобода физическая и идеальная), свободы дворянина, владетельного князя, купца, категорического императора и т.д. Не могу все это цитировать, отсылаю любопытного читателя к этим рассуждениям.

Они, несомненно, импонируют.

То, что рабу свобода не нужна, как говорится, и ему понятно. А большинство людей – в какой бы стране они не бытовали и к какому роду-племени не принадлежали – они по существу своему, по идентичности, по социальному положению, по мировосприятию, по природе своей от рабов – духовных и физических – не далеко ушли. Свобода для них весьма относительное и умозрительное понятие. И ничего зазорного, обидного в том нет. Свобода им нужна лишь в той мере, чтобы ублажать свои элементарные, житейские потребности – просто жить, растить потомков, трудиться, дабы выжить, иметь возможность осуществлять свои скромные и тихие надобности.

Видимо, так.

И, полагаю, именно это имел в виду великий веймарец.

Мнимой свободой морочит головы бедным людям прожженные, циничные политики и наивно-лживые проповедники.

Без такой свободы можно прожить.

И без той независимости, которую внушает власть предержащие простым массам, – тоже.

Вообще не стоит прельщаться тем, чего нет и в сущности не может быть.

* * *

Меня в последнее время все больше преследует тревожное настроение. Причиной тому, думаю, не только мой почтенный возраст. Тревожит то, что происходит вокруг. Более 30-ти лет назад Юрий Бондарев опубликовал роман «Выбор». Там один герой по имени Илья говорит другому (Васильеву): «...Мир идет от плохого к худшему. Сейчас человеку плохо везде. Везде и во всем. Ни у кого нет богов. И нет веры в себя. И в других».

И тот же Илья (Рамзин) в другом месте говорит: «Правда, как и Память, дается человеку в наказание».

Разве не так?

* * *

Признаюсь: обилие поэтической продукции в казахской литературе меня нередко настораживает. Казахские газеты отводят регулярно целые полосы стишков, которые как по содержанию, так и по форме чаще всего ни уму, ни сердцу. Самое тревожное, что все эти рифмачи (и рифмачки) гордо заявляют себя акынами. Это беда! Гете называл таких «стихотворствующими юнцами». Беда ни в том, что они стихотворят, а в том, что он изделия в обязательном порядке печатают. Печатают и на что-то рассчитывают.

Гете к подобным поделкам был строг. «Кстати сказать, – внушал он Эккерману, – тому, кто не рассчитывает на миллион читателей, лучше бы и вовсе не читать».

В казахстанских условиях гетовская максима – все же явный перехлест. Кто из нынешних наших поэтов в состоянии рассчитывать на миллион читателей? Олжас? Шаханов? Или недавно ушедшие Кадыр, Туманбай, Фариза? Кто еще?

Негусто.

И какие поэты пользуются благосклонностью публики?

Опять-таки часто не те.

Опять прислушаемся к Гете:

«Здесь дело отнюдь не в том, подлинно ли велик поэт, ибо благосклонность публики пользуется скорее тот, чья личность не слишком возвышается над общим уровнем».

Это так. Это происходит и поныне везде и всюду. Отнюдь не тулпары скачут в табунах. Отнюдь не сункары взмывают в небеса.

С прозой еще сложнее.

«А дело обстоит просто, – сказал Гете Эккерман, – чтобы писать прозу, надо иметь **что** сказать. Тот же, кому сказать нечего, может кропать стихи, в них одно слово порождает другое, и в результате получается нечто, вернее – ничто, которое выглядит так, будто оно все-таки нечто».

Как это точно и справедливо! Для чего и талант, чтобы из ничего сотворить нечто.

* * *

О нынешнем моем состоянии я – на казахский манер – говорю «шүкір», «тәуба», но – если по правде – то ни то, ни се.

Поразительно точно передал мое нынешнее состояние Лев Толстой в своем дневнике.

Читаю:

«Тело мое разрушено»

«Вечно недовольство своей жизнью»

«Ходил через силу»

«Очень слаб, походил, напился кофе. Записал дневник и сам не знаю, что буду делать»

«Когда человек один, ему легко быть хорошим. Только сойдись с другими – и он становится дурен»

«Я очевидно стал умственно слабее. Надо не писать глупостей»

Ей-ей, мои нынешние физические ощущения те же, хотя когда Л.Толстой делал эти записи, он был года на два-три старше меня.

* * *

Ныне (март 2014 г.) у всех на устах Россия, Крым, Путин.

И еще санкции со стороны США и Европы.

Все взялись друг друга пугать разными страшилками и катаклизмами.

Понятно: тема архисложная, горячая. Едва ли не весь мир всколыхнулся, вздыбился.

Что же меня настораживает и возмущает? А то, что буквально все – писатели, журналисты, актеры, экономисты, историки, политики, пенсионеры, разная пузатая мелочь, праздные шәлдіреки и көлденең көк атты («встречные-поперечные») – все-все, как на подбор, крупнейшие знатоки и специалисты по данному вопросу.

Включаешь любые телевизионные программы – день и ночь взахлеб рассуждают, прямо-таки с пеной у рта, какие-то пиджаки, галстуки, бородачи, лысаки, усачи, очкарики разных племен и народов, обрушивают на головы слушателей мудреватые словечки, раскладывают все по полочкам, разбирают курсы долларов, юаня, рубля, котировки и индексы, дотошно подсчитывают все «за» и «против», все «плюсы» и «минусы».

Раскрываю наши казахстанские газеты: ойпырмай, и тут тот же аляуляй. Все всё знают: и что нас ждет, и какой у нас выбор, какая и откуда грозит опасность, какие поджидают нас страхи и «уверенности в себе», удастся ли нашему лидеру на сей раз ловко обхитрить всех, сохранив свое реноме, изрекают: «крымский аншлюс», «аннексия», «имперская дубинка», «военное вмешательство», «вежливые зеленые человечки», «крымский сценарий, который буквально завтра придет к нам», и т.д. и т.п. и пр.

Поразительная осведомленность! Высший пилотаж! Всех Аллах наградил редким провидческим даром! Все сплошь көрікпелсәуегеи!..

И откуда все эти познания? Все вмиг стали Бзежинскими. Да какой там! Любой Мырқымбай в области политики на десять голов выше его.

Ойна, Кузембаймен!

Как говорится, каждый суслик агроном.

Ну, ладно. Допустим, я тоже ведь какое-то понятие-суждение имею. Имею представление какое-никакое об Европе, бывал кое-где, знаю истинную цену европейской и американской демократии,

немного чувствую Россию, которую «умом не понять и аршином общим не измерить», что-то ведаю по истории, в состоянии сопрягать некие факты и явления, трижды объездил Крым, и в Севастополе бывал, и судьбу крымских татар и немцев-меннонитов ощущаю, как собственную. Как говорит мой старший друг, Бошай-аға, «біз де бірдеме білеміз ғой» («и мы кое-что кумекаем»)

Но это вовсе не означает, что я могу себе позволить с апломбом рассуждать о своем видении данного события.

Нет, нет, я всего-навсего литератор, пенсионер, рядовой «аль-дивани» (в смысле «обитающий на диване»). Много ли проку от моего разглагольствования? Грош цена моим суждениям? На кого я могу влиять? По-казахски: «Менің сөзім кімге дәрі»? Думаю, было бы резонно, если бы теле- и -газетные умники-разумники не мутили воду и не сотрясали бы впустую воздух. Спецы, блин, нашлись!

Могу добавит еще вот что. Разумеется, мне не дано провидеть, как и чем все это кончится.

Но склонен думать, что все образуется, упорядочится, устаканится.

Поорут-пошумят-погалдят, загривки вздыблют, клыки оскалят, глазами посверкают, исподтишка пакости всякие затеют, а потом все это надоест и хвосты прижмут.

Дай Бог! Ауминь!

Путин выразился мудро в том смысле, что дело сделано, а остальное рассудит история.

О, да... чью-то мошну потрясут. Как всегда: кто-то теряет, а кто-то находит.

Знаем: было, есть и будет.

А международное право, самоопределение, конституционные нормы, законы, ООН, вето и прочая мишура – химера.

Казахи еще в глубокой древности заметили: «күштінің көті диірмен тартады», что по-русски означает: «Сильный задом жернов крутит».

Смысл: кто силен, тот и прав.

Все остальное – шайтановы происки.

* * *

Тем для сатиры в любом обществе достаточно. Наше – не исключение.

Вообще-то в казахской литературе успешно работает заметная группа сатириков. Я не всех помню по именам, но охотно читаю в периодической печати. К сожалению, о них редко пишут. Попались мне на глаза язвительные строки Толымбека Алимбекулы. Я не могу адекватно воспроизвести поэтический перевод, а подстрочник стихотворения «Конец света» звучит примерно так:

«Когда наступит конец света, жизнь перевернется вверх дном. Небо обрушится на землю, и тяжесть ляжет на народ. Земля же на небо не взмоет, а провалится в преисподнюю. Температура воздуха не поднимется и не опустится, а застрянет на нуле.

Скотина обернется человеком, человек – скотиной. Старики превратятся в старух, старухи – в стариков. Звезды – в артистов, артисты – сплошь в звезды. День становится ночью, ночь днем. Когда-то мы, лежа на спине, любовались звездами. И делили их полюбовно: эти, мол, твои, а эти– мои. А ныне то ли они свалились, то ли скатились – все теснятся на земле. Раньше звезд руками не доставали, теперь их топчут ногами. Посмотришь направо – звезда, налево посмотришь – звезда, ляжешь – под бочком звезда, встанешь – рядышком звезда. Спустишься в долину – звезда, взберешься на вершину – звезда. Глаза открыл-закрыл – звезда, везде и всюду звезда, звезда, звезда. Идешь – спотыкаешься. Так, где ж мы обитаем-то?..

В самом деле: «Звездная семья», «Мир звезд», о, божья напасть! «Две звезды», «Разговор со звездой». Молча делись тоской. «Звезды зовут», «Звезды приглашают». Звезды стонут, ликуют, вещают. Свистят, чихают... Что творится? Что происходит? За глотку хватают, шенкеля сжимают. Может, это и есть конец света? Печалится-скорбит душа. «На ту звезду, о, глянь!» «Сгинь, отстань! И так тошнит от всех этих звезд».

А ведь в самом деле, верно замечено. От звезд нашего бытия душу воротит. Не так ли?

Поэт Болат Шарахымбай в своей пространной статье (см. «ҚӘ», 21.03.14) о сатирике Толымбеке Алимбекулы обильно цитирует его стихи.

* * *

Давно намереваюсь сказать несколько слов об уникальной личности Айгуль Кемелбаевой. Подозреваю, что русскоязычный читатель знает ее явно недостаточно. Между тем в казахской литературе она успешно работает уже давно.

Училась Айгуль на факультете журналистики КазНУ имени аль-Фараби, окончила отделение прозы Московского литературного института имени М.Горького, является автором нескольких сборников – романа, повестей, рассказов, очерков, статей, эссе, лауреатом ряда литературных премий, пишет также инсценировки, сценарии, переводит с русского на казахский, а иногда – наоборот.

Я знаком с ней, слежу за ее творчеством многие годы, охотно беседую с ней на литературные темы.

В чем заключается ее уникальность, или проще говоря – коэффициент полезного действия? В том, что она всесторонне образована, поразительно много читает и знает не только казахскую, русскую, но и мировую литературу, обладает тонким эстетическим вкусом, великолепной, цепкой памятью и умеет искусно сплетать разные – иногда диковинные – факты и явления, сопрягать их, выявлять их глубинную суть и созвучия. У Абая это называется «қиыннан қиыстырар ер данасы».

Это редкий дар. И, на мой взгляд, этот дар Айгуль особенно выразительно проявился в жанре эссе.

Эссеистка она прирожденная, божьей милостью. Для этого жанра у ней есть все: прочный философский стержень, четкая система взглядов, прекрасный слог, богатый лексический арсенал, глубокие литературные познания, чуткая зрячая душа, открытое доброе сердце, умение искренне радоваться любой творческой удаче, вольно, раскованно говорить о том, о чем молчать уже нельзя, невозможно, немыслимо.

О жанре эссе среди казахских литераторов я давно замечаю путаницу и разброд. Нередко приходится читать под видом эссе заурядные статьи, банальные воспоминания (подразумевая под эссе – естелік), плоские сентенции, случайные зарисовки и Бог знает что. Все неопределенное, зыбкое, беззубое и безличное, а часто претенциозное – все у нас эссе – будь то рассказ, очерк, сценарий, роман.

Кто у нас пишет эссе? Пожалуй, Дидар Амантай. Может, Ауэзхан Кодар, Умит Тажикенова, Нургали Ораз.

И, несомненно, профессионально, по складу дарования – Айгуль Кемелбаева.

Этой точки зрения я придерживался и раньше. Теперь же, прочитав ее блистательное эссе «Отамалы» (ҚӘ, от 21.03.14), я окончательно убедился в своей правоте.

Что значит «Отамалы»? О чем, собственно, речь? О том поведаю чуть ниже. А пока остановлюсь на творческом штандпункте автора. Она полагает, что истинного писателя читатель никогда не забудет. Произведения настоящих художников продолжает жить. Если и случаются некие паузы, или даже забвения, то ненадолго, на определенный срок. Потом спрос, интерес к их творениям вновь вознаграждается, и они снова играют свою историко-эстетическую роль. Эссеистика называет имена: Герман Мелвилл, Амброз Бирс, Эдгар Алан По, Говард Филипс Лавкрафт. Их одно время как бы напрочь забыли. Ныне они снова вернулись в ряд классиков, то есть, сполна вернули коэффициент полезного действия.

Я разделяю это мнение. Настоящее не блекнет. Не канет в Лету.

Это вселяет надежду, ибо справедливо. И судьбу подлинного произведения никто не провидит.

Массовый читатель склонен увлекаться лишь временным, конъюнктурным, сиюминутным. Только элитный, умный и дотошный читатель в состоянии разглядеть, осмыслить истинную ценность того или иного создания.

И после этого замечания Айгуль переходит к объекту своего рассуждения – полузабытого рассказа «Отамалы» рано, еще в 1974 году скончавшегося прозаика Тобыка Жармагамбетова.

Он мой ровесник, и я его понимаю. Как и другого моего ровесника Ахана Нурманова (роман «Гибель Кулана»). Они вращались в кругу наших друзей-шестидесятников, однако в отличии от нас многих они уже тогда функционировали как вполне сложившиеся художники, авторы четырех-пяти книг.

Айгуль Кемелбаева обстоятельно анализирует трагический рассказ (точнее, пожалуй, новелла) Тобыка, в котором в метафорической форме была подана, раскрыта и всесторонне осмыслена драматическая судьба казахов.

«Отамалы» – так называется отрезок времени на стыке зимы и весны; это пора ненастья, буранов, гибельных метелей, снегов, дождей и свирепых ветров, когда зима яростно сопротивляется приходу долгожданной, милостивой, спасительной весны. Пора джута, массовой гибели овец, жутких испытаний, вселенской беды.

«Отамалы» – развернутая метафора, охватывающая судьбу казахов на трагическом переломе.

Айгуль где-то раскопала русское словечко «падера» (ссылаясь на Чаплыгина), якобы соответствующее казахскому «отамалы».

Слово «падера» мне как-то не встречалась. На всякий случай обратился к Далю. Вот его толкование:

«Пáдера, пáдора – нвг, пск, прм, сиб. буря с вихрем, дождем, со снегом, зимнее ненастье, дряпня, мокредь, метель, вьюга, при сильном ветре; зимняя непогодь, снег и ветер». И далее Даль по обыкновению приводит разные примеры и выражения.

Вот что такое «отамалы». Подозреваю, что значение этого древнего слова и редко кому из казахов известно.

А чабана тысячной байской отары, оставшейся по воле самодура-хозяина в буранной степи, героя рассказа тоже зовут Отамалы.

Вот как все сплетено в эссе Айгуль.

Эссе орнаментировано, прошито яркими цитатами из рассказа Тобыка Жармагамбетова. И эти цитаты напоминают страницы «Старика и моря» Э.Хемингуэя, «Пути Абая» М.Ауэзова, «Аборигена» Дукенбая, поэм и сказов ряда казахских поэтов, «Буран»

Т.Ахтанова, фильм «Шал» Ермека Турсынова. И еще Айгуль вплетает в канву своего повествования казахский, русский, скандинавский фольклор, Машхура Жусупа, Гете, Гоголя, историка Л.Гумилева, известных лингвистов, раскрывая этимологию слова «Отамалы», предлагая свою фонетическую версию, прибегая к сравнительному литературоведению, языкознанию, истории, философии, религии. Словом, это перо свободного полета. Это – рассуждения, пропущенное через сердце. Это – поэтические пласты мировосприятия. Это грани культуры. Это пир Духа. Это творение вдохновенного художника слова.

Это эссе в подлинном, первоначальном его значении.

Это Айгуль Кемелбаева.

* * *

Такой вот казус: обрела моя дочь весьма приличные с виду туфли и отправилась в обновке на работу. Едва дошла по московской слякоти до метро, как подошва отклеилась, отлетела.

Оказалось, китайское изделие.

И мне это напомнило далекое.

...Не могу в момент вспомнить, как называлась программа американской помощи в годы войны.

Если не ошибаюсь, в 1943 или 1944 году отца вызвали в район и предложили что-то выбрать из американской помощи. По рассказам отца, жертвовали американцы всякую всячину – одежду, обувь, домашнюю утварь, яичный порошок, тушенку, бобовые консервы, сою, джем, иголки, пуговицы, резинку для трусов, наперсники, костыли, трости, лупы, веера, губные гармошки... Кто и как делил все эти пожертвования, кому что досталось, я не знаю.

Отцу достались две вещи: набалдашник из слоновой кости и темно-серая жилетка на шелковой подкладке, с кармашками и с дюжиной мелких пуговичек.

Вещички были изящные и прочные. Набалдашник отец приспособил к алюминиевой трубке, получилась легкая трость, которой

я пользуюсь с двенадцатилетнего возраста до сих пор. Слоновая кость со временем только пожелтела, потрескалась, крохотный краешек отломался. Прикосновение ладошки к гладкому, отполированному набалдашнику оставляет приятное ощущение.

А жилетку отец носил в торжественных случаях лет сорок, потом передал мне. И я ее ношу и поныне. Считай, она служит нашей семье уже 70 лет!

А ведь, надо полагать, ее до нас наверняка носил и какой-то американец.

Вот это качество! Это тебе не китайский ширпотреб.

* * *

Созвучие слов в тюркском языках издавна вызывает у меня удивление и умиление. Еще в школе, помнится, я завел однажды тетрадку, в которую записывал доступные мне слова-понятия по-казахски, по-киргизски, по-каракалпакски, по-татарски, по-узбекски, по-уйгурски. Тетрадку эту я так и не исписал: в аульных условиях не было никакой литературы по сопоставительному языкознанию. Став студентом, я получил такую возможность, но расширить тетрадку помешали другие юношеские соблазны.

Читаю глубокое, серьезное исследование давнего знакомого историка Марата Семби «Память земли тюрко-монгольской» (Тюркский меридиан, Алматы, 2013).

На каждой странице – уйма любопытных, верных и тщательно выверенных сведений. Аж сердце несостоявшегося тюрколога (о чем я некогда мечтал) дрожит.

В одной своих статьей Марат Семби пространно рассуждает о Шолпан – «третье по яркости светило (после Солнца и Луны), постоянный и надежный спутник кочевников. Не стану здесь пересказывать филологические и этнографические, исторические изыски дотошного автора. Приведу лишь название «пастушьей звезды» в разных тюркских языках. У казахов Венера называется шолпан (кстати Шолпан также распространенное женское имя; есть и

усеченная форма – Шопан-ата – покровитель, пир овец). Так вот, звезду шолпан у алтайцев называют **Чолмон**, башкиры – **Сулпан**, буряты – **Цолмон**, **Солбон**, калмыки – **Цолан**, кыргызы – **Чолпон**, кырымлы – **Чолпан**, монголы – **Цолмон**, Саха – **Чолбон**, татары – **Чулпан**, тофы – **Шолбан**, турки – **Чобан**, **Чулпан**, **Чобанийлдызы**, туркмены – **Чопан**, тыва – **Шолбан**, **Чалбан**, узбеки – **Чопан**, хакасы – **Солбан**.

Марат Семби резюмирует: «Практически у всех этих народов название звезды «связано» с животноводством, в частности, с овцеводством. Звезда не случайно именуется чабанской, как, например, у турок». (стр. 147).

* * *

Ивану Крылову, баснописцу, говорили: «N – очень умный». Иван Андреевич ответил: «Умный-то умный, да ум у него дурацкий».

И мне говорят о Z: «Он личность!»

Я не спорю. Говорю: «Личность-то личность. Да личность ничтожная».

В океане тюркского эля

Для меня эта очень теплая, манящая, волнующая книга – «Тюркский меридиан» Марата Семби. Речь в ней идет о близком мне, сокровенном. О казахской ментальности. О казахской ауре. Об истоках, дебрях казахских слов и выражений. О словесной культуре номадов, о космосе тюрков. О безбрежном океане восточной топонимики. О духовности тюркского мира.

Здесь все – все грани, параметры гуманитарных наук – диковинно и аргументировано сплетены, выявлены и обозначены на обширном материале – глубокие, основополагающие истины, раскрывающие суть исследования в диалектическом, уникальном преломлении.

В лапидарном и энергичном предисловии поэта, писателя Дюсенбека Накипова верно замечено: «Стоит особо отметить огромную кропотливую работу М.К.Семби с источниками, охватывающими такие области знания, как история, археология, филология, этнография, лингвистика, мифология, фольклористика, астрономия, архитектура, с точки зрения топонимики».

Добавлю: при этом Марат Семби грациозно оперирует монбланом литературы на разных языках, свободно плавая в океане тюркского эля.

Он не просто многогранный исследователь, а очарованный странник, пилигрим, бредущий на стыке наук с дивным посохом познания.

Его и читаешь-то с изумлением и восторгом. Его научный труд – исповедальное повествование чистого, душевного человека, влюбленного в мир слов, в истоки древней культуры номадов.

Видно: книга вынашивалась долго, не один десяток лет. Иначе и быть не могло. Такую махину в один присест не напишешь. Припоминаю, как лет 10-15 назад автор предложил моему вниманию какие-то эскизы, этюды, фрагменты, вошедшие в эту книгу.

Свою научную задачу Марат Семби оконтурил так:

«В этой работе я постарался восстановить исходный смысл тюркских географических наименований, опираясь на знания, накопленные историей, этнографией, фольклористикой, лингвистикой.

Чем больше оригинальных и самобытных названий, тем богаче и красочней мир вокруг нас. За каждым словом тянется ниточка к нашей же давней истории, пластам нашего языка, истокам народного вкуса. Что же касается названий, пришедших к нам из древних времен, то к ним надо относиться с особой бережностью. Эти названия – такая же ценность, как старинный памятник, уголок реликтовой природы или сосуд из сакских курганов. Это моральный духовный капитал народа».

Этим по сути и все сказано. Все остальное – дотошные и любопытные доказательства.

О масштабах книги свидетельствуют названия следующих работ:

– Север в казахской топонимике.

– «Мир мертвых» в фольклоре тюркских народов.

– К реконструкции некоторых древнетюркских топонимов Малой и Большой надписей Култегина.

– Пространственно-ориентационная система казахов.

– Кемпир – небесное божество.

– Жетысу – страна молочных рек.

– Четыре этюда к статье «Эпос «Козы-Корпеш – Баян-сұлу».

– Пятнадцать топоминиатюр.

Разумеется, я охватил не все содержание.

А поскольку издание научное, то оно снабжено – как и полагается – последствием, двумя приложениями, списками сокращений, информаторов, литературы и топонимических указателей, а также резюме на казахском и английском языках.

Таковы горизонты рассматриваемой темы.

Замечу еще, что Марат Семби посвятил свой труд светлой памяти мадьярских тюркологов Конгура Мандоки и Йожефа Тормы. С припиской:

«Вы пришли к нам друзьями,
а ушли братьями.
Имена ваши мы сохраним
в наших сердцах».

Я знавал этих симпатичных, увлеченных, интеллигентных людей, беседовал с ними, бывал за одним дастарханом, даже являюсь обладателем именной премии последнего, учрежденной журналом «Парасат» (1997). Читая книгу Семби, я обоих живо вижу перед глазами.

Уже несколько дней я прилежно просматриваю труд Марата Семби, по главкам, по отрывкам, по миниатюрам, преодолевая свое удовольствие. Поначалу мне хотелось написать пространный анализ книги, теперь же – по мере осмысления необъятного

тюркского мира – отказываюсь от первоначального намерения, убедившись в своей недостаточной компетентности. Просто-напросто это уникальное сочинение мне не по зубам (по-казахски: тісім батпайды).

Вспомнился мне тут проникновенный очерк Юрия Ростовцева (Роста) «Марофонец» об уникальном философе-мудреце Алексее Федоровиче Лосеве: «Как минимум, шесть наук всецело претендуют на него. Посчитайте сами: эстетика, философия, филология, история, искусствоведение, лингвистика. Как выбрать?»

Нечто подобное можно сказать и о Марате Семби. С колокольни литератора, пожалуй, слишком рискованно пуститься в вольные рассуждения.

Поэтому ограничиваю свою задачу лишь тем, что горячо рекомендую сей труд интеллектуальным читателям и тем, кто неравнодушен к истокам своей духовности.

И все-таки на два момента, которые меня особенно взволновали, хочу обратить подчеркнутое внимание. Оба момента касаются моих соплеменников, о чем я до поры до времени не ведал.

Первый момент относится к депортации российских немцев.

Известно, что в сознание советских людей усиленно вбивалась коммунистической властью версия, что российские немцы – сплошь, от мала до велика, диверсанты и шпионы и потому депортация по законам военного времени была вынужденной и исключительно справедливой мерой. Более того – благом. (Ничего себе благо, в результате которого народ был развеян и больше чем на треть физически истреблен в ссылках, тюрьмах, трудовых армиях за колючей проволокой).

Потом, 23 года и один день спустя, Указом Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года депортация была признана ошибочной («огульное обвинение»), зловещим порождением культа личности. Депортированы, однако, были не только немцы (поволжские, крымские, украинские, кавказские, петербургские, балтийские, московские и прочие), но и поляки, корейцы, а после немцев –

чеченцы, ингуши, кумыки, карачаевцы, крымские татары, хемшиды и многие другие.

Историк Марат Семби уточняет, что депортация немцев началась не в 1941 году, а задолго до нападения фашистов на Советский Союз. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 28 апреля 1936 года за № 776-120 сс (совершенно секретно) «О выселении из УССР и хозяйственном устройстве в Карагандинской области Казахской АССР 15 000 польских и немецких хозяйств» (около 50-60 тысяч человек) как политически неблагонадежных говорит само за себя.

Советской власти было всего 1 год и 2 месяца, когда она на основании Директивы ЦК РКП9б) от 24 января 1919 года впервые применила массовую высылку людей со всеми домочадцами из трех казачьих станиц и двух хуторов.

Так констатирует Марат Семби (см. стр. 229).

Что это значит? Есть казахская поговорка: «Изобилие жаркого узнаешь, когда зарежут верблюда». Маленький опыт по депортации населения в 1919 году позже превратился в массовую депортацию народов, став одним из тягчайших преступлений в мире.

Второй момент. Среди топоминиатюр я обратил внимание на зарисовку «Самарканд». Это, оказывается, поселок в восьми километрах от города Темиртау Карагандинской области. Поселок к одноименному узбекскому городу не имеет никакого отношения.

Поселились немцы (первоначально 18 семей) из Самарской губернии в 1905 году на левом берегу реки Нура. В 1909 году было заложено село, зарегистрированное как Самарканд (этимологию старожилы выводят из сочетания слов: Самара и кант).

Село выросло быстро. Хозяйство крепло. Стало образцовым. Туда потянулись и другие немцы.

В октябре 1941 года немцев выгоняют из обжитых домов и переселяют на территорию сезонных бригад в 10 километрах от Самарканда. Мужчин поголовно забирают в трудармию. Село приходит в полное запустение. Сам автор «Тюркского меридиана» вырос в тех

краях, и о своих земляках-немцах, потомки которых перебрались в Германию, пишет с теплотой и благодарностью. Такая вот немецкая струна, вплетенная в судьбу казахов. Марат Семби заключает свою миниатюру словами: «Хочу, чтобы знали наши немцы, что мы любим их, помним о них и скучаем без них. Доброго вам будущего, братья! Ауфвидерзейн!»

О, много познавательного и достойного найдет читатель в объемном труде казахского историка.

* * *

Честно говоря, то, что называют современной литературой, меня вдруг почти не трогает. Я это даже не сразу понял. Может, это объясняется моей старостью?

Последние годы я занят в основном перечитыванием классиков – русских, немецких, казахских. Вот они меня еще волнуют. А ныне я перед сном, дабы очиститься от постылой современности или даже так называемой злободневности, я и вовсе окунулся в красочный, яркий мир «Тутинаме», «Синдбаднаме», «Кабуснаме», «Храм познания». Это орнаментальная вязь меня прельщает, диковинный мир увлекает.

Чем это объяснить?

В своих рабочих тетрадях я наткнулся на выписки из статьи Тамаза Чиладзе, опубликованной в ЛГ еще 21.08.1985 года.

Вот одна из его мыслей:

«Произведение, которое не вмещает в себя три времени сразу – прошлое, настоящее, будущее, – не может быть современным».

Хм-м... Пожалуй, батоно Тамаза прав. Вероятно, в этом и заключен «магический реализм» латиноамериканской прозы.

И еще Тамаз Чиладзе в той статье пишет:

«Сами корни слова – «современность» и «злободневность» – указывают на их различие: время и день! Поэтому в некоторых так называемых злободневных произведениях литература порой подменяется журналистикой, педагогикой и т.п.»

Ну, это я вижу с лихвой.

В казахской литературе все в большей степени. И при этом очень многие считают себя убежденно классиками. Кто в современ-

ной казахской литературе классик? А.Нурпеисов, О.Сулейменов, М.Алимбаев, М.Магауин, А.Кекилбаев, К.Жумадилов, М.Шаханов, Д.Исабеков, С.Досанов, из недавно умерших Кадыр, Туманбай, Дукенбай, Фариза, вероятно, еще человек пять-шесть. Больно много классиков, которых почему-то не видно на Олимпе мировой литературы.

Иные из них прямо говорят: «Я сотворил бестселлер». А что такое бестселлер?

Тамаз Чиладзе считает:

«Бестселлер живет неделю, месяц, год, настоящая же книга живет веками».

Вот от этой печки и стоит плясать.

«Классиков» ныне развелось и в русской литературе. Имена их даже не хочется здесь называть.

А еще одну цитату из Тамаза Чиладзе приведу:

«Существует, к сожалению, книги, напоминающие легкий завтрак, что берут с собой в дорогу. Но нельзя же такую «дорожную» литературу смешивать с настоящей».

* * *

Третью неделю все газеты и каналы ТВ переполнены пустым аляуляй по поводу Крыма и Украины. Все исступленно бьют в колокола и колокольчики и свистят во всевозможные свистульки. И вспомнилась мне фраза в восточном стиле: «Но поскольку судьба уже выпустила свою стрелу, было бесполезно вопить и кричать».

А у мудрых казахов исстари бытует поговорка: «Ушел ворог, воткни свой меч в дерьмо».

Мифические санкции США и Европы напоминают эти самые вопли и крики. Надо признать: урус Путин крепко щелкнул их по носу. Санкции их напоминают гнев бабы, способной разве что вскипятить казан. По-русски это называется пúсать кипятком.

Санкции – хорошо известно по истории – только сильнее сплачивают Урусов. Спросите у Наполеона, у Гитлера, у Бисмарка, да мало ли у кого.

30.03.14

* * *

Политические лидеры Европы катастрофически мельчают. Я в том постоянно убеждаюсь примерно с конца прошлого века.

Беда! Нет прежних колоритных личностей-титанов. Всплывают наверх весьма серые шәлдіреки.

Вчера (30.03.14) опять подвернулся повод удовлетвориться в своих ощущениях.

По ТВ повторили выступление Юлии Тимошенко. Эта смазливая дамочка – то с косой, то без косы, то блондинка, то чернявка – давно вращается в политике и о себе очень даже высокого мнения.

Так что же она сказала?

«Их (русских – Г.Б.), блин, надо уничтожить атомным оружием.

...Я, блин, подниму весь мир, чтобы от России остались одно выжженное поле».

Апырай, а?! Вот нашелся Чингисхан, Наполеон и Гитлер в одном флаконе.

И это говорит политик, претендующий в канун выборов на место Президента Украины!

Умный и способный дипломат Лавров заметил: «Это риторика».

Я на сей счет иного мнения. Считаю, что озлобленная, жаждущая мести бабенка ляпнула это не верхним ртом, а срамным нижним. И яростные ее слова донеслись не из гортани, а совсем из иной пучины.

Русские говорят: «Писает кипятком».

Казахи – напомнил Т. – выражаются: «Теріс сиген».

Интересно, как это по-украински?

* * *

Деградация: культ личности – культ должности – культ невежества и хамства – культ пошлости. А нужен культ человека. Последнее Расул Гамзатов сказал. Я только присоединяюсь.

* * *

В связи с Крымским и Украинским вопросами чего только не городят на информационном ристалище!

Вспоминается Расул Гамзатов («Огонек», № 41, 1987 г.).

«У нас считалось: кто соседа ругает – это дурак дома, глупец дома; кто другую нацию ругает – тот глупец своей нации; кто другую страну ругает – это дурак своей страны».

* * *

Казахи тоже удревляют свою историю. И кому-то это не нравится. А почему? Разве казахи не имеют права на древнюю историю?

Надо к этому относиться с пониманием и уважением.

Расул Гамзатов именно это имел в виду, сказав:

«Я с подозрением гляжу на людей, которые высокомерно говорят про историю других народов: «Приукрашение...» В Узбекистане древняя история. В Грузии – древняя история. В Армении древняя история. Разве можно сомневаться в этом? Да и зачем? Что есть, то есть. Чья-то история моложе, чья-то древнее, глубже. Надо изучать друг друга. А не завидовать».

Справедливо спора нет.

* * *

В тюркологии большой след оставили немцы. Назову некоторых: Арендс Альфред Карлович, Бадер Андрей Николаевич, Бетгер Евгений Карлович, Берзин Эдуард Оскарович, Виганд Владимир Кириллович, Гернгрос Георгий Евгеньевич, Крюгер Отто Оскарович, Итс Рудольф Фердинандович, Озолинг Василий Вильгельмович, Шмидт Александр Эдуардович. Еще назову Бартольда Василия Владимировича, издавшего более 650 работ в 9-ти томах.

Трансформации

– У меня плохая память: ничего не забываю.

– Я почти свободен: мне нечего сказать. И еще: мне мало что надо.

– Друзей-приятелей становится все меньше и меньше: я обезлистившееся по осени дерево.

– Свое состояние я определяю по-казахски: шукур, средний шукур и малый (шала) шукур. А в заключении говорю: тәуба и аминь.

– Дожил: вздрагиваю и холодею от каждого звонка.

– Ярких, веселых, радостных снов почти не вижу. Улетучились напрочь. Во сне блуждаю по бездорожью, плутаю по тупикам-закоулкам, тщетно ищу, неизвестно что, не помню ни телефонов, ни адресов, маюсь во мраке.

– Раньше шкрябал по 10-15 страниц в день. Теперь устаю от двух.

– Раньше я свои органы не чувствовал, теперь чувствую сердце, почки, легкие, печень, поясницу, сосуды, голову, суставы и преследует меня стая «итов».

(Кстати, лет 20-25 назад Абдижамил пожаловался на остеохондроз. Кабдолов сделал круглые глаза и по секрету сообщил знакомым: «Ойбай, у Абе острый хандроз. Т.е. обострившаяся хандра).

– Уже две зимы подряд сижу под домашним арестом. Весной выбираюсь на вольный воздух, а бодрости нет.

– А чем утешаюсь? Тем, что читаю, пишу, издаю книги. Тәуба, тәуба! И еще рядом надежная байбише. Разве не счастье?

– В аульном интернате дети-сироты имели обыкновение перед сном благодарить Всевышнего: «Бергеніңе шүкір!» Я – атеист. Но все чаще тоже говорю: «Бергеніңе шүкір!»

– Бывало, снились горячие молодки. И я их исступленно любил. И теперь еще откуда-то прилетают сказочные пери, а я и не знаю, что с ними делать.

– В жизни горечи много. И все же она сладка и полна соблазнов.

* * *

Ну, вот опять изловили двух высоких крестоносцев из сферы космоса за грандиозные взятки. Во всех казахстанских газетах

мелькают их имена, фамилии, фотографии. Весьма крупные азаматы! Арыстаны. Жолбарысы. Крокодилы. Уже в солидных годах. И наворовали-накарабчили на ответственной службе изрядно. Взятки миллионные. Долларовые пачки еле вмещаются в спортивную сумку. Не всякий силач-палуан поднимет. А общее состояние – земля, дома, дворцы, машины, счета – на миллиард потянет. Отвесили им по 12 лет строгой каталажки. С конфискацией всего имущества. Оставили бедолаг в одних трусах.

Я подолгу разглядываю их гладкие, сытые, ухоженные физиономии. Казахи. Скорей всего, выросли в аулах, познали бедный быт, изведали запах кизяка, очагового дыма, овчины, сыромятины, подгорелой лепешки, перебродившего айрана. Знали родительскую любовь, слышали сказки, батырские дастаны, советы, назидания бабушек и дедушек. Воспитывались в традиционном казахском духе, наверняка с детства впитывали вкус родного языка, иман, обряды-поверья, фольклор, получили здоровью нравственную основу.

Далее что?

Сделали карьеру. Обзавелись семьей, имеют детей, внуков, правнуков. Издают красочные семейные юбилейные альбомы-книги.

Ну, и куда все делось? Какой бес их попутал? Откуда алчность, неуемная страсть к наживе, к хапанью, к скопидомству, к воровству? Куда делись совесть, честь, стыд? Какими глазами смотрят на жен, детей, внуков, родичей? Как объясняют свой пропад свой позор? Как будут отчитываться в судный час?

Тайна сия велика есть.

Я тщетно пытаюсь объяснить эти дикие превращения.

Что это?

Ну, никак не могу считать это национальной ментальностью. Подобные скорбные факты не отвращают меня от казахов, которых я знаю с 1941 года.

Так в чем дело? Кто объяснит?

* * *

По всем каналам ТВ и в периодике продолжается третий месяц информационная война между Россией и Украиной.

США и Европа стравливает их, как бешенных собак.

Лицезреть и читать все это противно.

На-до-е-ло!!!

Россия при этом все же демонстрирует какую-то логику и четкое направление, а Украина совсем сбилась с панталыку, как дурная баба.

Меня обескураживает не эта постыдная возня, а то, что в эту свару активно ввязываются казахи. Их тоже захлестнула вдруг антирусская, антипутинская истерия. И тут всецело отсутствует и логика, и всякий здравый смысл. Просто ор и бесшабашны айтак.

Неужели не стыдно?

Ведь в конце концов Россия – не только Путин и русские. А, во-вторых, и русские – не самые последние люди.

А главное: Казахстан за кого-то вынужден, просто обречен держаться. Как защитить ему такую территорию? На независимость он никак не потянет. А за кого держаться? За Китай? Проглотит с потрахами и не подавится! За США? Раздавит и растопчет, как козявку! Значит, хочешь-не хочешь, а остается Россия. С ней можно поладить. Она тебя не удушит.

Я так понимаю. И предрекаю – в противном случае – худшие варианты.

15.04.14

* * *

Одно из любимых моих занятий – перечитывать дневники Льва Толстого. Я его издавна не только перечитываю, но переписываю и конспектирую. Стараюсь кое-что мотать на ус.

Вот его правила и предположения, записанные в декабре 1853 года:

«1. Не обдумав поступок, будь нерешителен; обдумав, будь решителен.

2. Каждому делу предавайся вполне, стараясь сделать его наилучшим образом.

3. Всегда трудись.

4. Не лги.

5. Не тщеславься.

6. Не гадай.

7. Не мечтай.

8. Чем хуже положение, тем более усиливай деятельность.

9. Блюди порядок в физических и умственных занятиях.

10. В удовлетворении каждого чувства физического и морального будь воздержан».

Как просто и как сложно следовать этим правилам! Некоторым я инстинктивно и посильно следую.

* * *

А вот максима Льва Толстого в назидание нашим доморощенным нуворишам-хапугам:

«Есть два средства не чувствовать материальной нужды: одно – умерять свои потребности, другое – увеличивать доход. Первое само по себе всегда нравственно, второе само по себе всегда безнравственно: от трудов праведных не наживешь палат каменных». (Запись от 10.06.1991).

* * *

Признаюсь: мне мало интересно читать разные опусы встречных-поперечных про Сталина. Все это дешевая жвачка. Мне и сама личность Иосифа Джугашвили неинтересна. В конце концов не нам, простым смертным, о нем судить. В истории он остался наперекор всему и всем. Умом я это понимаю. А душе и сердцу моему он чужд. Аллилуйю не пою. Правда, сознаю, что аруаху ему это до лампочки.

А вот то, что говорит о Ленине и Сталине их соратник, знавший их еще до революции, – Вячеслав Михайлович Молотов (Скрябин), полагаю любопытно.

К словам-оценкам Молотова следует прислушаться. Он прожил долгую, драматическую жизнь в высших руководящих сферах, пережил одиннадцать руководителей страны. Родился при Александре III, умер при Горбачеве.

Так пишет его многолетний собеседник Феликс Чуев, поэт и публицист, в своей толстенной книге «Молотов» (М. «Олма-пресс», 1999), из которой я и сделал некоторые выписки.

Ленина Молотов впервые увидел в апреле 1917 года на Финляндском вокзале, там и познакомился с ним.

А со Сталиным встретился еще раньше – в 1912 году.

В своей когорте наиболее выдающимся Ленин считал Троцкого и Сталина.

Почему-то в массовом сознании Ленин беленький и пушистенький, добренький и простецкий, а Сталин – кремень, злыдень, убийца. И, намекая на это, Чуев спрашивает Молотова: «Кто был более суровым, Ленин или Сталин?» Ответ Молотова: «Конечно, Ленин. Строгий был. В некоторых вещах строже Сталина. Он нередко прибегал к самым крайним мерам, когда это было необходимо. Тамбовское восстание приказал подавить, сжигать все. Помню, как он упрекал Сталина в мягкотелости и либерализме. «Какая у нас диктатура? У нас же кисельная власть, а не диктатура!» (стр. 243).

Сталин либерал? У меня глаза полезли на лоб, когда я читал этот пассаж.

По оценке Молотова: «Конечно, Ленин выше Сталина. Я всегда был такого мнения. Выше в теоретическом отношении, выше по своим личным данным. Но как практика Сталина никто не превзошел» (стр. 249)

К Сталину Молотов обращался не однажды. «Гениальным я его не считаю, а считаю великим человеком. На 70-летии назвал великим. К гениальности он приближался в тактике. В теории и стратегии был слабее. Я только Ленина считаю гениальным в нашей партии» (стр. 299).

«Сталин был талантливый, очень инициативный. И лучше его никого не было».

«Вот я наблюдаю за Сталиным. Он постоянно читал. Исторические книги и очень много художественной литературы. Вот идеология и появляется» (стр. 657).

(В скобках замечу: нынешние лидеры, настолько мне позволительно судить, этим качеством не особенно обладают).

Чуев интересуется: «Какая наиболее яркая черта Ленина вам запомнилась?» Следует ответ:

«Целесообразность. И умение бороться за свое дело. Ведь в Политбюро почти все были против него – Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин. Тогда в Политбюро Ленина поддерживали только Сталин и я» (269 стр.).

Любопытные детали, штрихи припоминает Молотов.

«Ленин матом не ругался. Ворошилов – матерщинник. И Сталин непрочь был. Да, мог. Были такие случаи. Жданов мог иногда, под веселую руку. От души».

О Ленине.

«Человек колоссальной энергии, мало пожил. Немецкого в нем было мало, нет, но аккуратность, организованность – чертовская. Чертовская организованность! Но больше он русский был, конечно, безусловно».

Чуев спрашивает: «Сталин хорошо владел русским?» Ответ: «Да. Он хорошо выступал. Много читал, очень много, чутье имел художественное. Сталин все писал сам. Аппарат никогда ему не писал. Это ленинская традиция. Зиновьев сам писал, Каменев – сам. О Троцком и говорить нечего... Тогда все сами писали». (301).

Ленин в 1918 году написал: «Русский человек – плохой работник».

На евреев Ленин больше рассчитывал.

«Сталин рассказывал: «Я как нарком пришел к нему (к Ленину) и говорю: я назначаю такую-то комиссию. Перечисляю ему – того-то и того-то. Он мне говорит: «Ни одного еврейчика? Нет, ничего не выйдет!».

Вот какая обида нам, русским, тому же Ленину! Ленин говорил: «Русские ленивы». (стр. 332).

Еще три штриха касательно Сталина в воспоминаниях Молотова:

«Сталин пил на равных и, когда Черчилля на руках вынесли из-за стола отдыхать, подошел к Голованову и сказал: «Что ты на меня так смотришь? Не бойся, России я не пропью, а он у меня завтра будет вертеться, как карась на сковородке» (91).

«Сталин не любил, когда представитель другой национальности менял фамилию на русскую, спрашивал: «А русской нации он не изменит?» Считал, что на высокие посты надо допустить в основном русских, украинцев и белорусов». (336).

«Сталин сказал Демьяну (Бедному) однажды:

– Вы знаете, почему вы плохой поэт?

Орденоносный Демьян не ожидал такого.

– Потому что поэзия должна быть грустновата, – закончил Сталин. (668 стр.).

Кончаю выписывать фрагменты из этой увлекательной книги. Думаю, для людей моего поколения это может быть интересно. Родители мои жили при Ленине. Я 19 лет жил в сталинскую эпоху. Нынешние поколения довольно далеко ушли от того времени. Молотов рассказывает-вспоминает не только о Ленине и Сталине и о тех, кого мы знаем по истории большевиков. Любопытны его рассуждения о Хрущеве («Хрущев – это недоразумение для партии»), о Суслове («Мало понимал»). О Горбачеве («Горбачева вытянули, а что он такое – неясно»), о Крупской («оказалась плохой коммунисткой, ни черта не понимала, что делала»), о Картере («Это американский Хрущев. Болтун и авантюрист»), о Брежневе («Некультурный человек»), о Горьком, Шолохове, Симонове, Демьяне Бедном, Евтушенко, о себе и т.д.

Беседы Феликса Чуева с Молотовым – важное свидетельство эпохи. Полагаю, что и современникам знать о том не грех. Я же исхожу из твердого убеждения, что государственные деятели во всех странах мира ныне заметно и неуклонно мельчают.

* * *

А вот еще один титан политики, уникальная личность, колосс – Франклин Рузвельт. О нем написал объемную книгу А.И.Уткин («Рузвельт», М. «Логос», 2000)

Лет десять назад я ее проштудировал и сделал немало выписок.

Он провел жизнь в инвалидной коляске, с 1922 года до конца жизни пользовался протезами из стали и кожи, испытал жуткие физические и душевные боли.

В какой-то мере мне это знакомо с 12-летнего возраста.

И еще мое внимание привлекло то, что в 1891 году Рузвельт шесть недель учился в немецкой школе.

Чем он был примечателен как личность?

«Одним из главных талантов Рузвельта был безошибочный выбор способных людей, он видел их возможности едва ли не сразу» (45).

«Ему нужны были думающие люди, способные отстаивать свои идеи. Без этого качества Рузвельт не вошел бы в историю» (178).

«Ежедневно почта Франклина Рузвельта составляла от пяти до восьми тысяч писем» (121).

«Главными чертами Рузвельта как политика были мужество, терпение, удивительное чувство времени, способность увидеть суть, практически идеализм, интуитивная способность отзываться на нужды людей.

Рузвельт знал обо всем понемногу, но в трех областях ему не было равных – в политике, американской истории и географии» (513).

«Рузвельт читал на трех языках – немецком, французском и испанском. Книги, которые он читал, обычно делят на три категории: американская история мореходства и книги для развлечений. Кроме того, пресса: шесть или восемь газет ежедневно и непременно, целиком, а не отдельные статьи. Радио его не интересовало, как и нарождающееся телевидение. В поэзии его фаворитами были Киплинг и Руперт Брук. Он любил длинные повествовательные поэмы» (579).

Библиотека его, кстати, состояла из 16 тыс. томов.

С прессой он встречался охотно и регулярно. Последняя оказалась 998-й.

Жизнь Рузвельта поучительна.

В хронике военных лет эту могучую тройку – Рузвельт, Черчилль, Сталин – часто показывали. Чувствовалось, что они оценивали друг друга по достоинству.

Известно, какую помощь оказывала Америка Советскому Союзу в годы правления Рузвельта. Вот какие данные приводятся в книге Уткина:

«Именно в это время, в последнем квартале 1942 года, Америка послала в Россию 60 тыс. грузовиков, 11 тысяч джипов, 2 млн. пар обуви, 50 тыс. тонн взрывчатки, почти полмиллиона тонн стали, четверть миллиона тонн авиационного бензина» (351).

Жил он скромно, умер тихо, похоронили скромно. «Он просил положить простую белую плиту без малейших украшений, обозначив на ней только даты рождения и смерти». (507 стр.).

Гарри Трумэн, говоря о Линкольне и Рузвельте, обронил фразу: «Герои знают, когда умирать».

В мае 1958 г. агентство опросов ГЭЛЛАПА задало американцам вопрос: «Каких троих деятелей прошлого и настоящего вы хотели бы пригласить к себе домой?» Линкольн занял первое место, Франклин Рузвельт второе, Вашингтон – третье, Элеонора Рузвельт – шестое, Иисус Христос – одиннадцатое» (531).

Каково?!

Есть о чем подумать.

* * *

Доподлинно знал, что в Крыму проживало немалое количество российских немцев. Они относились к так называемому второму массовому потоку переселенцев. Т.е. в России они появились позже поволжских немцев.

Еще я знал, что крымские немцы жили довольно зажиточно и обладали высоким образовательным цензом.

Знаю, из одной только крымской немецкой школы в Спате учились будущие известные российские немецкие литераторы, писатели и поэты Иоганн Варкентин, Александр Реймген, Нелли Ваккер, Артур Герман (дядя популярной певицы Анны Герман), Герман Аргольд (если не ошибаюсь).

Основным населением Крыма перед войной были русские, украинцы, татары, немцы, евреи, греки.

Сталин решительно выселил из Крыма немцев, татар, греков.

Ныне, снова присоединив Крым к России, называют только русских, украинцев и татар (каким образом и какими мытарствами они, татары, вновь вернулись на родину из Узбекистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, я знаю).

Немцы славно облагораживали Крым. Однако, их официально не упоминают.

13 лет тому назад узнал из «ЛГ» (№ 39, 2001 г.), что в предвоенные годы в Крыму из 919 школ были: 387 – с русским, 372 – с татарским, 82 – с немецким, 46 – с еврейским, 15 – с греческим, 12 – с армянским, 5 – с болгарским языками обучения.

Национальный состав крымчан сильно изменился после вхождения Крыма в Украину.

Об этом я и хочу кое-кому напомнить.

* * *

Рядом с моим домом находится известная казахская школа-гимназия им. Ибрая Алтынсарина, руководимая знатным Героем Труда. А в том же доме, в котором я живу с 1976 года, расположились частная школа по английскому языку. И я почти круглый год наблюдаю за детишками, спешащими на занятия с огромными рюкзаками, ранцами, сумками, портфелями, пакетами. Клопышня тащит на себе разноцветные, модные рюкзаки, туго набитыми учебниками, тетрадями, разными учебными пособиями, под которыми ее, клопышню, и не видно. Только ножки семенят внизу под неподъемным грузом.

А мальчонка из соседнего дома, Турар, опрятный, ухоженный, отутюженный в костюмчике-тройке, уже который год тащит за собой на буксире пузатую сумку на колесиках. Впечатление такое, что он набил ее кирпичами.

В газетах приходится читать, а по ТВ лицезреть, как современные учащиеся перегружены – уроками, занятиями, учебниками, программами, мероприятиями. Они фактически заняты непосильным трудом. А ведь некоторые занимаются в двух школах и еще посещают разные – языковые, спортивные, самодеятельные – кружки и курсы.

О том время от времени бьют в набат и депутаты, и преподаватели, и чиновники от народного образования.

Жалко детишек. Где их, бал-дәурен – славное, счастливое детство?!

...Вижу себя и своих аульных сверстников в военные и послевоенные годы. Не было у нас ни рюкзаков, ни ранцев, ни сумок, ни пакетов, ни тележек, ни смены обуви, ни спортивных костюмов. Одевались кто во что горазд: в фуфайки, перешитые, замусоленные камзолы, шаровары из жеребячьей шкуры, сапожища на три-четыре размера больше, облезлые малахаи-треухи. А сумки были холщовые, кошомные, из мешковины, из лоскутков, и в сумках этих в лучшем случае находились один старый рваный учебник, клочки бумаги, огрызок карандаша, чернильница-непроливайка, затупевшее перо, ломоть лепешки, горсть курта, иримчика или пожаренной на бараньем сале пшеницы.

И вся поклажа, и весь школьный скарб.

Тощая жизнь, тощая торба.

А ведь учились и выбились каким-то образом в люди.

Я сторонник того, чтобы ставить перед собой задачи-цели, которые явно завышены, больше, чем это под силу осуществлять. Высокие задачи стимулируют, мобилизуют силы и способности. Надо настраиваться на программы-максимум и достигать по мере возможности программы-минимум. Наш лидер нации по-моему

также руководствуется этим принципом, разрабатывая программы 2030 и 2050.

Только тогда и так жизнь обретает некий смысл.

Вспоминается Лев Толстой. Из Казанского университета, прервав учебу, он возвращается в деревню. И записывает в дневнике:

«Какая будет цель моей жизни в деревне в продолжение двух лет? 1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университете. 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский. 4) Изучить сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое. 5) Изучить историю, географию и статистику. 6) Изучить математику, гимназический курс. 7) Написать диссертацию. 8) Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи. 9) Написать правила. 10) Получить некоторые познания в естественных науках. 11) Составить сочинение из всех предметов, которые буду изучать». (Запись от 17.04.1847. См. Л.Толстой. Собр. соч. в 22 томах. М. 1985 «Худ. лит.», т. 21, стр. 14).

Далее следует «правила для развития способности делать выводы» с такими пунктами:

36) заниматься математикой, 37) заниматься философией, 38) всякое философское сочинение читай с критическими замечаниями».

Ну, да... это Толстой. Самородок. Гений. Земной избранник.

Однако, задачи на два года – срок исполнения поставленных целей – ошеломляют, обескураживают, озадачивают, поражают. Лев Николаевич многого достиг из намеченного, но явно не за два года. А совершенствовался всю долгую жизнь.

...Совсем еще недавно в казахской печати шумно и немного бестолково обсуждали вопрос: какие книги должны обязательно читать казахские учащиеся. Определили потолок: сто книг. Печатались списки классиков, современных писателей и зарубежных авторов (в т.ч. и ряд трилогий и тетралогий). Мощные получились

списки, широкоохватные, непосильные даже выпускникам-филологам университетов. Я понял: современный ученик не прочтет из этого списка и десятой доли. Не прочтет – и баста! Хоть колом по голове чеши! Нужно определить посильный, разумный список. И то исключительно рекомендательный.

А вот что рекомендовал читать писателям Эрнест Хемингуэй:

«На вопрос Мойса, какие книги должен прочитать писатель, Хемингуэй привел ему большой список, в котором на первом месте стояли «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва Толстого, книги капитана Марриэта, «Мадам Бовари» и «Воспитание чувств» Флобера, «Будденброки» Томаса Манна, три романа Джойса, Филдинг, Стендаль, Достоевский, все лучшее из Мопассана, все лучшее из Киплинга, весь Тургенев и так далее» (см. Б.Грибанов, «Хемингуэй», ЖЗЛ, «Молодая гвардия», М., 1971, стр. 276).

Мне этот совет очень по душе. Правда, я весьма сомневаюсь, что наши доморощенные писатели прочитали эти произведения. Некоторые – знаю! – полвека назад одолели «Жұмбақ жалау» С.Муканова и этим багажом и ограничились.

Словом, есть о чем подумать.

* * *

Ссылаясь на воспоминания В.М.Молотова, я как-то писал о том, что в иных вопросах Ленин был решительнее, круче и жестче Сталина. Приведу одну записку вождя пролетариата «чудесному» и «либеральному» грузину от 17 июля 1922 года:

«Товарищ Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, народных социалистов, кадетов и т.п. я хотел бы задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начиная до моего отъезда, не закончена и сейчас... Надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго.

Делать это надо сразу... Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа!

Всех авторов «Дома литераторов», Питерской «Мысли»... Чистить надо быстро...»

(Цит. по книге Б.Сарнова «Сталин и писатели», Книга вторая, Москва, «ЭКСМО», 2008. стр. 613)

Сталин, как мы знаем, был верным учеником и соратником Ленина. Прошло несколько лет, и он преодолел свой либерализм и мягкотелость и по жестокости значительно превзошел пролетарского вождя.

* * *

Временами мне физически бывает так худо, что отчаяние хватает за горло. Иногда мое истерзанное – сплошь в рубцах – сердце напоминает мне... лягушку, которую переехала телега. Я видел: наполовину мертвая, раздавленная, она лежала на обочине дороги, судорожно трепыхалась и дергала одной лапкой.

Таким я ощущаю свое сердце.

Коллеги мне советуют: «Ничего не делай. Лежи и смотри на небо».

Совет дельный. Знаю по опыту: небо – самый надежный и мудрый исцелитель.

Там, в ауле, на исходе сороковых годов прошлого века, измученный болями, чтобы не мозолить глаза родителям, я забирался со своими костылями на сеновал, укрывался овчинным тулупом и, вдыхая густой аромат разнотравья, подолгу созерцал бездонное небо, днем – в кудлатых облаках, ночью – усеянное звездами, под которыми, ныряя в невесомые, как пух, тучи и выныривая из них, плыла манящая луна...

Небо успокаивало, отвлекало, манило, утешало, лелеяло душу.

А теперь? Сеновала нет, аульного простора нет, духмяного сена нет, аул – знаю – совсем захирел, лишился прежней души и обаяния, родительский дом сровнялся с землей, и небо не то – из окна моего кабинета в центре мегаполиса лицезрею лишь узкую серую

полоску в смоге, с балкона ночью небо простирается шире, как бы раздвигается, но все равно будто зажато, обрамлено горами и многоэтажками, без звезд (куда они пропали?), и луна неприкаянно бродит вдоль окоема, жалкая, приниженная, потерявшая красу и тайну.

Нет, это небо не утешает, не манит, не отвлекает, ничего не сулит, не обещает, оно напоминает лишь безжизненное пространство, тусклое, безразличное.

Всматриваюсь, вглядываюсь в глубь ночного неба. Вдалеке, мигая огнями, мотыльками скользит-спешит к желанной стоянке на краю города одинокий самолет, стремительно исчезая за соседской многоэтажкой.

И больше ничего, ничего...

* * *

В идеологии, политике, в социуме пошла, как мне кажется, смутная-мутная полоса.

Эти строки я пишу 20 апреля 2014 года.

В национальном самосознании казахстанцев – чую! – явно происходит некая трансформация. Казахи – впечатлительный народ и податливый настроению. История их полна трагедии, и они ждут напастей со всех сторон. Я это хорошо понимаю.

Вдруг казахи взялись всерьез пугать-страшить друг друга потенциальной российской экспансией. Есть ли основания – не могу судить. Тональность эта появилась после стремительного присоединения Крыма к России.

Многих сразу охватила тревога. Кое-кто истово забил в дауыл-пазы-барабаны.

В иных газетах появилось рубрика – «люди/скандалы».

Честно: меня это настораживает и обескураживает. Часть нацпатов (среди них много моих давних знакомых, к которым я настроен уважительно) напористо требует, чтобы ЛН (лидер нации) не подписывал договор ЕврАзЭс.

Вот и думаю: зачем напрасно сотрясать воздух, если дело – как я понимаю – решено в высоких сферах? И проблем будет больше или меньше, если ЛН договор этот подпишет или не подпишет? Или задвинет его подальше во времени и пространстве?

Призыв к моральному и физическому сопротивлению против потенциальных, гипотетических претензий тоже не очень-то корректны.

Дело в том, что те горячие головы, которые сегодня булгачат простой люд, завтра сами первыми побегут (поверьте мне!) под российскую протекцию.

Почему?

О том четко сказано «Гульжанка» (см. «Adam bol!», № 15 за 2014 год): «...и тогда не только наши русские, но и свои казахи без тени сомнения будут менять гражданство на российское, чтобы и зарплата, и пенсии, и прочие остальные льготы были выше».

Это так! Я это знаю. Найдутся такие перебежчики.

С какой стати?

«Гульжанка» отвечает: «Но главное – Россия на фоне слабеющего Казахстана будет внушать больше надежд на будущее».

В чем такая тенденция просматривается сейчас?

В том хотя бы, что подавляющий контингент русских школ в Казахстане, составляют казахи. Прямо беда: предпочитают учиться в русских школах. В классах, где учатся по 30 человек, как правило, два татарина, один уйгур, один кореец, один русский, остальные – сплошь казахи. Такой вот расклад.

Почему так? О чем это говорит? С какой стати казахи учатся повально в русских школах?

Есть о чем поразмышлять, не так ли?

Помнить о том необходимо еще и потому что проблема эта отнюдь не сугубо казахская. В русских школах учатся и евреи, и поляки, и немцы, и чеченцы, и ингуши, и корейцы, и татары, и прочие «разные шведы», по причине отсутствия таких национальных школ. А если бы они и были, в условиях Казахстана вряд ли бы кто

в них учился. Перспективы-то какие? Другой вопрос: казахские школы в независимой стране.

Об этом стоит подумать шире и реальнее.

Нагнетание страстей и всяких страшилок – не выход. Скорее всего – тупик.

Экономист Петр Своик в газете «Новая газета – Казахстан» (№ 15 за 2014 г.) резонно пишет: «Казахстан на перепутье, перспектива которого одних обнадеживает, других настораживает, а третьих попросту возмущает».

Признаюсь: я, скорее, отношусь к разряду тех, кого многое происходящее настораживает.

Согласен и с тем, что П.С. пишет далее: «...в экономическом плане мы останемся тем же самым сырьевым придатком, а в политическом – опять «младшим братом».

Увы!

С детства знаю: казахи житейски мудры и здравомыслящие. Но истинной в последней инстанции тоже не владеют. Как и остальные.

* * *

Вижу, слышу, читаю: появилась в нашем отечестве каста людей – потребители в чистом виде. Их становится с каждым годом все больше: они не пишут, не сеют, не жнут, палец о палец не ударяют, вообще ничего не делают, только паразитируют, прожигают жизнь. Они ничего не производят, на них «пашут» другие: родители, родичи, женщины, слуги-малаи. Они же разъезжают на дорогих иномарках, устраивают гонки-байгу, тусуются-табунятся, давят людей, насилуют женщин, не брезгуют воровством, бесчинствуют, кайфуют в ресторанах, куролесят в саунах-борделях. Красиво живут!

Это о них Абай говорил:

– Тамағы тоқтық,
Жұмысы жоқтық
Аздырар адам баласын.

А Лев Толстой в дневнике от12.10.1905 г. сделал такую запись:

«Люди, не работая, то есть не исполняя один из законов своей жизни, не могут не ошалеть. Так шалеют перекормленные домашние животные: лошади, собаки, свиньи».

Досадно и горько. Будто их предки боролись за свободу и независимость именно ради этого.

* * *

В печати то и дело приходится читать нарекания в адрес казахских писателей. Пожалуй, резонно. Писатели притихли, приуныли, воды в рот набрали, в щели забились, оробели, а если иногда и вякают, то явную неправду в угоду властям.

Лев Толстой о том сказал открыто и напрямик:

«Писатель должен быть неподкупен и честен, как служитель Бога. Либо он честен, либо нет, и после того, как он однажды написал неправду, он никогда уже не будет прежним. Дело писателя говорить правду».

Максима верная, но дело опять-таки в том, что́ есть правда. Иная правда, как мы знаем, – кривда. Бывает правда хуже, чем ложь.

Меня убеждают, чтобы о том, о сем, что происходит в обществе, я написал Президенту страны.

Я этого не делаю, ибо:

а) весовые категории у нас разные: он страной руководит, за все в ответе, а я литераторствующий пенсионер;

б) не думаю, что то, что я знаю, неведомо Президенту;

в) не допускаю, что Президент нуждается в моих советах-назиданиях;

г) а главное: то, что я считаю нужным сказать, я говорю в своих опусах.

Если в них есть какой-то смысл, Президенту сообщат. А смысла нет, то вообще о чем речь?

* * *

За свой век я пережил много правительств – как всесоюзных, так и республиканских. В пору независимости тоже. Не помню, чтобы кто-то был ими доволен. Правда, в сталинское время крепко втемяшили дежурную фразу: «айналайын партия и правительство». Но это от тотального страха и оцепенения. Как только чуть ослабли вожжи правления, правительства ругал все – на кухне или подворотнях. О том образно выразился еще русский писатель Алексей Ремизов в романе «Взвихренная Русь»: «Ведь какое бы ни было правительство и самое ангельское, все равно будет оно всегда осуждаемое, все равно, какая бы ни была власть, а как власть – ярмо.

А человек в ярме – человек брыклив. И только закоренелый раб и скот рад узде – ярму».

Не вспомню точно, сколько у нас, в Казахстане, за 23 года независимости было правительств – кажется около десяти. Но точно знаю: особых восторгов не было. Зато негативов – шаш етектен. Должно быть, и в дальнейшем не расстанемся с раздрызганной арбой.

* * *

О чем только не приходится жалеть? Вот острота словесного писателя Жарко Петана: «Жаль, что мы умираем только один раз – в десять раз было бы намного легче».

* * *

Вспоминаю своих коллег-писателей, которые в последние годы тихо и часто неожиданно ушли в мир иной.

Уходит мое поколение...

И писатели уходят по-разному. Кто-то на исходе жизни не прикасается к бумаге десятки лет. Исписался. Устал. Разочаровался. Лишился стимула. Иссяк. Кто-то шкрябает пером до последнего дня. Торопится. Что-то не досказал. Долг велит. Да и дар, кажется,

не весь заглох, вышел. Перо еще не лишилось огня и силы. Кто-то продолжает мурыжить свою дохлую рукопись, накладывать заплаты, стремясь оживить ее разными языковыми финтифлюшками. Есть и такие, что все еще надеются на что-то: на медальку-орденок, на какую-нибудь премию, на переиздание написанного сорок лет назад, на запоздалое признание. Кто-то суетится просто по инерции, все еще строит некие козни-интриги.

Всех я знаю. И никого не осуждаю. Ибо помню: и писатель – пендешка.

Однако считаю: если ты писатель по призванию, то творить будешь до последней минуты.

Пример: шикарный прозаик и поэт Валентин Петрович Катаев.

Александр Рекемчук вспоминает, как однажды он предложил ему войти в какой-то секретариат, на что Катаев, отчужденно посмотрев, ответил: «Послушайте, Рекемчук... Мне осталось пятнадцать минут. И все эти пятнадцать минут я буду писать!»

Случай этот приводится в романе-цитате (такой жанр!) Сергея Мнацаканяна «Великий Валюн, или скорбная жизнь Валентина Петровича Катаева».

Юрий Крохин, рецензент этой книги, комментирует: «Представьте, ЧТО он сказал? Старый писатель недвусмысленно обозначил, что времени ему отведено мало, и ни на что другое, кроме как писательство, он его тратить не намерен. Он уже знал, что жизнь на излете...» («Литературная Алма-Ата», 2014, № 11, стр. 75).

Неистово трудился в литературе до рокового часа Кадыр Мырза-Али. Писал стихи, поэмы, исследования, мемуары, пьесы, прозу, афоризмы, много переводил. Еще при жизни издал 17 томов произведений. «Вместе с переводами?» – спросил я как-то. «Ну, что?! – удивился он. – Вместе с переводами зашкалит за сорок томов!» Был он очень плодотворным. Я его знавал десятки лет. Немало общался. Восхищался его юмором, острословием. Многие годы он тяжело болел. Все чаще писал лежа на спине, преодолевая боль. Обладал культурой труда. Ценил время. Педант был – немцу не чета. Говорил мне: «Ты больше казах, а я больше немец». Ради

творчества отказывался от многого. «Ах, Гера, если бы ты знал, от каких приглашений-застолий я отказывался! Жил затворником. Писал, писал. К телефону не подходил. Друзей избегал. Читал, книги собирал, рукописи копил, постоянно писал».

Так и ушел, не осуществив всего, что хотел, планировал.

Убежден: жизнь и творчество моего казахского коллеги и почти ровесника (он был моложе меня на два месяца и в шутку говорил: «Ты на две рубашки износил раньше») – прекрасный образец для всех, кто дружен с пером и бумагой.

Надо помнить катаевское: «Мне осталось пятнадцать минут. И все эти пятнадцать минут я буду писать!»

В чьих-то воспоминаниях я читал: умирающий Лев Толстой водил правой рукой слева направо, будто писал даже в бессознании.

Таков истинный писатель, а не хоббист.

* * *

В «Чевенгуре» Платонова читаю: «Он любил женщин и будущее и не любил стоять на ответственных постах, уткнувшись лицом в кормушку власти».

Апырай, а! Интересный тип.

У нас как раз все наоборот: огромная армия ненужных чиновников насмерть (не стоят) сидят, лежат на ответственных постах, уткнувшись (не лицом) рожей, харей в кормушку власти. В этом они видят единственный смысл и прелесть жизни.

* * *

Немецкая мудрость гласит: бедствовать – все равно, что не жить. А быть в богатстве – еще не значит, что жить хорошо.

* * *

По Зодиаку я – «Скорпион».

«Скорпионами» являются Достоевский, Рабле, Босх, Вольтер, Паганини, Буало, Пикассо, Ламброзо, Даниил Андреев, Андрей Белый, Курт Воннегут...

Прекрасная компания!

Драгоценные камни для «скорпиона» – рубин, топаз, опал, бирюза, аметист, гранат.

Ничего этого у меня и в помине нет.

Выходит, я неважный скорпион.

* * *

В советское время наиболее коварные «очепятки» случались из-за графического обозначения звука «ұ». Его долгие годы обозначали так: «ў». При наборе верхний знак отлетал, и тогда «ўлы» (великий) превращался «улы» (ядовитый). То есть, «великий Сталин» оборачивался «ядовитым Сталиным».

Из-за этого возникало много недоразумений. Нередко трагических.

Много «очепяток» – случайных или умышленных – случалось в русской периодике. Приводились такие примеры:

«Мелкий тоскливый **вождь** (вместо дождь) сеял над зеркальным прудом стадиона»;

«пустота в дереве» – «пустота в деревне».

«под куроводством партии Ленина-Сталина».

«Сталин – Смалин, Спалин, Сралин».

Ныне – как я замечаю – «очепяток» (как в казахской, так и в русской периодике) значительно больше. Корректура ныне почти на нуле. Но «очепятки» – не злые, без политической окраски, большей частью по невежеству. Иногда ляпают бог весть что.

Казахская мудрость: когда собаки сбиваются в стаю, они лают на тигра.

Волкодав может испугать волка, но не суку.

* * *

На мой взгляд: пока интеллигенция была под колпаком идеологии и цензуры, пока ее гнобили-ломали и она была вынуждена

проявлять характер и стойкость, говорить эзоповым языком, она была честнее, чище, благородней и ближе к народу.

Получив долгожданную свободу, она сразу сникла, лишилась лучших качеств, исподличалась и иссволочилась.

Одним из первых обратил на эту метаморфозу внимание Наум Коржавин – был такой поэт и вольнодумец, которого нынче сильно запамятовали. Еще более 13 лет тому назад (23.02.01 в газ. «Известия») он задал вопрос: «Неужели вы не видите, что интеллигенция, оказавшись на свободе, стала делать то, что до этого делала советская власть, – плевать на народ?»

У нас же, по-моему смирились с тем, что на народ, как на быдло, плюют все. Власть плюет, а вместе с ней и интеллигенция. Поневоле порой согласишься с определением интеллигенции циника Ленина.

«А ведь был момент, когда народ стал прислушиваться к интеллигенции! Когда Сахаров говорил... А мы этот момент на Гайдаре и Чубайсе профукали», – заметил Коржавин в той же статье.

* * *

На исходе 1991 года давний мой друг Аскар Сулейменов, литератор, эстет, философ, однокашник по институту и аспирантуре, неожиданно заявился ко мне, разделся, расположился, поставил на проигрыватель сонаты Бетховена и, по привычке, сразу же запалил сигарету.

В руках он держал журнал «Вопросы философии». Я смекнул, что пришел он неспроста, наверняка обнаружил интересную публикацию и намерен затеять важную беседу или спор.

(В скобках замечу, что в 60-90-ые годы прошлого века Аскар имел исключительное влияние на умы казахских интеллектуалов, ему внимали, его цитировали, называли цицероном, им, вольнодумцем, восхищались, ему подражали. Полемист был грациозный. Обладал своеобычными манерами. Кто-то назвал его «Гамлетом из Созака». Ушел он из жизни рано, еще в 1992 году, и нынешнее

поколение знает его лишь понаслышке. Жаль. Личностью он был уникальной).

Меня он уважительно называл Геке и был со мною на «вы».

– О Вейдле вы что-нибудь знаете? – спросил как бы между прочим.

– Мало. Знаю: ученый, крупный литературовед. Мыслитель. Из русских немцев. Советской власти оказался ненужным. Вынужденно эмигрировал. Кажется в 20-х годах.

– Его суждения о Западе вам известно?

– Приблизительно. Был – знаю – ярый западник.

– Ия, солай... – Аскар выдерживал паузу.

(Здесь я опять должен сделать пояснение. Сам Аскар тоже был ярым западником. С придыханием говорил: «О! Запад есть Запад. Все идет оттуда!»)

Он еще в студенческую пору грезил Западом. Прекрасно знал европейскую литературу, музыку, живопись, искусно жонглировал сложнейшими французскими, немецкими, английскими, древнегреческими именами, сбивал иных грамотеев с толку, находил бог знает где раритеты, умело выявлял какие-то общие корни и созвучия. Мыслил остро и парадоксально. Любил эпатировать. Памятью обладал лошадиной.

Он был немного моложе меня, но я охотно признавал его преимущество в интеллектуальных беседах. Дукенбай Досжан называл его «түнгі адам» – «ночной человек». Дело в том, что Аскар ночью не спал: до четырех-пяти утра читал, слушал музыку, писал, размышлял.

Мы, можно сказать, не спорили, а обменивались мнениями. Чаще всего это касалось темы «Запад и Восток». Я-то больше тяготел к Востоку. Считал, что цивилизация идет оттуда. Мне чудилось (ныне еще более обостренно), что Запад исчерпал себя и созидательно, и духовно, иссяк, погряз во лжи и показухе, теряет лоск и шарм, паразитирует. Думал: запад лжив, двуличен, нравственные стандарты размываются. Казалось: Запад охвачен сумерками.

Ему не хватает тепла, солнца. И восточные люди рано или поздно его проглотят, растворят старую Европу, изъезженную вдоль и поперек.

Так я почему-то был настроен. При этом не руководствовался какими-то серьезными научными выкладками или основательными аргументами, а – скорее – так полагал по наитию, по неким смутным ощущениям.

(С тех пор прошло немало лет, в мире произошли крутые изменения, общественно-социальные катаклизмы непредсказуемы, я побывал в некоторых европейских странах, присмотрелся, принюхался, ничего дурного о Западе не скажу, наоборот восторгаюсь его ухоженностью, опрятностью, меркантильной разумностью, а все же укрепился в своих ощущениях, и душа по-прежнему тянется к Востоку. Солнце, краски, страсти, буйство жизни, идут оттуда. Закат Европы, видно, не досужая выдумка и сказано это не ради красного словца. Нынешние картины Германии, Франции, Дании, Голландии меня и вовсе настораживают. Не буду, однако, отклоняться и распространяться).

– Так вот, Геке, ваш сокровник Владимир Вейдле в статье «Россия и Запад» пишет: «Древняя Русь, уже в силу византийского воспоминания своего, была Европой...» Ну, что скажете?

– Что могу сказать? Древнюю Русь Европой никак не представляю. По-моему, соотносить Русь с Европой можно в какой-то степени только начиная с Петра Великого. Кстати, я сомневаюсь, что он был русский. Думаю, он замешан на инобытии.

Аскар задумался. Затянулся дымом. Скривил свои тонкие губы. Откинулся на спинку кресла.

– Ну, это банально. Традиционно. Я не о Петре Первом. Вполне возможно, что он и не чисто русский. Больно не похож. Вы, однако, путаете древнюю Русь с современной Европой. Совмещение разных пластов времени приводит к неминуемому искажению. И вообще не надо противопоставлять. Войдле о том и говорит. Вот... «Ошибка заключается в противопоставлении друг другу Запада и

России как чужого и своего, как двух величин, ничем органически одна с другой не связанных. Западники предпочитают чужое и хотят его поставить на место своего; славянофилы предпочитают свое и хотят очистить и отмежевать его от всего чужого. Для западника его любимый Запад – всего лишь носители некоей безличной цивилизации, которую можно и должно пересадить в полудикую Россию...» Қалай?

Аскар погасил сигарету, тут же щелком выбил из пачки другую «белохвостую».

– Ничего против не скажу. Вполне логично.

– Хм...м... Читаю дальше. «Воссоединиться с Западом значило для России найти свое место в Европе и тем самым найти себя...»

– Ну, и нашла? – опередил я Аскара.

– Ищет... Другого выхода нет.

– Но Европа чванливая никогда ее не примет. Европа – маленький, обустроенный курятник, а Россия – гигант, гулливер, махина, колосс. В миниатюрную европейскую квартирку не впустишь. А потому Запад будет строить всякие козни, напасти, препоны. Запад Россию в душе презирает, ибо боится ее. Представляет ее дремучим медведем на тесных улочках Европы.

– Тривиальное суждение. Западу приходится Россию терпеть, а России без Европы не обойтись.

– Соглашусь. Наверное, так.

– И Вейдле о том же говорит. «Европа – многонациональное единство, неполное без России; Россия – европейская нация, неспособная вне Европы достигнуть полноты национального бытия... Утверждаясь в Европе, Россия утверждалась и в себе.» Көрдіңіз бе? Қалай көсіледі?! Так оно и есть. Только «не утверждалась», а «продолжает утверждаться». Так будет правильнее.

– Ну, а как быть с Казахстаном?

– И Казахстану, обретшему независимость, надо держаться за подол Европы. Но не обязательно через Россию. Хватит! Зачем нам посредник?! Напрямую надо иметь дело с Европой. Тікелей!

Учиться надо непосредственно. Сделать так, чтобы Европа не шарахалась от Казахстана. Қазақ та – адам баласы ғой. Зачем ему делдал? Казахстан Европе нужен, как и Россия. России мил не будешь. А с Казахстаном стареющая Европа может сойтись полюбовно. Почему бы нет? Старой бабе разве неприятно пофлиртовать с молодым вольным джигитом? А?! Может, Европе Казахстан даже интересней? Тек жалған намыстың керегі жоқ! Надо открыть Европе широкие объятия. Что Россия нам дала или может дать – мы знаем. А благо от Европы беспредельно.

– Не смею с тобой спорить.

– Солай, Геке! На многое открывает нам глаза статья вашего сокровника. Умница! Он перекликается с Чаадаевым, смотрит в самый корень. Вот еще мысль: «Трудом поколений от Петра до Пушкина вся Европа принадлежит России, вся Россия Европе, все, что было создано в России после Пушкина, принадлежит европейскому девятнадцатому веку».

– «Все» – явный перебор. Артықтау болар. Что же другим достается? Азия совсем не в счет, что ли? На евразийство глаза закрывать тоже не след.

– Енді... Европа все же в духовном плане доминирует. И о том речь.

Аскар сменил пластинку на проигрывателе. Потушил очередную сигарету. Кабинетик мой наполнился сизым дымом. Одновременно Аскар перелистал какие-то книги, которыми я обзавелся недавно. Вокруг него образовался привычный раскирдаш. Это ему так свойственно.

– Кофе или чай? – спрашиваю.

– Чашку кофе, если можно. Покрепче. Без сливок.

– Коньяк или водка?

– Ой, «водкасы» құрсын! Чуть-чуть коньяку, если есть.

Аскар, весь в черном, худой, густогривый, с недавних пор безбородый, смуглый, лобастый, глазастый, немного не такой, как большинство, удобно расположился в кресле, весь окутан дымом,

пьет кофе, подливает в чашку чуть-чуть коньяку, слушает музыку, рассуждает – кайфует, блаженствует.

– Еще Вейдле пишет: «Запад уже не только дает нам свою культуру, но и принимает нашу от нас».

– «Нам», «нас» – имеется в виду Россия, – уточняю я.

– Әлбетте. Разумеется. Но я подразумеваю «Казахстан». Так мне хочется. Культура идет оттуда, но придет время (үмітсіз шайтан) – надеюсь – Запад примет и нашу. В нашем корджуне тоже что-то найдется. Вот: «Русская культура вытекает из европейской и, соединившись с Западом, себя построив, возвращается в нее». Хотелось бы, чтобы это сентенция относилась бы и к Казахстану. Қалай, Геке?

– Верится с трудом. Может, когда-нибудь, в отдаленном будущем. А пока, полагаю, целесообразней ориентироваться на Восток. Это ближе и реальней.

Аскар морщился. Мое предположение ему не по душе.

– Восток – давняя любовь. Она почти отмерла, иссохла. Помните: «Мой Восток обернулся Западом».

– Тебе, генетическому ходже, не пристало так думать. Ходжи на Западе не в почете.

– Е-е-е... Геке. Вы рассуждаете, как казах. Абай ведь тоже обратил свой взор на Запад. Своим «Гете и Абай» вы это сами доказали.

– Геке на склоне лет увлекся, однако, Востоком.

– Да, но это увлечение было только причудой. У него это быстро прошло. Сам в том признался.

Мы оба молчим.

– «Аппассионату» поставить? – спрашиваю . – Или Пятую симфонию?

– Нет. На сегодня хватит. У меня еще дела. Шаруам бар.

Кофе допит. Коньяк оставлен. Пепельница полна окурков. Дым слоится. Все пропахло табаком. Книги разбросаны по дивану, на столе, на подоконнике, на полу. Полный бедлам в аскаровском стиле.

Он заказывает по телефону такси, хотя – знаю – в кармане его ни копья. Аккуратно водрузил черную шляпу на копну волос. Кривоносый, тощий, сутулый инопланетянин.

– Ну, құп мейлі!Я пошел, Геке. Журнал оставлю. Позже заберу. Надо бы разобрать партию «Фишер-Спасский», но в следующий раз. А сейчас прихвачу «Ни дня без строчки».

– Так ... не вернешь ведь!

– Верну. Не беспокойтесь. Напоследок еще одна цитата. «Европа нам мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем и не захотим быть перед нею неблагодарными».

– Это тоже Вейдле?

– Нет. Достоевский в «Дневнике писателя».

– Не думал. Он же неистово спорил с Тургеневым, обвиняя его в неумеренном западничестве.

– А тут такая близость. Иногда и у русских логика хромает, как у казахов.

Похлопал Аскар по карману, убеждаясь, что сигареты, зажигалка, расческа на месте, надвинул на лоб шляпу, небрежно сунул ноги в разношенные ботинки, поправил узкие штанины, одернул курточку и, сутулясь, исчез, как тень, за дверью.

– До встречи! – буркнул. – Женгей салют!

Через несколько месяцев его не стало.

Пожалуй, ближе Аскара у меня друзей не было.

Ныне Запад не тот – все мельчает, тускнеет, все больше ухабов и рытвин, да и Восток круто изменился. Похоже, Запад стал ближе, знакомей, привычней, а Восток вроде отдалился, зыбится в предрассветной сутемени.

Интересно, что бы сейчас сказал Аскар – пришелец из страны Созака, потомок ходжей?..

* * *

Натолкнулся на немецкую пословицу: Oben Hui, unter Pfui. Буквально это означает: сверху Гуй, снизу Пфуй. Смысл ясен, а русского адеквата пока не нашел.

По-моему, и у нас, в Казахстане, происходит нечто похоже. Сверху позолота, а внутри... бог весть что.

* * *

Я застал еще время, когда благонравные казашки не называли мужа по имени. Это считалось неприличным. Говорили: «Эй, отец детей этого дома!» Ныне запросто называют по имени и мужа, и деверя, и свекра.

* * *

От иных пословиц волосы дыбом. Например, арабская пословица гласит: «Каждый тиран имеет свой час расплаты».

Астафиралла!

Вспомнились Гитлер, Сталин, Пол Пот, хусейны и разные фюрерчики разных стран.

Зауал неминуем.

* * *

Иные афоризмы также сбивают с панталыку.

Юлий Цезарь: «Он слишком много думал: опасны такие люди».

Значит, не опасны те, кто вообще не думает. Тому свидетельство – история.

* * *

Три неразлучных братья у немцев: Sehnix – Ничего не вижу, Hörnix – Ничего не слышу, Spürnix – ничего не чувствую.

Они, полагаю, есть у всех народов. Это и есть щедринские «мудрые пескари». В жизни они часто преуспевают.

* * *

Где-то и когда-то я читал, что китайский мудрец-философ Конфуций провидел и события XXI века. Он якобы предсказал, что к 2000-ному году Китай превратится в самую мощную атомную дер-

жаву. В 2004 году Америку, мол, поразит эпидемия черной оспы. В 2006 году между Китаем и Японией вспыхнет ядерная война, в которой победит Китай. В 2010 году развалится китайская стена. Образуется яркий световой шар, в котором сгорят все болезни. В 2017 году на Землю прилетят инопланетяне. И они установят мир и благоденствие на Земле.

Откуда источник?

Якобы правители Китая 2500 лет скрывали эти предсказания в темнице-зиндане.

А рождение пророка Иисуса он предсказал за 500 лет.

Неужели?

Или это журналистская утка?

* * *

Об одном писателе-долгожителе Морис Симашко однажды сказал: «Он же страшно тупой и бездарен. А с одной извилиной можно и сто лет прожить».

В действительности этот писатель, возомнивший себя классиком, прожил 94 года.

* * *

М.Горький однажды написал: «Сколько подлого и глупого прочитано мною! И остались непрочитанными умнейшие статьи Ильича...» Когда Горький признался в этом Ленину, тот засмеялся и ответил: «А я? Гегеля не успел проработать, как следует. Да – что Гегеля! Много не знаю, что должен бы знать...» (см. «Правда», 10.03.1987).

Что же о нас, неучей, говорить?!

* * *

Звонит мне знакомый доцент политэкономии, во многом сведущий человек, Сергей Иванович и советует мне написать статью о депортированных поволжских немцах. Дескать, сейчас толком

никто ничего не знает, надо бы эту трагическую историю поведать людям, вы это, мол, сможете, вам это с руки.

И я сказал: «Милый Сергей Иванович! О том написано тысячи и тысячи статей, книг, пьес: я сам написал об этом четыре романа, десяток повестей, уйму рассказов и статей, которые на разных языках перепечатаны не один раз и в большинстве вошли в мой десятитомник».

Какая тут статья, если люди не читают и отмахиваются от всего, что было?!

Ведь ныне никто ничего знать не желает. И тотальное невежество окутало большинство населения.

Как говорят казахи: кто не хочет видеть, и верблюда не заметит.

И тут мне попалась на глаза заметка собственного корреспондента «Правды», опубликованная 22 июня 1988 года. Вот что сказано в той заметке: «30 процентов австрийцев вообще не читает художественной литературы. 18 процентов отводит чтению от часа до трех в неделю.16 процентов пенсионеров уделяет чтению более восьми часов в неделю. 51 процент австрийцев вообще не покупает никаких книг. Такие цифры приводит венская газета «Курир», ссылаясь на результаты обследования, приведенного центральным статистическим ведомством страны».

Подчеркиваю: заметка почти тридцатилетней давности.

Ныне мы это видим и у нас, в Казахстане. Полагаю, что показатели еще хуже.

Вот личный опыт: в литературе я бытую более полувека. Опубликовал 70 книг, более 2 тыс. статей на русском, казахском, немецком языках, перевел с казахского и немецкого языков более 200 произведений, регулярно печатаюсь в коллективных сборниках, налево-направо даю интервью, часто мелькаю по ТВ, на страницах всевозможных газет, слыл активным общественником, словом, я полагал, что по крайней мере в Казахстане меня знают.

Черта с два!

Сокурсница, работавшая в Балхаше многие годы директором школы, при встрече меня спрашивает: «Гера, а ты где работаешь, чем занимаешься?»

Я остолбенел, не зная, что́ сказать.

И подумалось: «Вот откинешь завтра копыта, дашь дуба, и соотечественники с недоумением спросят: «Кто он такой, этот Бельгер? Писатель? Не дейді? Впервые слышу».

Положим, на пороге 80-летия меня это не особенно волнует. А ведь это касается и других. Весьма заслуженных личностей.

Выходит, нам только кажется, что мы кому-то нужны.

Никто никому не нужен! И каждый умирает в одиночку.

Умер Ефим, но и хрен с ним...

* * *

Знаю: со временем мы обходимся расточительно. Будто нам принадлежит вечность. Сужу по себе: интересно, сколько я за свою немалую жизнь спал, провел в очередях, за шахматами, за ненужными встречами, бесплодными разговорами, за застольем, в гостях, на разных дурацких мероприятиях, за чтением пустых книг, на житейскую суету. И т.д., и т.п., и пр., и др. Уму непостижимо. При том, что я временем в принципе дорожил, не сибаритствовал, свиней не подковывал, на луну, как баран на новые ворота, не взирал, попусту балду не гонял. И все же – если всерьез задумываешься – коэффициент полезного действия был невелик.

Некая американская фирма лет тридцать назад (см. «Правда» от 22.06.1988 г.) установила, что в среднем у американца 6 лет занимают прием пищи, 4 года – уборка жилья, 8 месяцев – чтение объявлений, 1 год – поиск куда-то запропастившихся вещей, 2 года – попытки связаться с телефонным абонентом. Что касается работающих супружеских пар, то ежедневному разговору друг с другом они уделяют 4 минуты, а беседам с детьми – 30 секунд.

Вот я и думаю: а у нас? Сколько, к примеру, времени тратит средний казахстанец на бесбармак, на чай-пай, на амандық-саулық, на секс?

Я спросил об этом своего старого компаньона по прогулкам. Он, подумав, ответил: «Ну, как же без этого? Зачем тогда жить на свете?!

* * *

Меня всегда интересует мнения великих писателей о писательстве. Интуитивно я понимаю, что писательство – тяжкий жребий. Понимаю также, что слишком много развелось банальных любителей письма, хоббиистов, для которых писательство – забава, времяпрепровождение, шалость. То есть, то, что немцы называют «Auch-Literatur», а казахи – «Әдебиетпен ауырғандар».

Я считаю: «Писатель – жертвенная профессия». Самоедство. Дерзание и терзание.

Вот размышление Э.Хемингуэя:

«Если хочешь стать настоящим писателем, надо каждый день писать не менее восьми часов. Садиться за лист бумаги – это все равно что становиться к станку или занимать конторский стул. Неважно, что тебе нечего сказать бумаге. Ты все равно должен писать. Восемь часов. Просто для того, чтобы быть в форме. Писатели обязаны быть в форме, как танцоры и боксеры. И когда вы соберете написанную за день пачку листков, вы удивитесь: а в них что-то есть! Там всегда что-то будет».

Знаю некоторых своих коллег, которые с этим постулатом никак не согласятся. Дескать, надо уповать на озарение, на вдохновение.

Я же придерживаюсь мнения, что озарение, вдохновение – божий дар, прерогатива гениев. А писатель прежде всего труженик, работник до седьмого пота.

* * *

Я еще учился в аульной школе, когда на весь Советский Союз прозвучало знаменитое стихотворение М.Исаковского «Слово к товарищу Сталину». Мы его заучивали наизусть. И поныне помню

некоторые строки: «Оно пришло, не ожидая слова. Пришло само и не сдержать его... Простое слово сердца моего». Заканчивалось, кажется, верноподданническое, постыдно-подхалимское стихотворение так: «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как, может быть, не верили себе...»

Пах-пах! Было такое время. Были такие поэты. И звучали такие стихи.

Позже приходилось слышать ответ на эти стихи. Их произносили шепотом. Называлось оно «Письмо Исаковскому».

Там были такие строки:

– Восхваляй занесенный над Родиной кнут,
Пресмыкайся рифмованным крошевом, –
Тебе орден какой-нибудь снова дадут
Вместо совести, проданной дешево.

Я не верю тебе, – ты не глух и не слеп,–
Тем подлей и продажней втройне ты!
Проститутка, себя продавая за хлеб,
Благородней тебя, поэта.

Много в том стихотворении было резких, ядовитых, горьких, разоблачительных слов в адрес правителя-урода и поэта, верноподданно лизавшего сапог палача.

Мое поколение, думаю, помнит те стихи, написанные еще в 1950 году.

А кто автор «Письма Исаковскому»?

Оказывается, Г.А.Бешкараев. Публикацию этого стихотворения я впервые обнаружил в газете «Горизонт» от 04.02.1989 года.

А ведь подобные стишки и поныне звучат в адрес иных. И о них можно сказать: «Водопадом стихи твои пенятся!»

* * *

Очень много книг о Сталине вышло в последние годы. Значит, есть спрос. И судить о том я не собираюсь. В конце-концов не моя это компетенция. Восторга к нему я никогда не питал. А в остальном разберутся люди и история.

Но кто он по национальности? Кто-то уверяет – грузин. Кто-то настаивает: осетин. (Недавно читал, что мать была осетинкой. Да и Мандельштам о том писал). Кто-то называет его «волосатым ингушем». Сам он любил представлять себя русским.

А.В.Антонов-Овсеенко в статье «Сталин и его время» (см. «Вопросы истории», № 1, 1989 г.) пишет: «В 1922 году одна парижская газета писала: «Ленин смертельно болен. Когда он умрет, к власти придет этот волосатый ингуш и устроит им всем кровавую баню» (стр. 91).

«Летом двадцать восьмого Бухарин убеждал Каменева: «Если мы не объединимся, Коба, подобно Чингис-хану, всем глотки перережет» (стр. 93). Троцкий называл Сталина «серой кляксой» (стр. 92).

* * *

Пишу эти строки 1 мая 2014 года. В ушах звучит старый слоган: «Мир! Труд! Май!» И еще: «Солидарность!» Ныне эти слова звучат все реже или вообще не звучат.

А на носу День Победы. Святая дата. Я помню этот день во всех подробностях. Помню ликование захудалых аулов Приесилья. Перед глазами стоят люди-тени, кое-как сохранившие душу за долгие-долгие дни войны.

Не было более радостного праздника у моего поколения!

А теперь мне звонят казахи, которые на 20-30 лет моложе меня и говорят: «Интересно, а день Победы в Казахстане нынче отмечать будут?» «А что такое?» «Ну-у, – мямлят. – Это ведь русская победа... К казахам какое отношение имеет? Казахи положили свои жизни ради русских...»

Я это слышу не впервые. И задыхаюсь от гнева, возмущения и обиды. Никакого желания спорить и что-то доказывать нет. Кладу трубку. И долго молчу, окаменев.

Боюсь, пройдет еще лет двадцать-тридцать, и станут утверждать, что и войны никакой не было, и фашизма не было, и Гитлера не было. Ничего не было!

Ай, кажется, к этому идет.

Ныне и Гитлера кое-кто обеляет, оправдывает, облагораживает. Договорились до того, что он – совсем не фашист, а пушистенький национал-социалист (см. апрельский номер журнала «Аңыз адам» за 2014 год).

Как говорят казахи: много на свете событий, много сартов на ишаках.

А о прошлой мировой войне надо бы напоминать почаще, дабы помнили о чудовищных потерях-лишениях, выпавших на долю народов.

Среди своих бумаг и разных газетных вырезок наткнулся на статью кандидата исторических наук Б.Соколова, опубликованную в «Комсомольской правде» (30.IV.91).

Считаю уместным привести кое-какие данные из этой статьи. По мнению ее автора, потеря Советских Вооруженных сил в войне составляют в 17,5 миллиона человек, в том числе 11 миллионов – павшие на поле боя, 4 миллиона – погибшие в плену и 2,5 миллиона – умершие от ран, несчастных случаев и болезней. На гражданское население СССР приходится около 19,5 миллиона погибших.

Упоминает автор и миллионные жертвы в советских лагерях и депортированных народов – немцев, крымских татар, чеченцев.

Вермахт потерял около 3 миллионов убитых и умерших от ран. Потери гражданского населения составили 2,15 миллиона человек.

«Общие прямые потери населения СССР оказываются в 6 раз больше потерь населения Германии, если же брать только гражданское население, разница станет почти десятикратной».

Кроме того, в боях против Красной Армии погибло 40 тысяч итальянцев, 84 тысяч финнов, 260 тысяч румын и 200 тысяч венгров...

Хватит! Мне даже цифры эти переписывать невмоготу, хотя та война закончилась 69 лет тому назад.

И после этого кто-то старается обелить величайших преступников против человечности и человечества!

Кто-то героизирует палачей Гитлера и Сталина!

Кто-то сознательно отстраняется от Дня Победы!

Кто-то делает вид, что не было ни Холокоста, ни геноцида, ни тотального истребления народов, ни массовых убийств!

Ай, стыдно! Ай, позор! Ай, кощунственно!

Нет беспамятству оправдания!

Сегодня Первомай. Не вижу, не чувствую прежнего подъема Духа.

Обидно, что кому-то хочется, чтобы и День Победы зарос травой забвения.

* * *

Принято о «толпе» говорить высокомерно. От «толпы» и я не в восторге. Но говорить о ней свысока не приучен. Знаю, конечно, что толпа – не народ. Но до презрения к «толпе» не дорос. Хотя и стараюсь от нее держаться подальше. Не она движет историю. Не она творит судьбу.

Нашел среди бумаг вырезки из «Литературной газеты» (№ 16, 1991 г.) – стихотворение Александра Володина на эту тему:

Никогда не толпился в толпе,
Там толпа – тут я сам по себе.
В одиночестве поседев,
по отдельной иду тропе.

Боковая моя тропа,
Индивидуализма топь!

Где толпа моя? А толпа
Заблудилась средь прочих толп.

Да, хотел бы о себе подумать: «по отдельной иду тропе». Но не уверен, так ли это.

Философ Григорий Померанц (ныне покойный) в давней статье «Надгробное слово империи» («ЛГ», 18.12.91) писал:

«Я не обращаюсь к толпе (толпа меня слушать не будет)».

Вероятно, он прав: зачем толпе философ Померанц?

В той же статье он высказал еще такую мысль: «Для меня личность выше народа, выше державы, и неприкосновенность личности не может нарушаться во имя каких бы то ни было народных или государственных интересов».

Григорий Померанц прожил 95 лет, я же – когда пишу эти строки – приближаюсь к 80-ти. Я тоже очень высоко почитаю личность и ее неприкосновенность. Однако, пока еще не ставлю ее выше народа.

А вот эта мысль Померанца мне дорога: «Империя и свобода – две вещи несовместимые, как гений и злодейство».

Тут спорить не о чем.

* * *

Филипп Киркоров поёт: «Ты, ты, ты...»

Максим Галкин поёт по-французски: «Туа, туа, туа...»

По казахскому радио поют: «Той, той, той...»

Казахское радио я часто слушаю по утрам. Есть песни и певцы, которые мне очень нравятся.

А не нравится мне высокопарность и наигранное пустословие, трескотня. В переводе на русский диктор примерно глаголет так:

– Доброе утро, страна казахов! Доброе утро, наш славный народ! Вот из-за величественных, сияющих гор Алатау выкатился, озарив весь мир, огненный шар солнца, и благодатные его лучи, облагораживая наши души, нежно лаская и вселяя бодрость и силу,

взывают нас к героическим подвигам и новым свершениям, заповеданным предками во имя независимости и процветания нашей искони свободолюбивой страны, избавившейся от векового гнета и насилия. С новым днем, прекрасный наш народ, озаренный божественным светом, дерзновенный и могущественный, устремленный к светочу мира и созидания!

Примерно в таком выспренном духе.

После чего некий лихой джигит во всю мощь своей глотки запевает песню из пяти слов: «Думан. Думан. Думан! Ай, тамаша! Ай, тамаша! Думан. Думан. Думан!»

Спасу нет от этого повседневного аляуляй!

* * *

Сцена, вычитанная мною в какой-то немецкой газете:

«Учитель: У отца одна корова. Она ежедневно дает два литра молока. Сколько литров молока она дает за 10 дней? Ответь, Карлуш.

Карл: У моего отца нет коровы.

Учитель: Ответь, Фрицик.

Фриц: У меня нет отца.

Учитель: Ответь Руди.

Руди: У нашей коровы сейчас нет молока».

А ведь подобные ответы можно услышать и в современном ауле.

* * *

Еще в школе, где-то в пятом-шестом классе, меня неожиданно осенило: все именитые русские – не совсем чистые по национальному происхождению. Уж больно не по-русски звучали разные беллинггаузены, крузенштерны, беринги, барклай де толи, бодуэн де куртене и сотни им подобных. Способствовал этому открытию Иосиф Сталин, учинивший тотальную разборку с безродными космополитами. Меня, помнится, это обескуражило и испугало.

Апырай, что же это получается? И сам Пушкин не совсем русский, и Лермонтов, и Карамзин, и Достоевский, и Кюхельбеккер и Дельвиг – само собой. Как же так?! Ведь всюду пишут и говорят, что русские – великие. Так в чем же величие?

Спросить было не у кого. В ауле жил один русский, да и тот ссыльный.

«Все смешалось в доме Облонских».

Я сообразил, что русские давно перемешаны с другими народами, они постоянно обновляли свой дух. Может, отсюда и происходит загадочная русская душа? Русская стойкость и выносливость? Умение падать и вставать? Возродиться из пепла и праха? Может, отсюда и русское самобытное искусство? Русские всех принимали, всех перемалывали-перепахивали в гигантской мясорубке.

Примеров – тьма. Чем дальше в лес, тем больше дров.

А тут стали теребить-тормошить, разоблачать-выворачивать наизнанку таинственных космополитов. Кто они такие? Откуда взялись? В аулсовете космополитов крыли-ругали в хвост и гриву. Никто безродных и в глаза не видел. В аулах всех – и стар, и млад – знали до седьмого колена. Космополитов никто не припоминал. Самым образованным в нашем ауле считался старый учитель-татарин Ихия Аханов. И я однажды подслушал, как мой отец, на партсобрании рьяно разоблачавший космополитов, тихо спросил у Ихия-ата: «А кто такие космополиты?» Ата приложил искривленный палец к лиловым губам, закатил глаза и также шепотом ответил: «Ойбу, не спрашивай, Карл! Эти негодяи – враги Сталина».

В школе нам стали толковать, что все открытия по физике, химии, географии, астрономии и всем другим принадлежали исключительно русским.

Я же уже тогда кое-что знал, что это не совсем так.

Помалкивай, – сказал строго отец. – Не умничай. А то мигом припишут тебя к космополитам. А мне придется отвечать!»

С тех пор я собираю сведения о национальном происхождении славных русских.

Со временем выяснилось, что я не один проявляю к этому вопросу интерес.

Ограничусь здесь лишь одной цитатой из статьи Александра Ципко «Не будем валять дурака!», опубликованной в «Литературной газете» (№ 50, 14.12.2011):

«Адмирал Нахимов был по крови еврей, Багратион – грузин, Барклай де Толли – немец, у Деникина мать была полькой, у Лавра Корнилова – казашкой, а Врангель вообще был по крови датчанин, даже Кутузов был немецких кровей.

Еще меньше перспектив доказать свою русскую принадлежность будет у потомка арапа Петра Великого Александра Пушкина, и у полуполяка-полуукраинца Гоголя, и у поляка по матери Николая Некрасова, и у еврея Фета, и у Федора Достоевского, имеющего литовско-белорусские корни, и у Тургенева, потомков татарских мурз. Судьба русских мыслителей в России для биологически чистых русских вообще печальна. Карамзин был татарином, у Николая Бердяева бабушка была француженкой, Сергей Булгаков тоже был потомком татарских мурз, и Семен Франк, и Лев Шестов, и Михаил Гершензон были этническими евреями, как Левитан и Рубинштейн. Идеолог русского сознательного патриотизма Петр Струве был этническим немцем, Иван Ильин – немцем по матери и т.д.»

Я лично мог бы многое добавить по этой части. Точнее: очень многое.

Несколько личных впечатлений.

В 1988 году мы группа общественников разных национальностей – историки, философы, писатели, журналисты, юристы, архитекторы – человек двенадцать по линии Общества дружбы отправились в Париж читать лекции о национальных отношениях в Казахстане в Институт восточных языков. Все мы подготовили выступления на 12-15 минут. Собрались французские интеллектуалы. Раскованные, мобильные, симпатичные люди. Наши банальные, откровенно советизированные, нудные лекции их совсем

не интересовали. «О-ля-ля! – сказали они. – Достаточно трех-пяти минут. Лучше побеседуем за бутылкой вина». Я мигом перестроился и очень коротко поведал о себе, о казахах и российских немцах. Наши «открытия» ограничивались примерами о межнациональных отношениях и браках. Мы наивно полагали удивить французов. А они живо начали вспоминать: оказалось, у всех наших слушателей смешанная кровь – немецкая, испанская, итальянская, арабская, польская, английская, русская, даже африканская и цыганская. Выяснилось, что все они по происхождению фантастически перемешаны. А мы намеревались их поразить по этой части.

Вечером в гостинице мы с писателем Шерханом Муртазой обменялись мнением об этнической чистоте казахов. Выяснили, что и казахи изрядно перемешаны с монголами, джунгарами, калмыками, киргизами, узбеками, туркменами, таджиками, татарами, русскими, немцами, корейцами – всех и не перечислишь.

А ныне казашки и вовсе разбрелись по всему свету. Мужья у них русские, немцы, арабы, турки, голландцы, африканцы, американцы, англичане, китайцы. Ойдойт! Спрос на казашек велик.

Несколько лет назад посетила нас ученица моей жены, миниатюрная, милая казашка. Пришла с мужем-норвежцем и маленькой дочерью – беленькой, черноволосой и черноглазой. С мужем, настоящим викингом, бывшая ученица жены общалась по-английски и по-норвежски. С моей женой – по-русски. Викинг со мной говорил по-немецки, так как в школе он изучал немецкий как второй иностранный язык. Казахским казашка не владела и с родной матерью (она тоже зашла к концу застолья) говорила главным образом по-русски, а со мною мать вполне прилично общалась по-казахски.

Нередко встречаюсь я с этнологом-казахом родом из Шымкента. Живет он в Париже, и жена его француженка. У него двое детей.

Подобных примеров уйма.

Так что ничему ныне я не удивляюсь.

Жизнь внесла в брачную сферу серьезные коррективы, на которые закрывать глаза не след.

Тетрадь двадцать восьмая

Казахская ситуация

Хотелось бы надеяться, что читатель о том помнит: два года назад, в 2012 году, в Алматы в объеме 16 печатных листов, тиражом в 1000 экземпляров увидела свет своеобычная и очень актуальная книга под названием «Ситуативный казахский». Автор – убежденный радетель казахского языка, внесший, на мой взгляд, заметную лепту в казаховедение доселе мне не знакомый Канат Тасибеков.

Книга произвела на меня приятное впечатление своей новизной, необычной хваткой и живой конкретной, и я написал рецензию, оценив труд автора малой энциклопедией казахской ментальности, океаном казахского речестроя.

Суть той книги автор определил так: «Так какой же казахи народ, каков казахский характер, менталитет, что́ для казаха имеет особую ценность, чем отличается казахское отношение к окружающему миру от неказахского, какими нормами и правилами казахи руководствуются в повседневной жизни».

Все это мне очень близко. Об этом и я посильно пишу всю свою жизнь в своих статьях, рецензиях, исследованиях, книгах.

Подход к этим насущным проблемам Каната Тасибекова мне созвучен, соприроден. Он душой болеет за все подлинно казахское и ратует за глубинное осмысление сути национальной ментальности. Поэтому горизонт его видения не ограничивается сугубо языковыми вопросами, а масштабно задевает мир казахов. Книга не затерлась в массе словарей, разговорников, учебных пособий, методических разработок, публицистических назиданий, заклинаний и худосочных учебников по казахскому языку.

И автору, и мне, рецензенту, за эти годы звонили отовсюду, нетерпеливо расспрашивая, когда же выйдет обещанная вторая книга.

И вот внимательно, с карандашом, уже пятый день читаю рукопись второй книги, названной «Ситуативный казахский (Диалоги)».

Читаю с интересом, с любопытством, увлеченно, осмысливая все нюансы. Узрел немало очевидных достоинств и заранее обозначаю свой вывод: **рукопись следует издать немедленно**, ибо она остра, поучительна, своевременна и методически оправдана по всем параметрам. Она взывает к светлым национальным чувствам, раскрывает грани казахского мироощущения, возбуждает интерес к казахскому речестрою, выявляет разные и, разумеется, порой спорные мнения к насущным политическим, социальным, философским, языковым, психологическим вопросам современного казахского бытия.

Автор нашел интересный ключ для занимательного чтения его серьезного труда.

Трое мужчин и две женщины, связанные приятельскими и родственными отношениями, разные по характеру и темпераменту, живущие в Алматы, Астане, Шымкенте, представляющие различные слои современного казахского общества, воспитанные в разных условиях, образованные, неравнодушные к тому, что происходит в стране, с колокольни своего житейского и гражданского опыта, ощущений и представлений, совершенно вольно и нелицеприятно ведут беседу, выражаясь максимально открыто, формулируя свои мысли каждый на свой салтык по законам и правилам непринужденной **устной** речи о самых насущных ситуациях, окружающих казахов и неказахов, всех так называемых ада, шала и таза в нашей огромной, независимой стране, страстно ищущих свой путь развития на фоне демократизации и глобализации.

Ну, и о чем идет речь? Что, собственно, волнует милых персонажей Каната Тасибекова?

Вот темы их беседы-споров:

– о государственном языке,

– о методиках изучения языка,

– о политике трехъязычия,

– о переходе на латиницу,

– о языке как национальной идее.

Разве не любопытно? Разве не существенно? Разве эти вопросы не волнуют нас всех уже несколько лет?

Но это лишь первая глава диалогов, названная **«Тіл – язык»**.

Далее следуют главы: **«Діл – менталитет»** (о казахском менталитете, о трайбализме, о казахских родственниках), **«Дін – религия»** (о религии в Казахстане, о чудесах Корана, о казахском исламе), **«Ұлт – нация»** (о национальном вопросе, о шала-казахах, о межнациональных браках).

Эти вопросы у всех у нас на устах, не правда ли? Каждый о них обладает своим мнением. И раскованные герои Каната Тасибекова концентрированно выражают то, о чем публично и скрытно рассуждают – зачастую противоречиво – граждан нашей страны.

Рассуждения их доходят до сердца читателей, будят мысль, побуждают соглашаться или не соглашаться.

Но и это еще не все. Заключают рукопись еще три главы: **«Сөз – о хане мореплавателе»** с пометкой «шуточная» (глава, полная неожиданного юмора, иронии, высмеивания так называемой национальной страсти к «народной этимологии», к неожиданным созвучиям, создающим эффект неуемной казахской фантазии; глава-оживляж, способствующая языковым ассоциациям, сближениям и потешным ситуациям); **«Жік – разногласия»** (об объединении с Россией, об Астане и Алматы), **«Біз – мы одна семья»** (одухотворенный, духоподъемный диалог об единстве народов (или диаспор), населяющих Казахстан).

С какой целью написана книга? В общении к читателю на этот вопрос отвечает сам автор:

«Я хотел бы, чтобы, читая мои диалоги, вы:

– получали удовольствие от чтения;

– освоили стандартные фразы для начала диалога, его поддержания, перевода его на другую тему или завершения;

– приумножили количество известных вам казахских слов и выражений;

– почувствовали, что вы сможете высказать свою точку зрения на казахском».

Цели благородные и, на мой взгляд, автор их успешно достиг.

А – по-немецки говоря – Standpunkt (стержневую точку опоры, суть идеи) герои диалогов выразили такими сентенциями:

«Сегодня мне стало ясно – надо язык сделать востребованным! Не знаешь языка – надо сделать так, чтобы человек почувствовал, что он не сможет стать полнокровным членом семьи. Нет сомнения, что только тогда все заговорят на казахском» (Гуля).

«Язык – это индификатор нации. Нет нации – нет народа. Сохранить язык – долг любого народа, иначе народ исчезнет с лица земли» (Бекдаулет).

«Что касается Африки или Латинской Америки, про которых ты говорил, то их пример не образец для нас. Мы живем не для того, чтобы копировать чью-то жизнь и судьбу. Наша судьба – это только наша судьба» (Гуля).

Персонажи Каната спорят порой жестко, резко, на грани фола. Они ставят вопросы, но не всегда находят ответы.

«К этому времени мы затронули много вопросов, вместе искали ответы на них. Затронули и обсудили вопросы глобальные, государственные, политически сложные, очень трудные. Но не по одному из них мы не смогли прийти к общему решению» (Валихан).

Ну, а заключительный пассаж в его устах в финале звучит так:

«Мы казахи и все проблемы должны решать по-казахски. Мудро. Взвешенно. Не торопясь. По-доброму».

Такова тональность, таков общий пафос книги.

Как выстроены диалоги?

По законам живой устной речи. То есть, не всегда грамматически четко организованно. И это естественно, привлекательно, непринужденно.

Разумеется, участники диспута говорят исключительно по-казахски, даже если при этом испытывают трудности. Их суждения, реплики тут же – вполне **адекватно**, в разговорном стиле – воспроизводятся по-русски. И такая композиция выдержана от начала до конца. Пример: собеседник по имени Валихан произносит свою тираду по-казахски, а внизу, тут же, текст воспроизводится на русском языке:

«Казахи по пословице «На первый раз – узнал, на второй – познакомился, а на третий – родственником стал» не устают увеличивать число родственников. Начинают с вопроса – «Какого ты рода?» А, получив ответ, говорит: «Ай, молодец! Дай расцелую, ты мне, оказывается, жиен»; если он из рода мужа одной из сестренок; ну, а если он из рода или жуза матери, тогда со словами: «Так, ты мне дядя, я тебе племянник» идут на сближение. А если он своего рода, тогда все – брат, в зависимости от возраста старший или младший».

В беседе постоянно присутствует юмор, мелькают множество казахских пословиц и поговорок. Нередко, вполне уместно вклиниваются анекдоты. К примеру, такой:

«Во время Великой Отечественной войны русский и казах попали в плен. Немецкие солдаты привели обоих к генералу. Генерал приказывает: русского допросите и расстреляйте. А казаха расстреляйте сразу. «Как так? – недоумевают фашисты. – И его надо сначала допросить!» «Нет, – отвечает генерал. – Не вздумайте с ним разговаривать! Начнет доказывать, что он вам родственник. И что потом с ним будешь делать?»

Таким образом высмеивается склонность казахов к запутанным родственным отношениям.

Такова ментальность. Такова одна из бесчисленных казахских ситуаций, возникающих на каждом шагу. Подмечено тонко.

Диалоги изобилуют немалыми локальными и глобальными сведениями из разных областей знания, историко-географических атрибутов, политических и социальных, общественных ситуаций.

Автор учит отнюдь не отдельными казахскими словам и грамматическими правилами, он заметно расширяет горизонт своей цели. Он учит расхожим фразам, словосочетаниям, словесным конституциям, исходя из конкретных – актуальных и сложных – ситуаций повседневного многогранного бытия. **Он учит мыслить по-казахски**, исподволь внедряет в сознание речевую казахскую культуру, спровоцирует желание и стремление выражать потаенные думы, настроившись на казахский лад.

Именно в этом я вижу сверхзадачу и высшую цель его труда. И потому я горячо ратую за скорейшее издание этой остро необходимой нашему обществу рукописи.

На мой взгляд, предстоит еще некоторая шлифовка. А именно:

1. Рукопись недостаточно внимательно вычитана. Корректору, предстоит кое-какая работа. Что-то я выправил, но поверхностно.

2. При издании рукописи необходимо поиграть шрифтами, укрепить кегли. Русский текст набран петитом, это сильно затрудняет чтение.

3. Подумать стоит – по моему разумению – и о сносках. Они излишне «разжеваны», их явно много и они отвлекают читателя, утомляют, уводят с основной тропы. Я их при чтении поневоле опускал. Они придают рукописи нудный – словарный, грамматический, разъяснительный – вид. Утяжеляют восприятие.

Как быть? Оставляю на усмотрение автора и редактора. Я бы их снял с постраничной площади и поместил их в конце книги к соответствующим главам. Кто хочет – пусть сверяется. А кто-то, полагаю, обойдется и без дотошной детализации и слишком тщательного разжевывания.

Впрочем, настаивать не стану. Однако, какие-то коррективы, вероятно, нужны.

В заключении еще раз повторю: рукопись состоялась, необходимость ее сомнений не вызывает. Ее нужно, не оттягиваю, издать, разрекламировать, а в будущем – думаю – есть смысл издать два тома вместе. Убежден: это будет серьезный вклад в казаховедение, в познании мира казахов.

Герольд Бельгер,
писатель, переводчик, лауреат
ряда общественных, литературных
и журналистских премий.
15.05.14

* * *

Из нашей многоэтажки три раза на дню медленно и торжественно, лениво потягиваясь, выбирается крупный, сытый, пегий котяра и начинает обход двора – своего владения. Двор у нас загляденье – зеленый, ухоженный оазис в центре мегаполиса: разнопородные деревья, кустарники, аллейка, густая трава, клумбы, беленые бордюры, скамейки. Место это издавна облюбовали скворцы, голуби, воробьи, снегири, их то и дело наведывают вороны, сороки. Здесь вьют гнезда, выводят птенцов. И котяра, сытый-пресытый, избалованный и изнеженный, хищно крадучись, степенно

вышагивая, привычным маршрутом обходит все кусты-заросли, посматривает на верхушки деревьев, цепко лазит наверх, разоряет гнезда, не обращая внимания на неистовый птичий ор и гвалт, не торопясь, лакомится еще не оперившимися, крохотными и беспомощными пушистыми, теплыми комочками.

Котяра – прирожденный охотник, грабитель, каратель. Чихать он хотел на все, что происходит вокруг. Он чувствует себя хозяином двора.

И, глядя на него, я вспоминаю символ Казахстана – снежного барса. О, сколько вокруг этого барса было разговоров на заре так называемой независимости! Сейчас, чай, о том забыли. А, придумав для Казахстана этот гордый и мужественный символ, барса, помнится, расписывали по всем статьям красочно и возвышенно, выявляя его загадочные черты, повадки, пристрастия, придавая ему, как водится, мифические свойства. На Монументе Независимости в Алматы он на самой верхотуре в яростном прыжке устремился в будущее, расправив по обе стороны могучие крылья.

Пах-пах! Знай наших!

Есть преуспевающие азиатские страны-тигры, и Казахстан равняется на них, ибо тоже не лыком сшит, но он не тигр, а барс, чуткий, осторожный, сильный, неукротимый, отчужденный, в меру коварный, хитрый, обитает высоко-высоко, ближе к солнцу, среди заснеженных скал, расщелин и утесов, о да, вот он, вольный дух казахов – барс, барс, барс.

В эйфории придумали орден «Барс», но почему-то определили три степени. Меня это смутило: первая степень, представляю, подлинный барс; вторая степень, чудится, кошка; третья степень – почти мышь.

Не очень-то логично.

А умница Досым Сатпаев точно определил место Барса между Медведем и Драконом. Не позавидуешь. Может, потому барс и не показывается на глазах, прячется где-то в расщелинах в своем снежном царстве? Обидно, да что поделаешь? Видно, бедняге не

очень уютно и комфортно в таком соседстве. Медведь и Дракон слишком плотно его зажали с двух сторон, слишком жестко его опекают. Не зарычишь и не оскалишься. И хвост приходится прижать. Никого не испугаешь, кроме пугливого архара. Досым в своем представлении пошел еще дальше. Обнаружил между Медведем и Драконом одних «коррупционных кроликов». Вообще стыдобушка! Получается, наш гордый барс даже не котярой обернулся, а и вовсе докатился до коррупционного кролика. Не знаю, кому как, но меня это обескуражило. Задело казахстанскую честь. Ну, котяра – это еще куда ни шло. В конце концов он хоть в миниатюре смахивает на барса. Котяра (почтенный Котеке) хоть в состоянии наводить ужас на беспомощных птичек. А кролик что? Сидит себе в закутке, дрожит и грызет морковку.

А наш кролик еще к тому же коррупционный...

Апырай, неужели знаменитый сон хана Аблая в руку? Неужели наш барс не во сне, а наяву превратился в кролика? Скажет же Досым – не в бровь, а в глаз!

А котяра нашего дома, съев парочку еще голых, недавно вылупившихся птенцов, довольный, пресыщенный, облизывая усы, также важно, вальяжно, возвращается домой, чтобы подремать после охотничьей удачи на диване своей одинокой хозяйки.

Котяра котярой, а мои думы о настоящем и грядущем Казахстана.

Ау, барс, где ты?!

* * *

За двадцать последних лет захирели казахские аулы в моем краю до убогости.

«Мой край» – это Приесилье (по-русски: Приишимье), куда нас депортировали с Волги в сентябре 1941 года.

Я описал, опоэтизировал те аулы в своих литературных опусах. Могу повторить их названия: Ленино (ныне им. Ибраева), Коктерек, Жана-жол, Жана-талап, Мектеп, Орнек, Каратал, Алка-агаш, Аксу, Карасу... Много хорошего, примечательного было. И люди

были прекрасные! Они живут в моем сердце; милые картины сохранились в моей памяти.

Теперь эти места оскудели, обнищали донельзя. О том рассказывают мои земляки; регулярно пишет престарелый журналист Жумаш из Петропавловска, помнящий моего отца и меня с малых лет.

Вот и сегодня (05.05.14) я получил от него письмо, в котором он пишет о положении аулов, знакомых мне с детства (эти аулы с 1941 г. по 1971 год обслуживал мой отец фельдшер-акушер Карл Бельгер): нехватки воды, пастбища прихватизированы, земля оскудела («Су тапшы, жер азған-тозған»), состояние тяжелое («ел жағдайы ауыр»), аул Жаныбек – Кабай – Туяк (я там вырос) дошел до уровня 1940 года, все заросло бурьяном, в Коктереке осталось десять дворов, молодежь подалась в города, оставшаяся хлещет водку, подворовывает и режется в карты, кругом разруха, запустенье, люди бедствуют, хиреют, болеют, начальство без конца меняется, а толку никакого. Хорошо, что при разливе Есиля затопило прибрежный тугай, старицы наполнились водой, луга наполнились влагой.

Словом, картину рисует престарелый Жумаш безрадостную. И это его на старости лет сильно огорчает. Меня тоже. Вздыхаю, горюю. А читаю про ЭКСПО-17, про бесконечные форумы, трескучие шоу, нелепые понты, про наши небывалые достижения и грандиозные перспективы, про прекрасную Астану, которая входит в десятку столиц мира наряду с Парижем, Римом, Веной, Прагой, Лондоном, Берлином, Токио, Пекином, Москвой, Санкт-Петербургом, Мадридом и т.д.

Каково, а?! Ойна Кузембаймен!

Видно, я что-то не понимаю. Или меня принимают за дурака и вешают мне на уши прокисшую лапшу.

* * *

Казах фаталист. Он уверен: что тебе положено, то и обломаются, а погонишься – не догонишь. По-казахски это звучит энергичней: бұйырған кетпейді, куған жетпейді.

* * *

Старики на прогулке горячо обсуждали бастыков-начальство всех рангов. Характеристики были меткими и – главным образом – негативные.

«Е-е-е..., – глубокомысленно заметил один, – Қарғадан бастық койсаң, басың боктан шыкпас. (Поставишь ворону начальством, голова окажется в дерьме)...

«Солай, солай. Так, конечно. Все начнут клевать говно».

«И еще есть народная примета. Если во главе двадцати собак окажется Лев, все собаки превратятся в львов. А если во главе двадцати львов поставить собаку, все львы обернутся псами».

«Солай, солай. Мы это видим постоянно».

«И еще говорят: если твой начальник кривой, зажмурь оба глаза».

«Солай! Народ скажет не в бровь, а в глаз». Хе-хе...

* * *

Они же сменили пластинку.

– Астанинский военный парад смотрел?

– Смотрел... Детская забава какая-то. Топают старательно, а все равно не парад. Речи длинные, непарадные. Не поймешь: отчет или послание.

– А московский военный парад?

– Ну, это совсем другое дело! Другой коленкор! Иной шаг, иная осанка, безупречная выправка. А построение? Как линейкой выверено. А речи? Так-тук! Никаких «я таковский, я сяковский». Четко, ясно, по-военному. А какая техника! Какая авиация! Нет, с урусами шутить нельзя. Так, зачем нам тужиться, хорохориться, на цыпочки вставать?!

– Нишауа! Үйренеміз ғой. Подучимся.

* * *

Печально, печально... Пошла какая-то дурная полоса. Похоже, люди могут жить только в ненависти. Их деяниями управляет ненависть. Всех охватил синдром Познера. Ненависть определяет

сознание. Ненависть диктует смысл жизни. США по-дикому ополчились на Россию. Придумывают бесконечные санкции. Всех хотят держать в страхе. Россия решила проучить Украину. Та тоже хороша. Ее науськивает подлая Европа, натравливаемая заокеанским Сэмом. Мелкие шавки лают из всех подворотен. Все топорщат загривки, скалят зубы, бьют хвостом.

Жить стало тяжело. И правителям, и бедному люду. Всем не терпится раздуть мировой пожар. Железными мускулами поигрывают. Крови жаждут. Вселенную обрушить норовят.

Все СМИ работают на ненависть. Сеют и пропагандируют зло.

Вспоминается Бродский: «Много мерзости сокрыто в сердцах человеков».

Самое горькое, что ненавистью упиваются женщины: американки, европейки, русские, украинки, еврейки. Смотришь телевизор, читаешь газеты – ужасаешься. И немки тута же, и казашки. О, алла-ай! Чем это кончится?

11.05.14

* * *

Аскетизм казахам чужд.

Мне тоже.

Казах любит той. Мне же времени на той жалко.

Казах широк и волен, как степь. И живет он в вечности.

Я же в этом плане ограничен, сам себя держу в узде.

Казах говорит: «Атынды сат, қатыныңды сат, жатарында тойып жат» («Продай коня, продай жену, а спать ложись, наевшись досыта»)

Я же рано познал, что есть перед сном вредно.

Казах – человек души. Я – человек ratio.

Вот и вся разница. В остальном мы родственны.

* * *

Прочитал где-то: пусть хоть воровством, но казахи богатеют. А это богатство никуда ведь не денется, казахам же достанется.

– Ну, да... в могилу с собой не утащишь, чужаку не сплавишь.

– Чужаку не сплавишь, а за кордон отправишь. Нувориши воруют, но не в дом тащить, а из дому. И это худшее воровство. Такое богатство, как правило, рыжему псу достанется.

– Ия, ия... Пошла такая хворь. Все наворованное норовят прятать за шестью перевалами, за тремя морями. А это значит, что казахам обломится пшик.

* * *

С содроганием и омерзением читал статью Светланы Фельде «Кончинная Европа?» (НП, 15.05.14). Поясняю: прилагательно образовано от фамилии Кончита – австрийского трансвестита, победительницы Евровидения – 2014, по платьицу женщина, по бороде – мужчина. Словом, не ОН, не ОНА, а ОНО.

С Кончитой, слава Богу, я не знаком. А Светлану Фельде знавал еще по Алматы: толковый журналист, талантливый прозаик. Российская немка, давно живущая в Германии.

Вот фразы из ее статьи, которые меня ошеломили:

«Год назад – юбилей – в Берлине заново открылся единственный в мире музей гомосексуальности».

«Герой выставки – представители секс-меньшинств еврейского происхождения, жившие в те годы и отстаивающие свои права через искусство и литературу».

«Итак, в Германии сегодня проживают 42 тысячи голубых и 31 тысяча розовеньких».

«Не скрывать своей нетрадиционной ориентации – это сегодня в Германии особый тренд. А умопомрачительная лояльность к гомосексуальности – своего рода культ».

Ну, и что я могу сказать? Первое: ну, и Бог с ними, какое мое дело до чьей-то нетрадиционной ориентации? В конце концов пусть каждый сам чешет свою болячку. Почему это необходимо публично афишировать? Неужто за это нужно просить «сүйінші»? Второе: слава Богу, что я не живу в той стране. Мне было бы очень неуютно.

Была Германия страной поэтов и философов.
Теперь она превратилась в Эльдорадо геев и лесбиянок.
Или одно другому не помеха?
Не знаю. Но мне читать это грустно.

* * *

Небольшая заметка «Операция «Живаго» (ЛГ, № 15/2014) навеяла воспоминания около 60-летней давности. Вспомним всю немыслимую возню – политическую и идеологическую – вокруг романа Бориса Пастернака.

Я никогда не был поклонником его творчества и жизненных принципов (Сталин называл его «небожителем» и благоволил ему за то, что он первым воспел его и переводил грузинских поэтов; а переводы его из Гете и Шекспира и вовсе низкопробная отсебятина), однако жуткая и несправедливая, запальчивая трескотня вокруг опального романа и его автора вызывали во мне искреннее сочувствие и сострадание к судьбе поэта и переводчика. Я возжаждал непременно прочитать этот роман. Тщетно! Роман ругали, унижали, оскорбляли, кляли, разоблачали, хвалили, возносили, захлебывались в экстазе от его художественных достоинств, тем самым подогревая жгучий интерес к нему. Алматинские «диссиденты»-книгочеи не смогли для меня достать вожделенную книгу хотя бы в самиздатовском исполнении.

И вот знакомый и популярный писатель А., вернувшись из Парижа, сообщил мне тихую, радостную весть: он привез-таки для меня русское издание «Доктора Живаго». Однако через несколько дней с грустью заметил: «Кітапты Қалекең қағып алып кетті» («Книгу Калеке все-таки перехватил»). Потом выяснилось, что заветную книгу и вовсе перехватил один юркач из бдительных органов.

Достался мне этот роман много лет спустя в сереньком, в мягкой обложке, невзрачном и потрепанном российском издании. Шум и ор о романе к тому времени схлынул, почти угас, как степной пал

после дождя. Знакомые критики, успевшие роман прочитать, недоуменно пожимали плечами: «Ай, пәлендей ештеңе жоқ!» («Ай, ничего особенного!»)

С первого раза одолел страниц 70. Со второго раза – 100 страниц. С третьего – чуть больше. Нет, не для меня! Определенно не Толстой, не Чехов, не Достоевский. Пресная, беззубая, вымученная проза с явными претензиями и амбициями. Скажут, что я просто-напросто не дорос до такого изысканного слога и тонкого восприятия мира – спорить-возражать не стану. Не дорос – так не дорос, откуда что возьмешь. А тут один книгочей-острослов тонкие губы скривил: «Эту вещь можно читать лишь в одиночной каталажке при трехразовом усиленном питании».

Через семь лет сделал еще одну попытку прочитать роман. «Ну, не сложнее ведь «Иосифа и его братьев» Томаса Манна», – уверял я себя.

Нет. Не смог.

Мелькнула догадка: құдай біледі, кому-то очень нужно было поднять вселенский шум, кому-то понадобилось любой ценой внедрить это сочинение в сознании людей. Знаем ведь, как делается реклама. Только во имя чего и кого, с какой целью. Вещь-то заурядная, проходная...

Теперь читаю в «Литературной газете»:

«В рамках компании по борьбе с коммунистическим строем американская разведслужба организовала выпуск запрещенной в СССР книги на Западе, а также распределение романа среди советских граждан, сообщает газета «Вашингтон пост».

...Операция по изданию и распространению романа Пастернака осуществилась с санкции президентского комитета по координации операций, руководил ею советский отдел ЦРУ, работу которого курировал лично директор ведомства. Ален Даллес. «Эта книга имеет большую пропагандистскую ценность не только благодаря внутренней идее, которая дает пищу для размышлений, но и из-за обстоятельств ее публикации», – утверждалось в одном из циркуляров ЦРУ».

...Э, бэсе! Вот так-то! Теперь понятно, откуда ветер дул, и кто, и что стояли за грандиозной шумихой вокруг «Живаго». И подоплека нобелевской премии ясна.

А мы, наивные, ушами хлопали и рты раззевали.

Мне 80 лет, а меня по-прежнему норовят обмишулить доморощенные и закордонные хитрованы...

* * *

Передо мной лежат три варианта перевода на русский язык знаменитого 66-го сонета Шекспира. Славные переводы!

К сожалению, не могу сравнивать с оригиналом. Привожу две заключительные строчки:

Самуил Маршак:

– Все мерзостно, что вижу я вокруг...

Но как тебя покинуть, милый друг!

Борис Пастернак:

– Измучилась всем, не стал бы жить и дня.

Да друг трудно будет без меня.

Михаил Дудин:

– Я умер бы, судьбы не изменя, –

Но что ты будешь делать без меня?

Вчитывайтесь и сопоставляйте. Так, что такое перевод?

* * *

В Москве, в издательстве «Наука», вышел шекспировский «Гамлет» в новом переводе – Ашота Согратяна. Мне это имя незнакомо. Он пишет:

«Должен признаться: меня ничуть не смущало то обстоятельство, что широкий читатель уже знаком с переводами Н.Полевого, А.Кронберга, М.Лозинского и Б.Пастернака. В них до завершения работы я даже не заглядывал, дабы не сбиться со своей стези».

Любопытно, не так ли? Значит, переводчик верил в свои потенциальные силы.

* * *

У меня зазвонил телефон... Кто говорит?

– Господин Бергер?.. Извините, Бергель?

– Вообще-то Бельгер.

– Да, да... Гербель... Я журналистка Анель. Шеф просит, чтобы я взяла у вас интервью.

– О чем?

– Ну, о казахском языке... о литературе... о... Вы не подскажете, как вас зовут по имени-отчеству?

– Нет, не подскажу.

И бросил трубку.

Снова звонок:

– Георгий Пельзер?.. Ай, ғафу өтінем. Бель... бель...

– Бельгер. Но не Георгий.

– А как?

– Герольд.

– Е-е... Герольдтың орысшасы Георгий емес пе?

Кладу трубку.

Звонок.

– Герхард Карпович?

– Не совсем. Отца звали Карлом, а не Карпом.

– Извините, мне предложили о вас написать диссертацию. Как бы с вами встретиться?

– Не стоит, айналайын.

Кладу трубку.

Дзинь-динь-день.

– Писатель... е-е-е... а...а...а... Бельгегер?

– Бельгер.

– Извините, Гегель Карпович?

– Нет, до Гегеля пока не дорос.

– Вам из «Телекома» звонят. Вы интернетом пользуетесь?

– Нет.

– Почему??!!!

Кладу трубку.

Звонок.

– Ассалаумагалейкум, аксакал. Каспи-банк вас тревожит. Так, вы Григорий Бельгерович?

– Нет.

– Как нет?! У нас акция. Мы хотели бы вас поздравить.

– Не надо, дорогой. Вы ошиблись.

Кладу трубку.

Звонок.

– Оу, амансыз ба, Қараке!

– Аман-сау. Но казахи меня называют Гереке, Геке, Гер-аға, даже Гер-ата.

– Но вы же Гаральд? Значит правильно Қараке.

– Ладно. О чем речь?

– Читаю вашу «Чепуху» постоянно. Ой, тамаша! Тіліп түсесіз! Классно! Написали бы, Қараке, еще о нашем запущенном дворе. Да и бродячих собак что-то много в городе развелось. Қареке, Қареке, Қареке...

Звонок.

– Карл? Я ваш земляк. Из «Жана-талапа» звоню.

– Очень приятно. Но Карл – мой отец.

– Как?! Ты же першылом в аулах работал.

– Фельдшером работал не я, а мой отец.

– Ә?! Солай ма? А я думал, ты Карл... Е-е-е... а Карл живой?

Кладу трубку.

Звонок.

– Геройжан?! Из Өскемена звоню. Подскажи, телефон поэта Қадеке.

– Так... поэт Қадеке умер.

– Қашан?

– Да уж года два-три назад.

– Не дейді?!! Как же так!

Звонок.

– Эй, Геракл-дос, живой-здоровый?

– Спасибо. Только я не Геракл, а Герольд.

– Герой? Герот? Геройд? Хергольд? Ты же у нас был Гера.

– Был.

– А Гера – это ведь Геракл. Не так ли? Где ты сейчас работаешь? Бала-шаға йес?

Нет, уже не смешно. Дурно. Давление взыграло. Сердце стучит. Боже! Как только меня не называют?

Вспомнил Корнея Чуковского.

«У меня зазвонил телефон...

– Кто звонит? – Слон!

– Откуда? – От верблюда»

Неужели одни верблюды мне звонят?

Дзинь-динь-день. О, алла! Кто еще?

– Гера! Опять земляк из «Жана-талапа». Вспомнил: Карыл – действительно твой отец. И тебя, Гера, вспомнил. Говорят, ты бизателем заделался. Книжки пишешь. Прислал бы мне пару-тройку. Почитал бы про что ты пишешь. А то скучно. Я ведь пенсионер...

О, господи! Опять звонок.

– Ал-лёу!.. Ал-лёу! Герд Білгір ме?

– Иә... Но Герд в ваших устах звучит почти как «Қырт». Но я таким себя не считаю.

– Э, жарайды! Герд, если ты «Білгір», то скажи: как по-русски называется трава «итсигек»?

Ух! Ох! Вот еще напасть!

* * *

Этот нонсенс, это бесстыдство, этот позор меня определенно угнетает. Я говорю о затянувшемся российско-украинском конфликте. Корни политического конфуза мне в какой-то степени понятны. И исторические, экономические, и психологические. О них, случалось, откровенно беседовал с украинскими письменниками в Домах творчества писателей в 60-80 годах прошлого века. Недоброжелательство, даже агрессивность к «москалям» – откровенные или скрытые – меня всегда обескураживали.

Разумеется, я не судья, не прокурор, не адвокат. Разумеется, славянский спор-жанжал руками не разведу. Но неловкость испытываю. И убежден, что в эту сферу лезть «встречным-поперечным» не след.

Однако, лезут! Со всех сторон. С апломбом. Ковыряются в чужих ранах. Прыгают, как блохи, в чужом белье. Злорадствуют. Стравливают. Умничают на все лады.

Вот это-то и худо. Гадко.

Послушаешь российские официальные СМИ – русский аяй, украинцы – кака.

Послушаешь украинцев – наоборот: они аяй, москали – кака.

Переключился на Евроньюс. Надо полагать, этот канал более объективен. Он ведь оперирует только фактами.

Как бы не так!

Тоже промышляет дешевым куртыл-муртылом.

Нарвался на несколько прямых трансляций. Выступают бельгиец, швед, немец. Некая представительная костлявая дама, которая явно ни бе, ни ме. Источают туманные словеса. Толкуют на все лады. Одни, конечно, террористы, сепаратисты, пророссийские наемники, другие – беленькие, пушистые демократы, защищающие независимость от оккупантов.

Всё эти господа знают. Всё им определенно ясно. А по виду все, как на подбор: невзрачные, серенькие, тощие, плюгавенькие, лысые, плечи опущены, грудь впалая, что-то читают по бумажке, бубнят откровенную жвачку, банальную чушь.

Неужели русские и украинцы нуждаются в их советах? Неужели они вправе учить столь самобытные народы? На каком основании? Неужели они специалисты по русско-украинским отношениям? Неужели они и впрямь полагают, что без них – KlugschbИ С.О. нехорошо. Иначе зачем ему на Бога обрушиться?

А самое главное: общество больно. Я это вижу и чувствую по многим признакам.

«Ауырмаңыз, Гер-аға...»

«И вы не болейте, Шаке...»

* * *

Ныне об Елбасы судят все, кому не лень. В демократическом государстве – каким мы себя позиционируем – это вообще-то нормально. Однако, судят не только вольно, но и резко, бесцеремонно и бесшабашно. Получается, полагаю, не всегда справедливо. Плебейски.

Очевидно, есть поводы. Миллионы не спускают глаз с Елбасы. Возникают, естественно, вопросы: Бұл қалай? Как это понимать? Что кроется за тем или иным заявлением, за тем или иным поступком.

Вникнуть в логику правителя не всегда просто и не всем доступно.

Я не навязываюсь ни в адвокаты, ни в прокуроры. В том, понимаю, и нужды нет. В этом я вряд ли востребован.

Но считаю долгом старого казахстанца сказать вот что.

Задаюсь вопросом: что же остается многоопытному, прожженному политику, ловкому и дальновидному Нуреке? Разве народ не видит, как туго ему приходится? Разве он не выкручивается и так, и сяк, нащупывая некие, нам недоступные оптимальные варианты?

В сумерках и лабиринтах интриг редко кому удается нащупать верную и твердую стезю. Это потом определит, высветит История, высший вердикт вынесут потомки.

Осуждать и критиковать на короткой дистанции легко. Особенно когда ни за что не отвечаешь.

Однако, понять, вникнуть во все, взвешивать все спокойно и разумно просто необходимо. Иначе невзначай свернешь на кривую тропинку.

Вижу, слышу, чувствую ЧТО происходит в обществе. Сомнений, нареканий, недовольств накопилось много. Чирья-шиқаны всех видов назрели до багровости. На многие существенные, актуальные вопросы ответов нет. Овраг между народом и властями с каждым годом все расширяется, углубляется. Казахи говорят: если спутник твой слеп, прижмурь один глаз. Прикрыть один глаз, заткнуть уши, кивать послушно головой, на все хвастовство, даракианство бормотать: «Тәуба, тәуба! Шүкір-шүкір!» – конечно, можно (казахам айналайын не привыкать), но не вечно же, не бесконечно.

Я пишу эти строки 28 мая 2014 года. Завтра в Астане президенты-саруары трех стран подпишут договор, который до небес поднял степную пыль. Знаю, как казахи взволнованы, взбудоражены по этому поводу. Понимаю и в большой степени разделяю их искреннюю тревогу. Среди активно протестующих в разной форме и на разных уровнях немало глубоко разочарованных, всерьез озабоченных и даже напуганных этим актом моих давних единомышленников и друзей. Я им верю: в их сердцах и умах «казахскости», понятно, больше, чем у меня, этнического немца. Видно, не совсем зря сотрясают они воздух, возбуждают себя и других, неспроста бьют в колокола тревоги.

А тут еще на все эти тяготы наслоились постыдные российско-украинские отношения. Есть отчего приходить в уныние и страх. Тень имперского «көтензорлықа» витает, сгущаясь, над головами благонамеренных азаматов.

Но... но... но...

Спрашивается: а как быть? Проблем много. И дров наломано предостаточно. Амбициозные прожекты срабатывают со скрипом. Стратегия «сен де жақсы, мен де жақсы» дает трещину. Гул недовольства усиливается. Надежных опор все меньше. Огромная и малолюдная страна зажата в тиски. Залезешь в котешку Америки – задохнешься. Тесно там. Занято. В котешке Китая и вовсе растворишься, превратишься в прах. И что? Поневоле прислонишься к России. С ней по крайней мере можно понятно объясниться. Там тебя поймут, иногда и посочувствовать могут, хотя при надобности в любое время запросто и пошлют, куда подальше.

Ал, не амал бар? Таңдау қалды ма?

Самостоятельно при таком миропорядке не продержишься, приходится протягивать ножки по одежке, ведь независимость – понятие весьма условное. Олжас Сулейменов делает ставку на **взаимозависимость**. И я склонен так считать: именно в этом сила и единство.

Мы вынуждены жить по формуле, выраженной майлинским героем: «Мая – тыбая, тыбая – ымая», что в правильном русском означает: «Мое – твое, твое – моё».

Вот и приходится и терпеть, пока не войдешь в силу, пока не раскроешь свою потенцию. Пока ищешь вожделенную гармонию, которой, может, и нет места в природе.

Ну, а когда это может случиться?

Ответ казаха: когда полакомишься молозивом яловой тёлки.

Ответ уруса: когда рак на горе свистнет.

Ответ немца: когда петух захрюкает.

Еще вопрос: чтó, Елбасы не знает, какой исторический шаг он предпринял? Не ведает, в какую ловушку его заманили?

Как бы не так!

Считаю, решение он принял наименее опасное. И на этом договоре свет клином не сошелся. Плюсы и минусы определяются очень скоро. Судьба, история, время всегда представят возможность для исправления, для оптимального выхода. Ничто не вечно

под луной. Все поправимо. Казахи на своем пути многое выдюжили. Вынесут и этот эксперимент.

Тек қазақ аман болсын. Не стоит настраиваться на гибель и заранее оплакивать свою судьбу.

Ну, а Президента можно по делу и покритиковать. Только без хамства. Хамство – не аргумент. А Президента, лидера-саруара, Елбасы-каменера в конце концов ты сам выбрал. А выбор свой целесообразно уважать. Отец мой постоянно внушал: принимай человека таким, какой он есть. И старайся его понять.

Прогулки с Абеке

«Әбеке» у казахов пруд пруди. В данном случае я говорю о покойном Абильмажине Жумабаеве. Надеюсь, его еще многие помнят. Небольшого роста, светлолицый, доброжелательный, неизменно деликатный, вежливый, абсолютно неконфликтный, глубокий знаток литературы, радетель казахского языка, рассудительный, спокойный, иногда по-детски наивный, блистательный переводчик русской и зарубежной прозы на родной язык.

Таким я его знавал и воспринимал без малого пять десятилетий. Ну, конечно, я знал его как инструктора ЦК КП К, как многолетнего директора издательства «Жазушы», как руководителя «Книжной палаты», как сотрудника популярной газеты «Туркестан» и т.д.

От него всегда исходил добрый свет. Скромность, доступность, порядочность его поражали. Ни в чем нигде не выпячивал себя, держали в тени, не кичился своим интеллектом. При всей своей природной умеренности в принципиальных вопросах стойко отстаивал прогрессивные взгляды. Будучи из бедной кызылординской глубинки, он обладал аристократическим достоинством.

К концу жизни он обосновался по соседству со мной, в квартире на первом этаже, куда никогда не падало солнце (говорил: «қақап тұр»), и мы почти ежедневно встречались на аллее возле

памятника Чокану и вели неторопливые беседы о литературе, об издательских делах, о современной журналистике, о книжных новинках, о литераторах, ушедших в мир иной, о политике, о положении Казахстана.

Он был старше меня, многое пережил, перевидел, перечувствовал, знал именитых казахов двух-трех поколений, о всех предпочитал говорить хорошо, высоко, с восхищением, никогда не осуждал и не перемывал всуе чьи-то косточки.

Что и говорить, милый был человек. О таких говорят: муху не обидит.

Ходил бодро, быстро, легко, чертил большие и малые круги, наносил визиты вежливости памятникам Чокану, Джамбулу, Пушкину, Шевченко поблизости, пока его компаньоны отсиживались на скамейках, часто сопровождал его любимый внук Жанибек, который с малолетства удивлял-умилял своими разнообразными познаниями и фантазиями.

Слушать Абеке было неизменно приятно, а беседовать трудно: он был почти глухой. Приходилось говорить на пределах голосовых связок, склонившись то к одному, то к другому уху.

– Оу, Гереке, осы орыс әдебиетінде қазір кімдер қалды? («Кто остался в современной русской литературе?»)

– Е-е... бар ғой? Әбеке... – отвечал я не очень уверенно. – Только мы ведь не всех знаем... Как обрели все свободу и независимость, так каждый и бытует в своем закутке.

– А, солай ма? Может, и так. Но, кроме Распутина, кого можешь назвать? Шукшин ушел, Белов ушел, Астафьев ушел... Можаев, Солженицын, Вампилов, Солоухин, Яшин, Абрамов... е-е-е... не всех упомню... ушли. Из поэтов ушли Твардовский, Соколов, Окуджава, Вознесенский, Ахмадулина, Рубцов... кім қалды өзі? Ну, назови хоть кого-нибудь.

– Еще есть Бондарев, Евтушенко, Крупин, Битов... Маканин... м-м... Прилепин, Жуков, Шишкин... Акунин, Удальцов, Толстая...

Я запнулся, не мог сразу вспомнить, пожалуй, еще косой десяток. Действительно, список получился скудным, жидким.

– Е-е... Бонадареву под девяносто. Евтушенко в Америке сидит. Акунинді адам оқи алмайды. Остальных и не знаю. Они только премии получают, букеры-мукеры, а что пишут – құдай біледі. А о хатунах и не говорю. Это не литература, а коммерческий секс.

Молчим.

Вспоминаю критические заметы в русской печати. Мол, положение русской литературы в нынешнем обществе действительно плачевно. Да-а... шедевров за последние двадцать лет не появилось. Кто-то продолжает хорохориться, выдавать желаемое за действительность, но это только подчеркивает неприглядное положение литературы.

Да, подобные суждения мелькают все чаще на страницах русской периодики. Думаю, нечто схожее характерно и для других национальных литератур.

– Из российских немецких писателей, кроме тебя, кто-нибудь остался? – прервал молчание Абеке.

– Из членов Союза писателей Казахстана я остался один.

– Әне! Я ведь помню Нору Пфеффер, павлодарку Нелли Ваккер. Еще Эльзу Ульмер. Консультантом была. Е-е... из Акмолы был редактор немецкой газеты.

– Дебольский, – подсказал я.

– Ия, ия... Бородатый крепыш. Приятный был человек. Участник войны. Почему-то у него было несколько фамилий. Может, разведчик был?.. Еще один писатель-немец был из Шымкентской области.

– Реймген. Александр.

– Ия, ия... Я еще издавал его книгу. Кажется, ты переводил?

– Да.

– И что? Всех их теперь нет?

– Кто умер, кто уехал. Тыж-быж! Но литература российских немцев пока еще тлеет в Германии. И я иногда пишу рецензии и обзорные статьи. Жағдай швах! Но қыбыр-жыбыр есть.

– Қиын болған екен. Грустно... Вообще толком ничего не знаем. Не ведаем, что́ творится в соседних странах – Киргизии, Узбекистане, Туркменистане. И с русскими былой связи нет. А как мы гордились братскими отношениями с Мустаем Каримом, Кайсыном Кулиевым, Расулом Гамзатовым, Давидом Кугультиновым, Чингизом Айтматовым, Михаилом Дудиным.

– Да, Абеке, была такая золотая пора. Литература, писатели были востребованы. Люди читали, восхищались.

Опять молчим, погруженные в воспоминания. Апырай, еще совсем недавно все это было: дни национальных литератур, творческие встречи, семинары, многоуровневые контакты, взаимные переводы, выездные секретариаты, тематические пленумы, юбилеи, фантастические тиражи, гонорары. И все вроде в тартарары провалилось. По инерции кое-что еще, случается, проводится, но смак явно не тот. Одни потуги. И впечатление такое, будто никто никому уже не нужен.

– А за рубежом то же самое? – спрашивает Абеке.

Он с некоторых пор отпустил бороду, усы, серебристые, аккуратные, обрел очень благообразный вид, наверное, так смотрелись в древности суфии, выучил несколько молитв, совершает намаз, соблюдает уразу, в речь вплетает архаичные слова и обороты.

– Кто знает. Вроде в порядке. Есть мощные латиноамериканские, японские, европейские литераторы, много издательств, друг друга переводят. Много модных имен.

– Ты Памука читал?

– Какие-то отрывки. Но меня, если честно, они не впечатлили.

– А я прочел два его романа. И тоже остался в недоумении. Что за литература? И почему ему дали Нобеля?

– Захотели – дали. Скорее всего, по каким-то политическим мотивам. Нобеля, чую, дают отнюдь не за литературные достоинства.

– Солай шығар. Памук меня сильно разочаровал.

– А я Коэльо читать не могу. Не дорос, что ли?.. А из казахских писателей кто, по-вашему, достоин нобелевской премии?

Абеке помолчал, замедлил шаг, остановился, внимательно на меня посмотрел, как бы соображая, соглашусь ли я с ним.

– Возможно, Абеке, – ответил осторожно.

– Какой Абеке?

– Ну, Абдижамил Нурпеисов «Кровь и пот», сам знаешь, крепко сработанная вещь. Могли бы и дать. Многажды издавалась на казахском и русском языках. Редактировал основательно раз десять. Создал канонический текст. Трилогия переводилась на разные языки. Высоко оценена критиками... Не так разве?

– Но я, Абеке, разве спорю? Но... ныне громоздкая трилогия смотрится, боюсь, как нечто архаическое. Да и тональность, стилистика не стыкуются со Временем.

– Солай ма? А я слышал, русские, немцы, французы, шведы выдвинули Әбеке на Нобеля.

– Кто сказал?

– Сам Абеке. Говорит, надо бы обязательно перевести на английский. Вроде подыскивает спонсора.

– Найдёт... А еще какие кандидатуры?

– Еще... еще... Может, Абиш... Магауин... Олжас... Как полагаешь?

– Не возражаю. Абиш, однако, свой талант унизил, сидя во власти. Магауину, думаю, не хватает международного признания. Ну, а Олжасу Нобеля надо дать за его этимологические исследования, зажмурив один глаз. Вряд ли Шведская академия его поймет.

– Хм-м... Интересно... Дать не глядя?

– Да. Дать и все.

Абеке все чаще косится на часы. Знаю, ему надо еще завернуть в хлебный магазин, зайти в шахматный клуб за Жанибеком, по пути купить ему мороженое.

– Абеке, вижу: вы торопитесь. У вас цейтнот. А нам не мешало бы малость покалякать о делах-делишках казахской литературы.

– Отложим, Гереке, на завтра. И завтра ведь будет день. Солай емес пе?

– Болсын... Согласен.

...Я не считаю себя знатоком казахской литературы, но я ей не чужак. Кое-что кумекаю. Как-никак окончил казахскую школу, говорю и пишу по-казахски, перевел с казахского на русский язык уйму прозы, всю сознательную жизнь варюсь в казахском литературном казане, тесно общаюсь с большинством казахских писателей двух-трех поколений. С Мухтаром Ауэзовым я ни разу за руку не здоровался, хотя и видел и слушал его, со всеми остальными корифеями и некорифееями, классиками и неклассиками был и поныне нахожусь в общении. Это я к тому, что имею право на суждение о ней, о қазақ әдебиеті, хоть и являюсь атасы басқа, т.е. иного рода-племени.

Так скажу, как на духу: о казахской литературе я весьма позитивного мнения и в семье так называемых братских народов СССР и СНГ она занимает достойное место. Перечислять здесь выдающихся казахских литераторов не стоит: они ведомы народу, их знаю и я.

Но...

Моя точка зрения такова: с обретением свободы и независимости, в чем вклад – не только существенный, а поистине неоценимый – абсолютно очевиден, литература стала вдруг менее востребованной, ее как бы отодвинули, отстранили от общественного бытия, значимость ее по всем параметрам упала, реноме поблекло, роль писателя в сознании народа и в представлении власти явно померкла, и писатели обрели бледный вид, лишились былой славы и гордости, рынок изгнал их из литературно-художественного процесса, из социально-политической надобности.

И все пошло косо-криво. Появились попрошайки, служанки, придворные акыны-одописцы, приспособленцы-жопеке, дельцы-юркачи, охотники за премиями, значками, титулами, медалями и орденами.

Дух свободы и гордости, чести и достоинства мимикрировал.

Именно так я ощущаю то, что ныне происходит в литературе. Не только в Казахстане – везде.

Хочу верить, что наступит новая волна, десятилетиями, столетиями накопленные инерция и традиции бесследно не исчезнут, никакое общество без литературы не обойдется, ибо именно она являет собой двигатель искусства.

Не стану спорить, если скажут, что поелико такое и случится, то это будет другая литература.

Да, другая и по содержанию, и по форме.

Я иногда пишу рецензии-отзывы на понравившееся мне казахские произведения (и не только беллетристику), высказываю (большей частью умеренно) свои мнения-суждения, случается, не всегда глажу по шерсти, и реакция сказывается незамедлительно. Скажем, называю на свой салтык шесть самых-самых прозаиков и столько же поэтов. Но уже на другой день обрушиваются на мою голову ушаты нареканий. «Эй, ты почему Паленшеева не назвал?! Запамятовал, что ли? А Тугеншеева почему не упомянул?! Он что, хуже тех, кого перечислил? Масқара!»

Или: «Эй! Ты почему не включил в свой список Туманбая, Жумекена, Сабырхана?! Чем они провинились перед тобой?! Стыд! Позор!»

Или: «А почему поэтесс обошел?! Почему не расширил свой список до священной семерки?! Попроси прощения!»

Или: «И вообще кто ты такой, чтобы казахских поэтов по таланту определять, по немецкому ранжиру выставлять?! А?! Қарай гөр, білгір нашелся!»

И вот я задумался. Зачем, в самом деле, мне гусей дразнить? Зачем наступать на хвост дремящей змеи? Одного назовешь – десятеро обидятся. В бутылку полезут. На дыбы встанут. Шерсть на загривке встопорщат.

Говорю: да, ладно. Не кипятись. Я ведь не Бог. И не прокурор. Выскажи свое мнение, объявляй свой список и утешься. Вольному воля! Я не указ! Назови, кто твоей душе мил – и вся недолга.

Старая истина: всем не угодишь. Тем паче казахам. Казах предпочитает, чтобы первым прискакал стригунок своего аула, а не призовой скакун соседа.

Вспомнил случай. Был такой критик, заместитель главного редактора журнала «Дружба народов», обаятельный человек Леонид Теракопян. Он симпатизировал казахской литературе, приезжал в Алма-Ату, встречался-подружился с писателями, намеревался написать серию статей о казахских романах.

Не тут-то было.

Едва успел Леонид Арамович вернуться в Москву, как его захлестнул поток зубодробильных, подметных писем. Дескать, не с теми встречался, не о тех собираешься писать, не тех намерен печатать, Пәленшеев – бяка, Тугеншеев – кака, казахстанская общественность твоих намерений осуждает. Вы попали в ловушку интриганов. Одумайтесь!

Леонид Арамович одумался. Сбитый с толку столь гневными кляузами и доносами, всецело переключился на литовскую литературу. Там, оказалась, ментальность иная.

Помню я и грязную возню, когда Ильяса Есенберлина выдвинули на Ленинскую премию. Поднялся цунами ненависти и наветов.

А вот пример из личного опыта. После окончания аспирантуры (1963 г.) тогдашний главный редактор процветающего литературного журнала «Жұлдыз» Абдижамил Нурпеисов взял меня на работу в качестве литсотрудника отдела казахской прозы. Меня сразу завалили забракованными, негодными для печати рукописями. Их надо было читать, отрецензировать, писать вежливые, деликатные отказы.

Мне эта рутинная работа совсем не понравилась. Я настроился на научную, преподавательскую стезю. Читать чьи-то малограмотные, беспомощные измышления было мне в тягость. А меня усердно пичкали явной халтурой.

На мои ответы-разборки вскоре поступили «домалак арыз» – «жалобы-колобки». Дескать, кто такой Бельгер? Что он потерял в казахском журнале? Кто его уполномочил судить-рядить наши произведения?

Меня это обескуражило.

Ответсекретарь журнала, умница, поэт Кадыр Мырзалиев дал мне разумный совет. «Во-первых, ты всю эту бодягу от начала до конца не читай. Прочти три страницы с начала, три с середины и три – с конца. И уже все ясно. Смело пиши ответ. А, во-вторых, письма свои подписывай не «Герольд Бельгер», а на казахский лад, скажем, «Керей Белгібаев».

Мне сразу стало легче. Я быстро управился с кипой никчемных опусов. И жалобы-колобки прекратились. «Бельгер», видно, кое-кого раздражал, а со своим «Белгібаевым» никто уже спорить не стал.

А в редакции и в Союзе писателей меня приняли хорошо, ласково, доброжелательно, как в родном ауле. «Старики» благословляли меня, подбадривали, молодые поддерживали. Напомню, в каком коллективе я тогда работал: Аскар Сулейменов (наши столы стояли впритык), Зейнолла Сериккалиев, Кадыр Мырзалиев, Сабырхан Асанов, Саги Жиенбаев, Сансызбай Саргаскаев, Амантай Байтанаев, Абдижамил Нурпеисов. А секретарем Союза писателей тогда был мудрый и благородный Габиден Мустафин.

С добрым сердцем и благодарностью всех вспоминаю.

...Все, что я здесь вкратце изложил, я подробно и красочно поведал на очередных прогулках моему собеседнику Абильмажину Жумабаеву.

То время и тех знатных людей он и сам прекрасно знал, но слушал внимательно, переспрашивал, уточнял, хмыкал, улыбался и в конце заметил:

– Ия, солай! Так все было. Знаю, помню. Всё и все стоят перед глазами. Славно было время. И люди были все, как на подбор. Сайдың тасындай!

– Айтатыны жоқ, Әбеке! Они украшали, облагораживали нашу жизнь.

В наших вольных беседах прозвучали многие имена. Конечно, всех 700 членов Союза писателей мы упомянуть не могли, однако,

с теплотой, душевой говорили о Тахави и Калтае, о Кадыре и Туманбае, об Аскаре и Зейнулле, о Темирхане и Иран-Гаипе, об Олжасе и Мурате, о Галыме и Серике, о Назикен и Аккуштап, о Камале и Шерхане, о Такене и Тынымбае, о Турсуне и Амангельды...

– А я еще всегда читаю Кабдеша. Ничего не пропускаю. Художник! И язык богат.

– Люблю Абиша. Голова! Талант! Сейчас он избавился от всех государственных дел. Наверняка пишет какой-то шедевр.

– Боюсь, силы его покинули. Литература ведь – дама капризная. Ее надо любить, ласкать, лелеять каждый день. Она не переносит никаких измен.

– Акселеу был уникум. Его уход – загадка. Много знает и Кул-Мухаммед. Энциклопедист! Я удивляюсь его русскому языку. Где и как научился?! Ғажап!.. И Магауин – глыба!

– Словом, Әбеке, казахскую литературу никто хоронить не собирается. Так? Если оглянуться, и поэтами казахи не оскудели, и в прозе есть крепкие перья, не будем вытирать рот сухой травой, а вот драматургия и критика ныне не блещут. Согласны?

– Ну, да... Сам знаешь. Особенно хвалиться нечем. Отдельные потуги погоды не делают.

Абеке нахмурился, по привычке пощупал-подергал сивую бороденку. Он озабочен тем, что и переводчики, знатоки казахского речестроя поредели. Нынешние молодые хорошо знают русский язык, всеместно овладевают английским, кто-то напрямую переводит с немецкого, японского, а родным владеет поверхностно. Переводы не играют, живости в них нет. Обескровленные, шершавые тексты. Беда с языком! Ты заметил, я со своим внуком Жанибеком разговариваю только по-русски. Так получилось. Мать его, моя дочь, еще кое-что по-казахски понимает, а этот мой айналайынчик ни бум-бум. Горько...

Молчим.

Знаю эти проблемы во многих казахских семьях. И в семьях российских немцев. И в других. Одни евреи, кажется, не делают

трагедии из того, что говорят и пишут на чужих языках. Поразительно: языки разные, а национальная суть одна.

Чертим за кругом круг, бродим, постукивая палками, по аллейке вверх вниз. Чокан в глубокой задумчивости уперся взглядом в импозантное здание бывшей Академии наук. Какие-то прохожие почтительно здороваются с нами, расспрашивают про амандық-саулық, просят вместе сфотографироваться. В стройных елях резвятся воробьи, на все лады заливаются скворцы.

– Ал, сонда, Әлеке... – продолжаю я беседу. – Чего же, по-вашему, не хватает ныне казахской литературе?

– Енді... сам знаешь... – медленно отвечает Абеке. – Даже не знаю, как сказать. Не хватает... е-е-е... гражданской напористости, четкой направленности, востребованности, сознания своей необходимости... е-е-е... профессионализма, наверное... восприятие Слова как священную службу... Но все это слова, слова... Может, дар улетучился? Может, вдохновение пропало? А, может, нужда в литературе отпала? Құдай біледі! Все вроде есть, а былого огня-жара нет. Может, старость сказывается? Жизнь как бы пресной стала...

На старость Абеке жалуется все чаще. Из сокурсников только двое нас осталось. А в ауле из прежних жителей ни одной живой души. Никто отца моего не помнит. И меня – тоже.

И еще то и дело говорит:

– Е-е-е... Гереке... уже восемьдесят пять мне стукнуло. Какой с меня спрос? Жизнь вся в прошлом.

– Ну, как же, Әбеке, восемьдесят пять?! Вы же 27-го года рождения.

– Не дейді?! Сколько же тогда мне?

– Ну, восемьдесят два... или восемьдесят третий...

– Не дейді?! А я думал, больше. Какая разница – два-три года туда-сюда?!

– Вам, Әбеке, нужно еще мемуары написать.

– Пробовал. Не идет. Значит, не надо. Кому нужен бред старика?

Рассказчик Абеке любопытный. Я люблю слушать его живые воспоминания о детстве в Кызылординском краю, о детских шалостях и забавах на берегу строптивой Сыр-Дарьи, о лишениях в годы войны, о том, как он подростком работал в ауле почтальоном и разносил «қара қағаз» – черные уведомления-извещения с фронта, как поступил в университет, какие мытарства перенес в студенческие годы, какие интриги клубились вокруг на литературной службе. Он был ведь активным свидетелем целой эпохи. Рассказывал красочно, плел искусно узоры словес.

– Я впервые разделяю ваше, Абеке, мнение о явственных недостатках современной казахской литературы. Это общие признаки. А я хочу сказать о конкретике.

– Ну, и? – встрепенулся Абеке.

– Помните литературные обзоры Белинского? Огромные картины, воссоздавшие состояние литературы по годам?

– Конечно, помню. И цикл статей о Пушкине. Целая книга.

– Вот-вот! Ныне литературные обзоры сошли с арены. Ранее их писали Мухамеджан Каратаев, Серик Кирабаев. Кто еще? Айкын Нуркатов, Сағат Ашимбаев. Ныне разве один Кулбек за эту традицию ратует...

– Ну, да! Чтобы написать годовой обзор, сколько же нужно перелопатить и осмыслить разные произведения?! А тут еще взяли в моду не платить ни копья.

– Это так! По молодости я писал такие обзоры по литературе российских немцев. Уйму времени угробил. Книг шесть-семь написал. Машақаты көп шаруа! И все, считайте, даром. Какие-то книги за свой счет издал. Ужас!

– Кому охота ныне такие обзоры писать!..

– То-то и оно!

– Очень уж хлопотное дело.

– Не только. Это очевидное свидетельство того, что нет определенного литературно-художественного процесса.

– Не дейді?!

– Да, я так считаю. Нет процесса. Есть частности. Разрозненные, спонтанные, случайные. Нет направления. Магистрального русла. Есть множества ручеек, которые разливаются по бескрайней степи и пустыне. Нить, связующая таланты, судьбы, жизни, духоустройство, не просматривается. Порвана. Размыто что-то очень важное, объединяющее, одухотворяющее...

– Ну, и как мы нащупаем эту таинственную нить?

– Сам не знаю. Нужен какой-то сильный импульс. Качественный скачок.

– Апырай, киын екен!.. Вечно усложняешь...

Абеке по-прежнему старался ходить бодро, но быстро уставал, жаловался на плохой сон, все чаще присаживался на скамейку, задремывал, и мой сосед Карпык заботливо провожал его до дому.

На вопрос: «Әбеке, хал қалай?» отвечал: «Құдай деп!»

Потом прибегал к другой формуле ответа: «Е-е-е... Шыкпа, жаным, шыкпа», в смысле: «Душа, держись-крепись», или: «еле-еле душа в теле».

Позже загадочно изрекал: «Жыкпа-жығылма». То есть «Не вали – не падай». Половина фразы относилась к Творцу вторая половина – к себе самому. Творца просил, себя бодрил.

Ушел он неожиданно, тихо и скромно.

Святой был человек, наш Абеке!

Поредевшие его компаньоны по прогулкам возле памятника Чокану с благоговением вспоминают его.

Я рад, что знавал его и был его многолетним собеседником.

26.05.14

* * *

Я обладаю даром работать даром.

Гонорары даже во сне не снятся.

* * *

Мой давний дос крепко уверовал в то, что он классик, корифей и патриарх. А потом он уже двадцать лет ничего не пишет.

* * *

Всякий раз, когда в Астане проходят многотысячные барабанные форумы из десятков и сотен стран, я сжимаюсь от боли, вспоминая горестные, бишаринские случаи, повседневно происходящие на великих просторах Казахстана. Правители захлебываются от восторга по поводу небывалых мифических успехов и достижений. А хитрованы-гости, с расчетом приглашенные ойдан-кырдан – из всех долин и взгорий, угождая хозяевам, заливаются соловьями, понятия не имею о том, что происходит за Дворцом независимости, пятизвездных гостиниц и банкетных залов.

Честно: как-то очень неловко ликовать, подпевая прикормленным жопеке, когда видишь репортажи о разваливающихся от ветхости полсотни школ на Юге, о заброшенных больницах, о непролазных и непроходимых дорогах, когда аулы хиреют на глазах, когда жуткие нехватки пресной воды, когда молодежь дуреет от безработицы, когда 99% студентов не учатся, а просто получают дипломы, когда предлагают дипломы просто продавать, когда молодые люди потеряли общественные ориентиры и стремятся лишь на госслужбу, в национальные компании, в банковский сектор, когда все хотят куда-то переехать – в Россию, в зарубежье, когда во всех сферах творится бесшабашный произвол и беспредел, когда – по словам честнейшего гражданина, академика-педиатра Камала Ормантаева – растет в стране младенческая смертность, большинство женщин страдает анемией, 45-50 процентов населения плохо питается, не хватает у нас около десяти тысяч врачей (это при семи медицинских вузах!), стартовая зарплата врача постыдная, инсульт молодеет, и призывников не берут в армию, все делается абы как, когда кадровый вопрос скатился ниже некуда, когда... когда... когда...

Впрочем я должен остановиться. Если перечислить наши беды-изъяны, понадобится амбарная книга.

И о том знаете не один Ормантаев или Бельгер. Все знают. Но предпочитают законопослушно внимать барабанному бою трескучих, кыртуанских форумов, пускающих десятилетиями пыль в глаза.

Камал Саруарович Ормантаев заметил, что в мире существует 14 тысяч болезней (см. «С.А.Монитор», № 20/2014).

Изъянов-хворостей в нашем обществе наверняка столько же.

Ну, так что делать? Будем с ними бороться? Попытаемся их устранять? Бить в колокола тревоги? Или на тысячных форумах воду толочь? Пену взбивать? Лапшу на уши вешать? Народ дурить? Самих себя обманывать? Мыльные пузыри пускать? На старой скрипучей арбе по буеракам-колдобинам тащиться?

Ай, не знаю, не знаю...

Неужели славные азаматы там, наверху, этого не знают, не чувствуют? Неужели неясно, что так дальше нельзя, никак нельзя, невозможно? Неужели не очевидно, что впереди тупик и развал? Что население нищает, шалеет и деградирует? Что надо дело делать, а не только воровать и языком молоть? Ну, сколько же можно карабчить и аляляукать?

Начнешь обо всем этом думать – свихнуться не мудрено. Лучше, наверное, вообще ничего не видеть, не слышать, не знать?

Могут сказать: это все старческое бурчание, голые эмоции.

Так, оглянитесь вокруг и убедитесь в конкретности этих эмоций.

Я силюсь разглядеть все хорошее, бодрюсь из последних сил, а тоска-печаль заклешнило горло.

Нет, что-то не так, ребята! Не так, не так, не так...

* * *

Что официальная статистика врет напропалую – общеизвестно. С этим, кажется, смирились. Вроде так и должно быть. Адресат-то

разный: приходится выкручиваться, подгонять цифры под определенные рамки. Надо поневоле считаться с прокрустовым ложем.

Даже число соотечественников у меня вызывает сомнение. Цифра 17 миллионов явно взята с потолка.

Один мискин-афенди недавно печатно заявил, что в Казахстане 4 миллиона акынов, остальные певцы.

Шутка, конечно.

В печати то и дело приходится читать, что у нас столько-то тысяч сидят в тюрьмах, столько-то тысяч безработных, бомжей, инвалидов, проституток, наркоманов, туберкулезников, диабетчиков, «сердечников-гипертоников», онкобольных, воров, тунеядцев, зараженных СПИДом и т.д. и т.п.

Складываю – получается чудовищная цифра.

Знаю также, что у нас жуткое перепроизводство юристов, экономистов, невостребованных историков, филологов и др. По личным контактам мне ведомо, что большинство из них ни бе, ни ме, ни кукареку. Диплом-то есть, да в башке ни бум-бум. Грамотный редактор, корректор, делопроизводитель ныне дефицит.

А вот писателей – пруд пруди. Развернешь газету – и Паленшеев, и Тугеншеев, и Мыркымбай, и Қыртымбай – сплошь «жазушы», будто еще в чреве матери пером шкрябали.

Мало у нас было членов Союза писателей – аж 700. Теперь еще самозванцев набралось в десять раз больше. Добавьте сюда еще два ПЕН-клуба, которые годами только по судам шляются...

И политологов, чай, не меньше. Внутренняя и внешняя политика государства для них как собственное подворье. И все рассуждают о политике с азартом, с рвением, с апломбом и амбициями, будто с утра до вечера вращаются в кругу президентов, днюют и ночуют с ними, словно сам господь-бог нашептывает им истину в последней инстанции.

Ғажап! Поневоле рот разинешь да за ворот хватаешься.

А между тем, откуда им, этим горе-политологам, знать, что происходит в тайных закутках власти, какие плетутся там интриги,

какие затеваются игры. Их что, на тайную вечерю приглашают? Им о делах-делишках, о всех ілік-шілік на ухо наговаривают? Как бы не так! Все протекает шито-крыто, под крышкой бурлящего казана, под глухим ворсистым ковром, под сплошным уфит-суфитом и ахалай-махалаем.

Таков сложившийся десятилетиями стиль казахстанской политической элиты. А то, что внушают населению стаи политологов, – лишь предположение, измышление, наитие, долбар, которые окончательно запутывают куриные мозги и без того испуганных бишаринцев-обывателей.

Вот эту мысль четко и ясно выразил въедливый журналист, съевший в политике не одну собаку – Амантай Дандыгулов. Он полагает (по-моему, весьма здорово), «что подписание в Астане евразийских документов станет катализатором, который форсировано запустит многие разновекторные процессы внутри периметра Акорды». (см. «Новая газета», № 21 за 2014 г.)

Думаю, верное и глубокое предположение.

Цитирую дальше: «Значительно возрастут и требования северного соседа к профессиональным качеством своих казахстанских коллег из аналогичных структур. И тогда уже, надеюсь, борьба под ковром по-казахски будет не только смешна, жалка, а то и вовсе сойдет на «нет»».

И я на это уповаю. Я ведь издавна весьма сдержанно отношусь к профессиональным качествам нашей политической элиты. Разумеется, есть редкие исключения. Многие качества откровенно мнимые, замешаны на дремучей самодеятельности, доморощенной – с феодальным привкусом – любительщине.

Хотелось бы, чтобы подписанный в Астане евразийский договор дал мощный импульс и в этом направлении.

Как говорится, дай Аллах.

Ауминь!

Конечно, каждый имеет право на озвучивание своих посильных суждений об актуальных проблемах бытия, в том числе и о текущей политике.

Но если ты позиционируешь себя политологом, нужно, чтобы в твоих словах был резон, толк, аргумент, исторический фон, а не просто банальный сухбат с байбише, с домочадцами или приятелями за дружеским дастарханом. Горе-политологи, которые выражаются «жирно» («семіз сөйлейді») на страницах казахских газет, вызывают чаще всего сомнение, неприятие или даже раздражение. Политолог должен все же говорить с высокой колокольни, а не с аульной кочки или степного бугорка.

Я давно уразумел: есть политологи и есть доморощенные полит-олухи. Последних значительно больше. И лучше, если бы они свою жвачку оставили при себе.

* * *

Так оно заведено искони. Но истину эту каждый открывает и постигает в одиночку.

А истина в том, что жизнь соткана из чередующихся темных и светлых полос. Ну, как день и ночь, как лето и зима, как мрак и свет, как зной и стужа, как радость и горе, как любовь и ненависть.

Иногда полосы эти затягиваются во времени и пространстве, идут длинным, сплошным потоком, радуют-счастливят или, наоборот, ввергают в уныние, тоску, отчаяние.

Но непременно чередуются. Сменяют друг друга. Иногда с регулярной последовательностью. Иногда с задержками, испытывая человека на прочность и терпение.

Логики тут нету. Но справедливость – недоступная, недосягаемая, необъяснимая – существует. За все всегда непременно, неотступно, неотвязчиво воздастся.

Я за свою жизнь в том убедился. И на собственном опыте. И на жизни других.

Понял я вот что: наступила темная полоса – не отчаивайся, не опускай руки, не горюй, не жалуйся, не кляни судьбу, не ропщи, не сетуй. Будь мужествен и терпелив. Пройдет. Рано или поздно – все равно.

Пришла светлая полоса – головы не теряй, не пляши, зря не ликуй, ни на что особенно не уповай, знай: за любую радость надо платить. А она коротка. Улетучится, пройдет. Настанет расплата. Иногда горькая. До невыносимости. Радуйся, сдержанно, скромно, но соблазнов не строй, не жди.

Понял я это, понял...

И у меня случаются скудные радости, но пакостей обрушивается все больше.

Видно так положено.

И что я предпринимаю, когда идет темная полоса?

Работаю! В два-три раза больше обычного. Объявляю тотальную мобилизацию духовных и физических сил.

Другого выхода нет. А за характер и стойкость последует награда. Верь!

Помню интервью одного прославленного автогонщика. «В чем залог вашего успеха?» – спросили у него. Он ответил: «На трассе встречается немало крупных поворотов. Случаются аварии. Гонщики на этих местах поневоле сбавляют скорость. Я же в этом случае всегда давлю на газ. Вот за счет этого и выигрываю».

Этим правилом руководствуюсь и я. Когда все вокруг швах, все не ладится, кругом неразбериха и застой, сплошное невезение, отчаяние сдавливает грудь, я нажимаю на газ, тружусь с еще большим рвением, подстегиваю себя, свою волю, свое самолюбие, свой намыс, взываю к чести, к духу предков.

Помогает. Мрак рассеивается. Черная полоса светлеет.

До поры, до времени.

Главное: будь начеку. Не теряй бдительности. Судьба обожает играть с человеком.

Уверовал я и в то, что моя малость кому-то или чему-то нужен. Что я для чего-то создан. Иначе по логике жизни я должен бы давно обитать в иных пределах. Поводов и причин было уйма.

Я вырос в атеистической семье, сложился как человек в атеистическое время.

Знаю: человек должен быть праведным – честным, совестливым и порядочным.

Это и есть твоя вера, твоя религия.

С некоторых пор я ощущаю себя исполнителем воли Абсолюта. Внушил себе, что мною руководит некий Абсолют. Я с ним в ладу. И он со мной. Он точно указывает мне, **когда**, **что** и **как** делать. И я охотно подчиняюсь его воле и делаю именно так, как он мне велит.

Полагаю, что это разумно и достохвально во всех параметрах.

* * *

Перед сном (10.06.14) читал-листал «Қазақ әдебиеті» – доклады, годовые отчеты по разным жанрам.

Скудно и трафаретно.

Общую тенденцию, концепцию, направление не выявляют, не осмысливают, не выводят какие-то характерные явления, а идут по шаблону: называют фамилии, произведения, скажут две-три общие, обтекаемые фразы и переходят к следующему. Получается с пятое на десятое. О том, о чем и ни о чем. Сплошное перечисление. Дают оценку: «жақсы, жақсы». А хотелось бы знать, чем интересны казахские писатели, по какой стезе-тропинке они идут, что нового узрели и внесли, какие глобальные или локальные проблемы их волнуют, какими средствами выражения пользуются, просматриваются ли новые течения, обозначились ли новые русла...

Нет осмысления, есть только вялая констатация факта. И отсюда ощущение, будто все топчется на месте. Увы, из докладов я не вынес общей картины развития, а только разрозненные, случайные фактики. По поэзии вообще перечислены 50 имен, пишущих стихи. Нет, меня это не впечатлило.

Жаль. Идет арба, скрипит, тащится по буеракам, по солончаку, по хлябам. Конечно, писатели пишут, книги выходят, что-то о них можно сказать, а можно и вовсе не говорить. Унылая жвачка!

* * *

По телевизору показали, как в Польше встретились Обама и Порошенко. Видно, оба друг другу пришлись по душе. Один льстит, другой милостиво одобряет. А мне вспомнилось казахское выражение: «Қотыр ат пен соқыр ат кешке қарай жолығат».

08.06.14

* * *

Нет, ничего дурного не скажешь: дама моложавая, миловидная, прибранная, ухоженная, добротно упакованная. Сидит эффектно: аккуратная, короткая стрижка, изящные очки, обнаженные руки, пальцы сплошь в драгоценных кольцах, браслет, красное платье, европеизированный лоск, приятная смуглость, прямая осанка. Восседает за столом, подписывает книгу. Собственную.

Аттестуют ее упорно писателем, поэтом. Снимок этот печатают почти из номера в номер в одной русской газете. Не один год. Без этого снимка газета не газета.

Очень – по всему – благополучная дама. Светская. Модная. Успешная. Усиленно пропиаренная.

Да, представьте: писательница.

Не возражаю, но мимовольно представляю своих друзей-литераторов. С всемирно известным прозаиком Абди-Джамилем Н. я работал бок о бок 41 год. Знаю, как он трудился. Не раз видел, как он в изнеможении, обернув пылающую голову полотенцем, как скошенный, падал на ковер и, еле оклемаясь, снова брался за перо. Работал, будто пожар тушил. На износ.

Или давний друг Абиш К., переведенный на 20 языков мира. Он писал свои романы и философские баллады ночами (днем служил в высоких сферах), а к утру от неимоверного напряжения у него шатались зубы.

Или Ильяс-ага Е., автор семнадцати романов. У него незадолго до кончины кровяное давление было на уровне 60 на 40. Представ-

ляете? Ложись да помирай. А он, преодолевая немощь и головокружение, продолжал писать. Так исступленно, самозабвенно трудились из моих знакомых Қадыр М., Дукенбай Д., Акселеу С.

Не стану приводить в пример именитых зарубежных писателей. Некоторые, подстегивая себя, выпивали море кофе; другие за смену меняли несколько раз пропотевшее белье; третьи теряли за день работы два-три килограмма веса.

Примеров тьма. Писательство – адский труд. Ведомо ли это милой даме, так картинно преподносящей себя на вальяжной картинке?

Ай, қайдам!

Знаю одного казахского прозаика-очеркиста, перенесшего восемь инфарктов. Еще один ныне живой литератор (прозаик, поэт, драматург, публицист) перенес шесть инфарктов, два инсульта и онкооперцию.

Такова плата за творчество.

Да оградит судьба милую даму, годами мелькающую в одной газете, от такой напасти. Здоровья и благополучия ей! Да не ведает она никаких горестей и мук!

Но демонтировать целесообразно все-таки не себя не свои драгоценности, браслеты и кольца, боа и прочие атрибуты благоденствия. Это ведь не суть писательства. А всего лишь мишура, сылдырмаки. И пускать пыль в глаза – еще не искусство.

* * *

Смотрел, как лидеры европейских стран, сбившись в стаю, как бы выкусывают из своей среды непокорного им Путина. Их дело! История все рассудит. А я вспомнил, что в русском народном творчестве «Европа» неизменно рифмуются с «жопой». Случайно ли? Может, русские предвидели истинное место Европы в американской ж...?

Сказ о семижильных казахах

Далекое... далекое... За шестью перевалами, за семью холмами. Вспомнишь – не поверишь.

Сидели мы, компаньоны по стариковским прогулкам, возле наших домов, на скамеечке в пышном садике, и вспоминали далекое аульное детство. Мы – выходцы из разных уголков необъятной Казахии, а впечатления схожие, будто росли в одном ауле. Разница разве что в природной обстановке, да, пожалуй, в еде. В остальном – общие мотивы, полное созвучие, эхо мелькнувшего бытия.

Прошло, между прочим, более семидесяти лет. Все изменилось. Другая жизнь, другие люди, другие песни и нравы.

Замечено казахами: за пятьдесят лет обновляется земля. Считай: страна, народ, жизнь. То, что называется словом «эль».

А тут более семи десятков лет.

...В казахский аул на правом берегу Есиля наша семья прибыла по державной воле – абсолютно точно – 17 октября 1941 года. С Волги. Из немецкой республики немцев Поволжья. Была такая. Привезли сначала в товарняке, потом – на грузовике, затем – на волах будто с другой планеты, ухоженной, облагороженной, с крепким бытом, с порядками-нравами, заповеданными германскими предками.

О том, как я воспринял казахский аул, какими глазами я его увидел, с какой гордостью и благодарностью я его всю жизнь вспоминаю, я многожды раз подробно и обстоятельно писал в своих произведениях.

Дополню те мои опусы лишь отдельными бытовыми деталями-штрихами, полагая, что нынешнее поколение обо всем том мало что знает.

Я был изнеженным, чистеньким, немного избалованным вниманием многочисленной немецкой родни мальчуганом. Модно постриженным, бледным, тощим. И одет был по-городскому: отглаженная рубашка, курточка, штанишки с лямками, сандалии, носоч-

ки, кепочка, иногда шик-матроска. У сверстников-аулчан, понятно, такого прикида и в помине не было. Они мотались день-деньской по аулу, по оврагам-саям, по колкам, по тугаю чумазыми, немытыми, босоногими, заляпанными айраном-шалапом, бритоголовыми, в латаных, нелепых штанах-дамбалах, подпоясанных волосяной бечевкой, сплошь в синяках и струпьях, обветренными, прокаленными степным солнцем. Я был пришелец, печальный, расстрелянный, робкий «немыс бала». А мои, будущие аульные тамыры, были шумными, крикливыми, вольными забияками, играли в асыки, гоняли войлочный мяч, устраивали на пустырях «казакша курес», барахтались в пыли, резвились на траве, купались в водоемах-запрудах, озоровали, совершали набеги на навесы, где на циновках сушились комочки кислого творога – курта или сладкого иримчика. Я им завидовал. Вот житуха! Зубы чистить по утрам не надо, ноги мыть перед сном не надо, одежку-обувку беречь не надо. И вообще ничего не надо. Ах, славно! Живи – не тужи. Я-то спал на черном сундуке, доставшемся в наследство от бабушки, на простыньке, под суконным одеяльцем, на надувном матрацике, а они, наспех выпив чашу айрана, засыпали, где попало, на кошме возле очага, их, уморенных сном, стаскивали дедушки и бабушки в уголок и накрывали громоздкими овчинным тулупом.

Мне это казалось хорошо. А родители внушали: «Das ist schlecht... Unsinn...» – «Это плохо... худо... вздор!»

Звали моих тамыров тоже не так, как в немецких дорфах на Волге – Аскер, Темеш, Мекеш, Сальтай, Салим, Көккөз, Ғалым, Ақан, Бейсен, Ойрат...

Я тянулся к ним. Не понимал: почему же «шлехьт», если так радостно, весело? И меня они запросто приняли в свой круг. Звали: «Гера... Кера... Кира... Сары бала... немыс бала». Каким-то образом общались: жестом, мимикой, набором сильно искаженных русских и – с моей стороны – десятком два казахских слов.

Питался я скудно, хотя родители изворачивались, как могли. Мама за несколько месяцев обменяла все свои наряды на харчи.

Колхоз подкармливал переселенцев то торбой овса, ячменя, ржи, пшеницы, то выписывал из формы котелок обрата.

Ну, а чем кормились мои тамыры-казашата? Буквально чем Бог послал: лепешкой, испеченной в зале, айраном-простоквашей, жаренной на бараньем сале пшеницей, толченным просом, сушеным сыром и творогом, изредка тортой – осадком от топленого масла, коже-баландой; по сезону – диким лугом, щавелем, черемухой, бояркой, земляникой, корнем болотной куги. Набивали всякой-всячиной вечно пустой курсак. И ничего: резвились, бегали, горланили песни, сквернословили, затевали драки, пасли ягнят, выгоняли на выпас коров, водили лошадей на водопой, чистили хлев, собирали кизяк, крутили ручные мельницы, тушили, как и чем могли степной пал.

Дети войны, выносливые, непритязательные, терпеливые, находчивые. Сказано: голь на выдумки хитра. И еще: бедняк разок наелся – уже богач.

Я у своих аульчан исподволь учился искусству выживания.

У отца забот полон рот: заведующий фельдшерско-акушерским пунктом, обслуживает семь казахских аулов. Мама – санитарка медпункта и домохозяйка, на руках моя сестренка-малолетка. И я в немалой степени представлен самому себе, хотя вечерами был вынужден держать строгий отчет о содеянном за день. Конечно, моя аульная вольница отцу не очень нравилась. Он хотел, чтобы я читал, рисовал, тренькал на балалайке и мандолине, овладел цифровыми нотами, общался больше со старшими, помогал в хозяйстве маме. Он считал, что я должен, прямо-таки обязан во всем и везде являть собой пример для подражания. И к тому же я должен стараться бегать быстрее всех, прыгать дальше и выше всех и бороться сноровистее всех.

Нет, не все получилось. Скорее, я попадал под влияние новой среды.

Сверстникам моим, отъявленным шалопаям, все сходило с рук. При всей очевидной антисанитарии никакие хвори их не касались.

Ну, разве что простуда, ушибы, занозы, кашель, чесотка, зуд, парша, вшивость. Но все это не в счет. Эка, невидаль! Простудился, сопливишь, кашляешь – попей горячего молока, завернись в старую шубу, укройся кошомкой, пропотей, как следует, и вся недолга. Поранился – есть проверенные веками средства: посыпь рану березовой золой, приложи паленую кошму, замажь белой глиной, отсоси кровь, а лучше – помочись на рану. Вот дезинфекция! Голова болит – обмотай туго платком или полотенцем, нахлобучи малахай-треух, попей чаю с мятой, отлежись за сундуком-ларем в закутке шошалы. Чесотка? Протирай густой болотной грязью, искупайся в запруде. Битюки одолели – разденься догола и прожарь над таганом-костром штаны-рубашку, чтобы аж треск по швам пошел. Коленки разбил до крови – обмотай лопухом. Живот болит – пользуйся полынным отваром. Глаза слезятся – черным самодельным мылом промой крепко. «Синий кашель» напал – попей растопленный жир ежа или сурка. Что-то невзначай вывихнул – иди к знахарю-костоправу, сможет нутряным конским или курдючным бараньим салом, погладит, слюной побрызгает, молитву нашепчет, поставит на место и закрепит туго ременной тесемкой.

Словом, на любую хворь есть надлежащее снадобье.

А со мной одна морока. Всякая зараза липнет-пристает: и простуда, и воспаление, и палочки Коха, и ушибы-царапины, и безгек-малярия, и клещи-кровососы, и чирьи, и всякие бяки.

И чем меня лечат? Зеленкой, йодом, аспирином, кальцексом, ихтиолкой, спиртом, мазями, банками, горчичниками, пластырями, тотальной борьбой с вшами, клопами, клещами, блохами.

А эффект не тот. Не тот организм. Не та восприимчивость. Нет казахского иммунитета. Нет природной закалки.

Аульная пацанва повально ходила в школу. Война. Все обнищали до предела. Одежки-обувки нет, учебников-тетрадей нет, карандаш редкость, чернила делают из сажи, писали на полях старых газет, книг, обрывках, зимой отчаянно мерзли, «непроливайки» грели за пазухой. Классы малокомплектные. Второй и четвертый

классы учились вместе, параллельно, у одной учительницы, вчерашней выпускницы школы. Нас, «грамотеев», всего шесть человек. Младшему восемь лет, старшему – четырнадцать.

А – посильно учились, старались.

Наш аул отличался от других тем, что у нас была прекрасная школа – единственная казахская средняя в районе. И еще – интернат для круглых сирот. И то, что эти «балашки», сироты и полусироты, голодные, оборванные, заброшенные, задавленные нуждой, учились и упорно выбивались в люди, было, бесспорно, подвигом. Одолели все лишения, выдюжили, дерзнули и сумели стать достойными гражданами общества.

Хвала стороне, вселявшей в лихую годину надежду и веру!

Ну, а что я скажу о взрослых? О, это великий сказ, описанный в многоязычных сагах!

То, что трудились все от мала до велика на износ, – банальная констатация. Я видел это своими глазами, мотаясь со своими тамырами по аулу, по казахским станам, по ферме, по току-хирманам, по полям, на сенокос, на уборке, на всех мероприятиях-сборищах, разъезжая с отцом по селам-аулам радиуса фельдшерско-акушерского пункта. Я посещал тои по радостным и горестным случаям, бывал на родúнах-шильдеханах, на поминках-асах, на обрядах обрезания, имянаречения, айтах по окончанию уразы, слышал женский плач, детские проклятия, мольбы-обращения стариков по Всевышнему, видел страдания и неутешную скорбь. Я сердцем вник во все эти испытания, посильно тоже что-то делал – собирал колосья, вместе с отцом – лечебные травы, ягоды, сушил и сортировал их, жил семейными и аульными заботами, пока не обезножил и не встал на костыли из-за tbc костей.

Научился ничему не удивляться. Не сетовать понапрасну на судьбу, не злобствовать, не таять мелкую обиду. Зовет отца: «Принимай людей такими, как они есть». Поражался терпению, покорности, порядочности, выносливости, стойкости, простодушию

аульчан. И поныне диву даюсь: как можно было выдержать умопомрачительные лишения военных и первых послевоенных лет.

Вспоминаются изможденные, изнуренные, отлученные от любви и ласки женщины. Они нам, пацанам, казались старухами, а ведь им было – как я это теперь представляю – под тридцать или немногим за тридцать. Почти все вдовы, с малыми детьми, их бригадир, сидя на заезженной кляче, бесцеремонно будил чуть свет и, размахивая камчой-плеткой, скверно матерясь, гнал их на работу – в поле, на стан, на ферму, и они, безропотные, голодные, невыспавшиеся, оставив спящих, некормленых детей, понуро брели туда, куда рукояткой камчи указывал бригадир-инвалид, рыча: «Давай, грязнуля! Давай, чумазая! Шевелись! Все для фронта!» Хорошо еще, если соседка-старуха подоит корову, вскипятит молоко, заквасит айран, присмотрит за детьми за долгий божий день, пока их матери в сумерках еле живыми возвращались до дому.

Иные не выдерживали, надрывались, угасали, находя вечный покой и пристанище на погосте за аулом.

По нашей улице, через два дома, скончалась заморенная казашка, которая зимой и летом ходила в одном замызганном донельзя платье из мешковины, с бесцветном, в заплатках, жакете, в заячьей шапке и стоптанных мужних кирзачах. Не женщина – тень, призрак, живой аруах.

Остались сиротами трое мальчишек: старшему, Сайрану, было лет десять, братьям – восемь и семь лет. Через год после смерти матери развалилась халупа, тяп-ляп сложенная из дерна.

Мальчишки за лето вырыли землянку-конуру, натаскали из тугая тал, укрепили плетень, помазали глиной вперемешку с сеном и кизяком, с помощью сердобольных стариков наложили поверх матицу, соорудили подслеповатое окошко, скрипучую хилую дверь и стали в этой норе жить на подаяние аульчан.

Позже Сайран умудрился прилично окончить школу, продал свое детское богатство – мешочек асыков, лук с колчаном, перочинный ножик, какие-то учебники, собрал по рублю, по трояку с

аульчан, продал буренку, братьев устроил в интернат и подался в Алма-Ату, поступил в КазПИ им. Абая на физико-математический факультет.

Но судьба не пощадила этой семью. На первом же курсе, на уборке хлопка в Пахта-Арале Сайран одним из первых заболел гепатитом и в тяжелом состоянии был отправлен назад.

Октябрьским днем рано утром, помню, он заявился ко мне в общежитие и застыл у порога.

– Оу! – сказал я в шутку. – Почему вернулся?

Он всерьез ответил:

– Умирать...

– Не умирай, – продолжал я валять ваньку. – Посиди. Соображу завтрак.

И тут только я заметил, что он какой-то никакой, весь желтый и в глазах плескалась муть.

Я решил его срочно накормить. Зачикилял на костылях в магазин за хлебом и сахаром. Когда вернулся, Сайран сидел за столом и тупо глядел в беспросветье. Я отправился к автомату за углом вызывать «Скорую».

Еле дождались. Сайрана сразу забрали в больницу, где наутро следующего дня он и скончался.

Меня вызвали в деканат, стали расспрашивать, как быть.

Хоронили Сайрана земляки, выпускники нашей школы (их тогда в Алма-Атинских вузах училось аж – точно помню – 73 человека. Школа наша славилась). Обрел Сайран вечный покой в Алма-Атинской земле.

А что стало с его братьями – не знаю. Они были моложе меня и, возможно, еще живы. Ныне даже узнавать не у кого.

Подобных судеб несметное количество в казахских аулах военного и послевоенного лихолетья.

Сказ о семижильных казаха нескончаем. Тема вечная, неизбывная.

Дух такого народа неистребим.

Схожую судьбу изведали с лихвой и российские немцы, изгои-изгнанники с родных мест, обреченные было на тотальный мор. Но и они выдюжили, даже подранки кое-как очухались, несмотря на все мытарства, на черные подлые козни вершителей человеческого рока.

Но это уже другой сказ. И о том я уже немало написал. И, возможно, напишу еще.

Одиссея семижильных человеков продолжается в веках. Наперекор большим и малым тиранам. Всевышний любит испытывать людей на прочность и верность, дабы они не забывали о нем. Может, в том и заключен мудрый смысл бытия...

июнь 2014 г.

* * *

Конечно, смешно и глупо, но иногда кажется, будто у нас национальная идея – Рахат Алиев (ныне не то Шораз, не то Кораз). Время от времени он что-то изрекает, даже якобы книги пишет, выкидывает какие-то номера и – словно популярный артист – мелькает на всех страницах зарубежных и отечественных СМИ.

Поневоле подумаешь: он и есть главный герой страны. Хоть и осужден на сорок лет, хоть и объявлен международным преступником, хоть ему и инкриминируют убийства, хоть он и шастает, скрываясь, по разным странам-государствам, а все равно по-прежнему славится, как крупный государственный деятель, как посол страны, как старший зять Президента, как муж (пусть бывший) певуньи-елкызы, как отец любимых и успешных президентских внуков, как одиозная фигура национальной ментальности.

Я не злопыхательствую, а просто констатирую прискорбный факт, омрачающих лик независимой страны. Да и население воспринимает эту данность, как нонсенс, как постыдное явление, как ужасную нелепость.

Ну, как закрыть на все это глаза?!

Как быть? Что делать? Все смущены. Фон нашей действительности сильно рахатизирован. Может, я ошибаюсь? Излишне драматизирую?

А ведь в разных ракурсах и ипостасях мелькает еще Храпунов. И его красотка-жена. И Аблязов. И Мусаев. Боже, всех героев и не упомнишь. Выпускники школ пишут вольные сочинения на тему «Герой нашего времени», и они, бедняги, ломают головы: «Кто же у нас Герой?», а им внушают, что герой-то у нас только один. А этих, названных выше, куда девать? Им ведь молодое поколение тоже подражает...

* * *

Артист Асанали напомнил казахскую мудрость. Если, мол, устроить байгу ишаков, то, конечно, какой-то ишак займет первое место. Но это вовсе не значит, что он призовой скакун.

* * *

Прочитал в «ҚӘ» (№ 25, 2014) объемную статью о поэте Нармахане. Статья убедительная. В качестве образца приводятся две строфы из Фета, которые перевел Нармахан. Мне это показалось спорным. У Фета:

– Спи – еще зарею
Холодно и рано;
Звезды за горою
Блещут средь тумана...

Сразу вспоминается классическое: «Шепот. Робкое дыханье...»

Фет был мастер миниатюр. Он создавал шедевры из одних назывных предложений. Казахской версификации такая лапидарность не очень-то свойственна. У казахов иной размер, иное пространственное восприятие. Абай это выразил так: «Қазақтың өзге жұрттан сөзі ұзын...»

Вот как Нурмухан переложил эту строфу на казахский лад:

– Әлі салқын, әлі ертерек,
Ұйықта шапақ көрпесінде
Біраз жұлдыз жүр еркелеп,
Тұманды тау желкесінде...

Вчитываюсь в перевод. А что? Очень даже прилично. Главное – поэтично, образно. Лексические вольности контекстуально оправданы. «Немало звезд нежатся (балуются, ластятся)», «спи под одеялом зори», «в грядах туманных гор» – весьма «казахские» (национальные) краски-выражения.

В чем тогда претензия? Не тот размер, нет краткости оригинала. Требовать это от поэтического перевода – максимализм. Поэт переводит не слова, а чувства – чувством, поэзию – поэзией. Эквилинеарная точность тут резко срабатывает.

Еще пример.

Фет:

– Теплым ветром потянуло,
Смолк далекий гул.
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.

Нармахан:

– Жәп-жайын жылы жел есті,
Алыс сарын тұйықталды.
Көз ілді дала көмескі,
Малшыға ұйқы ұйып қалды.

Что скажешь? Хорошо, бережно, аккуратно. Все на месте. Но нет фетовской легкости, простоты. Поступь тяжеловатая. Громоздки

казахские сапоги с войлочным чулком. Можно ли сделать лучше? Не знаю. Надо считаться с казахской лексикой и синтаксисом. Речестрой не совпадает. И я, сам переводчик, это разумно.

* * *

Мариетта Шагинян выросла на стыке двух культур. Дама редкой образованности. Активная натура. Лет сорок, пожалуй, была очень популярна. Ее ленинский цикл был для меня чужд. Надуманная, фальшивая вещь. Меня восхищал ее «Гёте». Это было, как говорят немцы, «einmalid». Я видел ее вживую в Дубултах маленькой согбенной старушкой, которая рано утром имела обыкновение в развевающем халатике трусить по кроме взморья. Она была абсолютно глуха и, кажется, ни с кем не общалась.

Сейчас я прочел одну ее цитату из какой-то ранней статьи: «Будущее России – это не Европа. Не надо смотреть под ноги англичанам, в спину французам, под каску немцам. Будущее России – это наши дети».

И еще одна цитата:

«Надо учиться у передовых стран Европы не вообще, а беря у народов Европы только то, что послужит развитию и просвещению России».

Абсолютно верный штандпункт. Он и теперь актуален. Разумеется, ничего худого против Европы я говорить не стану (хотя спесь, самоуверенность и чистоплюйство ее порой и раздражает), и нам, казахстанцам, целесообразно у ней учиться всему хорошему и передовому, однако не заглядывая унизительно в рот, не подражая ей рабски, не восторгаясь тем, что не стоит восторга и холуйского отношения. В той же Европе много постыдного, мелочного, скотского, недостойного поистине свободному человеку.

Хорошо говорила Шагинян об интеллигенции. Ее сокровенное кредо в этом смысле напрямик обращено к казахским «зиялы қауым», которые находятся в вечном раздрае. Она утверждала: «Смысл и назначение интеллигенции – мысль и речь. Цель ее –

умственная деятельность, но она должна быть направлена на наше объединение, давать направление, «образумлять события», т.е. объяснять, делать доступными широкой публике, создавать при этом идею общего пути».

«Идея общего пути» – ключевое определение.

Вот эта идея не по нраву ни Европе, ни США. Они предпочитают вселенский раздрай. И наша интеллигенция нередко потакает этим вздорным потугам. Разумеется, имею в виду не только казахскую (bzw. казахстанскую) интеллигенцию.

* * *

Понятно, не мое это дело. Да и не мне о том судить... Но ощущение у меня такое, что эта тройка живет в страхе и неуверенности. На мой взгляд, в своих рассуждениях об ЕАЭС мой давний знакомец Адиль Тойганбаев прав: «Каждый по-своему не понят. И каждый одинок».

И еще Адиль определил: «...волю наших народов олицетворяют три скрытых человека, которым значительно проще понять друг друга, чем – нас всех».

Вообще-то, как я разумею, ЕАЭС – вынужденный союз (в самом деле, куда деваться?), который – боюсь – кончится вселенским пшиком.

23.06.2014

* * *

Больше всего я боюсь женщин, которые стряпают стихи. Я перед женщинами благоговею, и не в силах их обижать, однако стихи они творят по неведомым мне законам. И я бессилен что-либо вразумительное сказать. Особенно амбициозным дамам. Скажешь не то – испепелят, изничтожат, раздавят, презреньем обольют.

Вот одна дама принесла кучу виршей. Она извергает их сплошным потоком. Уверяет, что у ней высшее филологическое образование.

Читаю:

– Рано утром я встаю
И пишу, пишу, пишу
Вдохновенье, вдохновенье,
Отпусти хоть на мгновенье.

Астафиралла! Вдохновенье прямо-таки замучило даму. Она стихами и пишет, и писает.

* * *

Наши славные азаматы, сидящие во власти и руководящие государством, могут, конечно, на меня коситься, дескать, этот немыс-шал, сидя дома, имеет обыкновение по всякому поводу ворчать-бурчать. И чего ему не хватает?! Вроде бы он не в обиде...

Так-то оно так, но мне все чудится, будто бы мы плюхнулись в застой, будто нет рывка-движения, контроль ослаб, пошел самотек, за все и всех отдувается один Елбасы, и один он, как и ласточка, погоды не делает, ведь разные программы 2030 или 2050 – нечто из области ненаучной фантастики, просто милые намерения-наметки, а «умники» вокруг лидера нации чего-то ожидают-выжидают, надувают щеки, а то и шито-крыто пакостят, ставят подножки или палки в колеса. Они в большинстве своем хитрованы-жопеке.

Вот потому и поскрипывает наша раздрызганная колымага.

Так на кого я сетую? Не столько на высоко сидящих сабазов-сардаров, ловко торгующих страной и ставящих превыше всего свои шкурные интересы, сколько на так называемую творческую нашу интеллигенцию, на писателей, которые, казалось бы, должны были расслышать в хаосе, в вялом потоке бытия некий стук из будущего, некую поступь, как шаги командора, некий Глас, предваряющие крупные и неизбежные перемены в обществе.

Нет, никто ничего не слышит, не предчувствует, не предощущает.

Вспомнилась фраза Достоевского из «Дневника писателя»:

«Кто-то стучится, кто-то, живой человек, с новым словом хочет отворить дверь и войти...»

Надо же... Достоевский это расслышал.

А наши писаки не слышат. Неужели никто не стучится? Неужели на горизонте казахских степей не появился новый человек с новым словом? Неужели на Елбасы замкнулась история? Неужели никто не пытается отворить дверь? Неужели нам прозябать в этой серой хляби? Неужели ни власть предержащие, ни доморощенные витии ничего не слышат, смирились всецело с тем, что есть, даже с тотальной, наглой коррупцией, и мы по-прежнему обречены ни шатко, ни валко тащиться на вконец раздрызганной, скрипучей арбе?

Меня это тревожит. Упорно чудится, мерещится, будто кто-то должен прийти и решительно постучать в дверь. И даже отворить ее...

* * *

Где-то я читал, что Ленин как-то пожаловался Горькому, что не успел как следует проработать Гегеля.

Обо мне тут, понятно, и речи нет. Я в молодые годы по глупости тоже пытался одолеть и Канта, и Гегеля, и Фейербаха, и Шиллинга, и Маркса, а довольствовался тем, что прочел лишь кое-какие популярные книжки да издания серии «ЖЗЛ».

Словом, по части высокой философии я остался невеждой. То, что многие господа во власти и того не знают, конечно, никакое утешение.

Но кое-какие ударные, «хлесткие» фразы классических немецких философов в башке застряли.

Вот одна из максим Гегеля:

«Государство – это обретший форму народный дух». Источник: «Философия права».

Мне всегда казалось, что большинство государств меньше всего сообразуются с народным духом. То есть никак не является формой выражения народного духа.

Выходит, изреченная Гегелем истина спорна?

Возьмем, для примера, Россию. Государством она была тысячелетия. Но чьим государством? Разве когда-либо она выражала народный дух? Может (подумалось сейчас), в Отечественную войну 1812 года или в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов?

Или вот независимые государства (так называемые), появившиеся после распада СССР, обрели форму народного духа?

Сомневаюсь, однако. Они все возникли по иным причинам, на основе иных импульсов, других стечений обстоятельств и выражали (bzw. выражают) что угодно, но только не народный дух.

Будем спорить?

Даже самые передовые, цивилизованные государства (США, Англия, Франция, Германия etc.) образовались отнюдь не по воле народа и тоже не всегда являются формой выражения народного духа.

Ну, а если вернемся, скажем, к Кыргызстану, Таджикистану, Пакистану, Афганистану, Туркменистану, Узбекистану, Казахстану и прочим «станам», они что, образованы на основе народного духа?

Как бы не так!

Да, народный дух имеет место быть. Он объял души людей. Он неизменно бытует где-то в сознании. Но с ним, на мой взгляд, мало кто считается. И с таким положением веками мирились. Дух народа сам по себе, а государство – так уж получается – само по себе. Чаще всего дух народа своего государства не только не любит, но и не жалует, не уважает, а то и откровенно презирает. И кое-как до поры до времени сосуществуют.

У российских немцев была своя государственность со всеми ее атрибутами. Автономная Республика немцев Поволжья в течение 17 лет (1924–1941 гг.) по моему разумению, выражала дух этнических немцев.

Может, из-за давности лет я ошибаюсь?

Дух народа – потомков германских княжеств – подлым образом подавили, изничтожили, вытравили, растеребили на корню. Теперь недоумевают: с какой стати, а за что собственно? Законопослушные трудяги, безотказные земледельцы-строители, талантливые ремесленники, инициативные созидатели, ничего взамен не требовали, служили России верой и правдой, вкалывали всюду, как папа Карла, мирные и смирные, исповедуют прежде всего заповеданный предками Ordnung, порядочные, ответственные, толерантные, учтивые. Словом, айналайын народ, покорный судьбе.

Однако, с духом его не посчитались. Для России они оказались пасынками, их использовали как рабов, как рабочий скот, а потом выживших после тюрем, ссылок, трудармии, моральных и физических пыток голыми в Африку пустили, т.е. на историческую родину за ненадобностью.

Какая там государственность? Какой там народный дух? Какому правителю нужны умные сентенции Гегеля? Подумаешь! Наш Гегель – мохнорылый насильник. Кулаком в харю – вот и вся народная воля, весь дух народа.

Кто-то мне скажет: поверхностно рассуждаешь. Определили сначала, что́ есть дух народа. И сто́ит ли государству с ним считаться? Дух народа, если хочешь знать, нечто аморфное, зыбкое, стоит ли на него опираться, если ты намерен создать мощное государство? Дух народа – это нечто оппозиционное, размытое, а государство – столп, скала, утес, стержень, основа, бастион, несокрушимая крепость, и им руководит вождь, фюрер, елбасы, лидер-саруар, монарх, хан-султан, а не Дух какого-то народа. Так что, айналайын, зря ссылаешься на Гегеля. Обойдемся!..

Не знаю, не знаю...

Для меня Дух народа – не звук пустой. И государство, которое не зиждется на этом духе, мне кажется обречено.

История?

С тревогой в голосе позвонил мне знакомый журналист и поинтересовался, увидел ли я апрельский номер журнала «Аңыз адам»? «Не видел. А что там?» «Весь номер посвящен Гитлеру. 33 фотографии фюрера!» «Брось! Как такое может быть?!».

Я был обескуражен.

Журнал глянцевый, читабельный, приятный. Называется «Аңыз адам» («Человек-легенда»). Помню номера с выдающимися личностями: Абай, Султанмахмут, прославленные поэты, историки средневековья. Правда, были и номера, посвященные Чингиз-хану, Сталину, Голощекину. И вдруг Гитлер Адольф! С каких пор он стал для казахов человеком-легендой. И 33 фотографий этой гнусной рожи, облагороженной глянцем, этого вселенского бандита, человеческого отребья, отъявленной кровопийцы, ублюдка, международного преступника, вождя фашизма, нацизма.

Уму непостижимо!

А тут еще приближалось 125-летие фюрера. Его день рождения. Канун Дня Победы!

И такая апология?! Не плевок ли в душу человечества, в миллионы замученных, загубленных, зверски убиенных?!

Конечно, я выразил свое негативное отношение к этому скорбному, кощунственному, постыдному факту.

Я ведь дитя войны, депортированный, лишенный малой родины из-за этого бесноватого типа, слышал с детства плач женщин, детей, потерявших в войну мужей, отцов, видел мытарства моих сверстников, рос в ауле, познавшем все горести-напасти войны с проклятым – атаңа нәлет! – сұм-пашис! – Китляром, которого аулчане, сложив ладони тыловой частью к лицу, в предзакатных лучах багрового солнца проклинали неистово этого изверга, сатанинского отродья.

Многое я помню. И моя реакция на публикацию «Аңыз адам» была искренней и однозначной. Гитлер был причиной истребления

моего народа – российских немцев, пострадавших невинно из-за его злодейства. И вдруг казахи, не менее других пострадавшие, посвящают ему дань памяти.

Общество всколыхнулось.

Шум разразился ужасный.

Возмутились ветераны, проводились акции, предавались огню и презрению номера журналы с фюрером в парадной форме, шумели митинги, собрания, обличала пресса, нашлись и такие, кто ретиво защищал позицию редколлегии, редактор тыкал пальцем в обложку с пометкой «История Второй мировой войны», грозился поначалу подать в суд на оппонентов журнала, а потом все же одумался и от греха подальше запросил пардону.

У нас – слава Богу! – любой скандал быстро утихает, как шальной ветер в Алматы.

Спустя два-три месяца схлынуло возбуждение по поводу Гитлера в «Аңыз адам».

Тут-то мне и занесли этот злополучный номер. Полистал, почитал. Почти все известно. Сотни раз перепето. Ничего нового наши доморощенные всезнайки не сказали. Правда, к кое-каким статьям можно придраться. Есть любование, даже оправдание-сочувствие. При чем тут детство, родители, женщины фюрера? Его таланты? При чем тут гаденькое желание причислить лидера соседней страны к этой особе? При чем научное доказательство, что Гитлер, мол, и не фашист вовсе, а всего-навсего идейный национал-социалист?

Что? Тоже история?

Ну, тогда – по логике – можно посвящать номера «Аңыз адам» и Герингу и Гиммлеру, и Геббельсу, и Борману, и всем тем, кто подвергался Нюрнбергскому процессу – это ведь тоже история. А объяснить можно все на свете, о том еще Гегель говорил.

По мне, лучше б было, если бы этот скользкий, сомнительный номер вообще не увидел света. Неужели Гитлеру казахи понадобились в качестве адвоката или исторического объективизма? Или других там не было?!

А пишу – явно запоздало – обо всем этом досадном недоразумении вот по какому поводу. Всего год назад (в 2013 году) в возрасте 89 лет скончался известный казахстанский поэт Леонид Скалковский. Хороший был поэт, прекрасный шахматист, милый человек, симпатичная личность – именно в таком качестве я знавал его лет сорок. Он был участником войны и обладал редчайшим орденом Александра Невского. О нем, Леониде Скалковском, написала дивные воспоминания Любовь Шашкова (см. «Простор», № 6 за 2014 г.). И там есть эпизод, явно перекликающийся с тем, что «Аңыз адам» подает как факт истории.

Вот монолог Леонида Васильевича:

«Уже мы победили, я шел по Берлину, вдруг вижу магазин филателии, и в нем марка: Гитлер. Я немцу говорю (у меня хороший немецкий был): «Ты фашист». Он: «Нет, нет». «А почему ты Гитлером торгуешь?» Он говорит: «История». Я ему – «Гитлер», а он – «история». Мы спорили тогда с полчаса. И вот уже десятилетия проходят, я думаю, может, он и прав. Война закончилась, началась история... Посмотрите, еще живы мы – свидетели войны и Победы, а как уже торгуют историей. Гитлера возводят в герои, Сталина приравнивают к Гитлеру, коммунизм к фашизму. Нашу Победу присваивают себе американцы и англичане, по их учебникам истории получается, что нас в той войне и не было вовсе. А ведь Германия две трети войск держала на нашем фронте. Да и отечественные профессора, академики, политики известные приторговывают историей, перед Западом выслуживаются. Говорят: участники войны – сталинисты, они шли за Сталина. А я хочу, чтобы молодежь знала: мы шли за Родину, за дом свой родной... И у нашей молодежи должны быть правильные в жизни ориентиры».

Можно проецировать данные слова на ситуацию, связанную с «Аңыз адам». Я говорю: «Гитлер», редактор говорит: «История».

Один к одному. Не так ли?

По сути поэт Леонид Скалковский сказал все, как надо. Как есть. Как единственно правильно. И он – сам того не зная – ис-

черпывающе ответил на суды-пересуды по поводу гитлеровского номера «Аңыз адам». И я полностью разделяю эту точку зрения. И привожу здесь своего покойного коллегу в качестве свидетеля и арбитра подлинной истины. И рад, что он это сказал. Именно он – боевой офицер, поэт, мыслитель, гражданин. Ради этих слов я и сплел два – казалось бы – разрозненных факта. И именно это является причиной того, что я поднял разговор о неприятном случае с «Аңыз адам». Никак не хочу, чтобы казахи попали в такую глупую, позорную ситуацию. У этого народа – знаю! – другие нравственные ориентиры.

* * *

На рассвете приблазнилась жуткая пакость. Удар под дых. Мне стало дурно до тошноты. Из Астаны обрушилась черная весть: меня с бухты-барахты назначили... о, құдай-ай!.. министром культуры. От неожиданности на меня напала одышка и сердце заколотилось невпопад. Жена отчего-то вроде как радуется, вокруг увивается какое-то бабье и меня поздравляет.

А у меня башка кругом. В глазах тьма. С какой стати?! Что за наказание?! С чего начать? Чую, культура в таком глубоком загоне, что не пойму, за что взяться. Тут ко мне подъелозилась расфуфыренная, туготелая келиншек, губки поджала, глазки сощурила. «То же мне министр! – фыркает. – Я ваш зам. Взятки дал?!»

Господи! Кому? Сколько? Откуда? У меня же, кроме пенсии, ни шиша!

А смуглая келиншек пугает: миллион, миллион, миллионы. Одному, второму, третьему. Шевели мозгами! Соображай! Берут-то все. Вернешь с гаком. Есть кино, театры, издательства, галереи, госбюджет. Прикинь! Можешь не работать, а брать-давать надо.

Час от часу не легче. Ну, какой из меня министр? Я хворый человек. Старик. Бестолочь! Какой толк? Насмешка! Издевательство!

Лихорадочно звоню Нуреке. Трубки не берет.

Звоню в администрацию. «Что случилось? Что за паника? Вас назначили? Указ подписан? Ну, и работайте! Не путайтесь под ногами! И без культуры забот невпроворот!»

Как быть? Ойбай-ау, как быть?

Ну, не трогайте меня. Оставьте в покое. Құдай үшін! Есть же достойные джигиты! А я ведь и представления никакого не имею. Полный профан! Министр, который ни бе, ни ме, ни кукареку...

Боже, избавь меня, пощади, пожалей!..

В отчаянии я заплакал.

И – проснулся.

Лежу в своем крохотном кабинете, на диванчике. Вокруг – на шкафах, на столе, на подоконнике, по углам – книги, книги. Горы рукописей. Из-за стекол шкафа отстраненно взирают на меня Гете, Гегель, Гейне, Шиллер...

Я медленно прихожу в себя. Радость и свобода окутывают меня. Е, бәсе! Никакой я не министр. С меня взятки гладки. И ничего горевать, слезы лить. Ничего не надо! Я свободен, свободен, свободен...

О, аллаh... бергеніңе шүкір! Тәуба, тәуба!..

* * *

На лавочке в садик между двумя высотками сидят две бабки в расшитых камзолах и брючках и один старичок-сморчок, между прочим очень на меня похожий. Они здесь встречаются каждый день будто по обязанности и неторопливо, с паузами, беседуют: о погоде («Ай, конец света близок!»), о ценах на базаре («Ай, горит, горит! Не угонишься. Кризис! Кризис!), о событиях на Украине («Ай, славяне стали посмешищем!»), о тоях-шоу в Астане («Ай, нашим правителем лишь бы плясать-гулять!»), о китайских товарах («Ай, гнилью-барахлом всю страну завалят!»), о тотальном воровстве в стране («Ай, нынче как иначе проживешь?!»), о молодежи («Ай, курят-пьют и все на сексе помешались!»), о беспределе милиции («Ай, совсем совесть потеряла!»), о нравах-обычаях

(«Ай, ныне никто бату-благословение дать, как положено, не может!»).

Да мало ли о чем можно плести тары-бары? Народ-то грамотный: газеты читает, радио слушает, телевизор смотрит.

Сегодня одна из бабок, в кокетливой шляпке, в темных очках прихватила глянцевый журнальчик, тычет пальчиком в обложку:

– Вот! Смотрите. Так и написано: «Путин плохо кончит».

– Не дейді?! – собеседница тотчас подхватывает тему. – Ия, ия... Крым оттяпал, Украину взбаламутил, при случае и от Казахстана оттяпает кусок.

– Ты так думаешь?

– А как же! Ясно, как пить дать!

– Е-е... тогда он плохо кончит.

– Ну, вот! На лице ведь написано.

– Ия, ия... Глазки, как солью посыпаны. И не улыбнется лишний раз. Недаром мастер боя без правил.

– Да, пощады не знает. Плохо кончит.

В беседу вмешивается старичок-сморчок, похожий на меня.

– Ну, а кто из тех, кто долго торчит на троне, хорошо кончает? Сталин, что ли? Или правители Ливии, Сирии, Египта... Украины, Югославии, Франции, Италии... Пол-Поты разные? Все они плохо кончали. Такая уж планида!

– Да-а... Долго сидишь – плохо кончишь.

– И дети-внуки, как правило, несчастные.

– И сами это знают, да власть сладка.

– Солай! И Путин плохо кончит.

– При чем Путин? И другие кончат плохо.

– Путин особенно! Ох, заварит кашу!

– Да, Путин – шатақ!

– Апырай, а! Плохо кончит.

Откуда ни возьмись, подлетела суматошливая сорока. Села на тополь, хвост задрала, заверещала:

– Путин плохо кончит... Плохо, плохо!

И ворона с верхушки еле гаркнула дурниной:

– Карр!.. Путин плохо кончит!

– Да-а... Ничего хорошего не жди. Везде засуха, наводнение, обвалы, град, пыльная буря, саранча... Урожая не будет.

– Не будет, не будет...

– И договор в Астане подписали некстати.

– Опять-таки под нажимом Путина.

– Да, да... Он плохо кончит.

И, довольные общим согласием, старики разбрелись по домам.

Е-е... все знают. Путин плохо кончит. Ну, а кто кончит хорошо? Один Мыркымбай. И, возможно, ходжа Насреддин...

* * *

Мне внушают, что современные выдающиеся российские писатели – это Гандлевский, Улицкая, Юзефович, Слаповский, Прилепин, Акунин, Быков и еще десяток литераторов этого плана. Они друг друга хвалят, возносят, пиарят, дают друг другу премии, представляют русскую литературу за границей, «не пущают» других, уверяют, что именно они «самые-самые».

Я немного их читал и никак не разделяю их исключительность. Так себе... «орта қолдан төмен» – «ниже среднего», как сказал бы Мухтар Магауин. Они не представляют русскую литературу и к русскому духу никакого отношения не имеют. Они просто русскоязычные писатели второго-третьего ряда. Таковых монблан. И их будет все больше и больше.

* * *

Ленинградский поэт Павел Лукницкий многие годы дружил с Анной Ахматовой и собрал огромный материал о ней и о ее первом муже Николае Ст. Гумилев. Он, Лукницкий, можно сказать, был Эккерманом Анны Андреевны. В записях 1928 года он замечает: «Говорили с АА об истории».

Тут я скажу о своей причуде. Я много читал исторической литературы, написанной именитыми русскими, казахами, немцами, евреями и другими и должен признаться, мне они в большинстве упорно казались и кажутся сомнительными, спорными, а то и вовсе надуманными. Слишком много легенд, мифов, преданий, измышлений. Дело в том, что каждый воспринимает историю по-своему, на свой салтык, трактует ее так, как ему заблагорассудится, как угодно, подбирает факты по своему разумению и представлению. Почти все грешат субъективизмом. А фантазии на темы истории у меня вызывают устойчивую аллергию.

Из записок Павла Лукницкого я так и не понял, чье мнение он в данном случае выражает: свое или Анны Андреевны.

А мнение, на мой взгляд, здравое:

«Историк выбирает тот цвет, который ему нравится больше других, например, красный, и поучает потомков. На смену ему приходит другой историк – и излюбленный его цвет – желтый, и опять переучивает своих потомков. Одно поколение не верит другому и не хочет его понимать. Незыблемы только даты, а не учения.

19 июля 1914 года. 28 февраля 1917 года. Две даты.

Которые из них сильнее? Которая возьмет на себя ответственность за огромный, неуклюжий, скрипучий поворот руля? Которая дата решающая?

Это будет зависеть от вкусов историка...»

Вот этот вкус историка и отвращает меня от истины.

* * *

В данной статье («К осмыслению теоретических основ отечественной истории», «Казахстанская правда», 23.08.13, 30.08.13) науковеда и эпистемолога, профессора, доктора политэкономии Урака Алиева поучительно и наглядно сработал – по его же определению – «положительный эффект дилетанта».

Мой знакомый «дилетант» копает глубоко и основательно, открывая глаза читателя на актуальнейшие проблемы теоретических основ отечественной истории.

В осмыслении этих проблем, которые, на мой взгляд, просвещенные слои в Казахстане все еще ощущают наивно и поверхностно, и заключается научный пафос серьезного исследования.

Именно этим – новым качественным штандпунктом – выгодно выделяется данный труд.

Я, всего-навсего литератор, переводчик, публицист, то есть, в данном случае «чистый» дилетант, именно так – по наитию – воспринял и осознал значимость этой работы Урака Алиева.

Разделяю все основополагающие положения «мускулистого» (без воды и жира) труда казахского ученого и горжусь тем, что сподобился человеческим контактам с ним.

Давно известно: открытия ожидают нас на стыке разных наук. Примеров тому тьма. И Урак Алиев это блестяще доказал.

Подобные работы отечественного науковеда вселяет надежду и определяют (очерчивают) светлые перспективы нашей все еще робкой историографии в широком значении.

Дерзновенность автора мне по душе. Статья будит мысль, и этим она ценна. Она импонирует своей актуальностью, целенаправленностью, аргументированностью и всеохватностью. В ней нашли гармонию все семь основных видов познания.

Хотел было этим ограничиться, но спонтанно возник еще один вопрос при чтении.

Статья, подчеркиваю, научная, теоретическая. Она написана для специалистов. Простой люд воспримет ее фрагментарно. Мне лично хотелось бы, чтобы автор ее композиционно перестроил для популярного осмысления, т.е., может, разбил ее на доступные главки, немного «разжевал», добавляя кое-какие примеры из художественной литературы, иначе говоря, доступно оформил теоретически выжимки для посильного восприятия.

Не знаю, как это практически сделать.

Но положение научного труда, изложенного плотно, густо, по-моему должны стать востребованным для массового познания.

А я при случае обращусь к этой работе еще не однажды.

18.07.14

Бедная-бедная, серая-серая мышка

(Параллели)

...Давно это было, наверняка лет двадцать назад: время мелькает скоротечно.

Смотрим мы с женой телевизор в зале, вдруг серая молния пронеслась вдоль стены из одного угла в другой. Я затаил дыхание: что за наваждение? Через мгновение – шасть! – и серый комочек стремительно прочертил обратный путь.

– Похоже, мышка, – заметила жена. – Резвится...

– Мышь?.. На четвертом этаже?! Откуда?

С осени мы запаслись кое-каким провиантом. В углу на длинном балконе хранили мешок картошки, два пакета муки и корзину лука с морковью. А на другом балконе – через кухню – держали в ящике сахар.

Неужели мышке все это приглянулось? Как она сподобилась из подвала подняться на четвертый этаж?

Блажь, наверное.

Однажды послышались писк и шорох даже днем в тиши кабинета. И я успел разглядеть, как вдоль плинтуса воровски прошмыгнула юркая мышка. Крохотная, ушастенькая, с длинным хвостиком, серая-серая...

Пискнув, где-то затаилась, замерла, схоронилась.

Я скрутил толстую газету и кинул на балкон. Оглянулся. Прислушался. Почувствовал, что и мышка застыла где-то рядышком, выжидает, следит за мной, не шелохнется.

Мышка-норушка – милое существо только в сказках. А в хозяйстве – самый вредный грызун. Хитрый, коварный, обжорливый, пакостливый. С детства был свидетелем, как отец методически боролся с мышами и на Едиле, и на Есиле. Двух котов держал, капканы ставил, в ловушки заманивал, к разной отраве прибегал, выслеживал у всех щелей. И еще я видел, как кошки, изловив мышку, подолгу забавлялись ей.

Долго тщетно подстерегал я мышку, нахально поселившуюся на моих балконах. Временами, дразня, сноровисто прошмыгивала вдоль плинтусов.

И однажды я ее все же подстерег. И ей некуда было деваться. Прижалась в самом уголочке звена отопительного электрического аппарата и только глазками-пуговками – зырк-зырк! – следила за мной из своего укромного закуточка. От страха-ужаса мелко-мелко подрагивала всем тельцем. Я изловчился и точно ударил по ней увесистым газетным жгутом. Мышка рухнула к моим ногам. Я схватил ее за хвостик и, размахнувшись, швырнул ее с балкона на асфальтные ступени под окном.

И поныне не знаю, уцелела ли мышка или погибла. Бедная-бедная, серая-серая мышка!.. Как она резвилась вдоль плинтусов!..

...Праздник переводческого искусства в Армении помнится мне во всех деталях и поныне, хотя и состоялось это торжественное событие в начале ноября 1982 года.

Понаехали в Ереван именитые переводчики со всех республик тогдашнего СССР, а кое-кто даже из Европы. Звучали высокие речи в Актовом зале священного Матенадарана, у могилы Месропа Маштоца, первого армянского переводчика, под безбожным голубым небом Ошакана, у Мемориала армянских письмен, в Степанаване, у гостеприимных лорийцев, на заоблачном перевале, где А.С.Пушкин встретил гроб с телом погибшего друга и тезки – Грибоедова.

Это был праздник разных народов. Духа единения и сплочения. Высокой поэзии. Разноплеменной музы. Пир волшебства, словесной магии.

Облагораживали праздник, обрамляя его щедрым застольем армянские и грузинские коллеги; вносили искреннюю духовную лепту прославленные рыцари девятой музы из Москвы, Ленинграда, Азербайджана, Литвы, Латвии, Эстонии, Киргизии, Узбекистана, Белоруссии.

И я удостоился этой чести.

Но сказать хочу не о том.

Из «ЛГ» (№ 23 за 2014 г.) я узнал, что некогда очень популярному русскому поэту и прозаику Владимира Алексеевичу Солоухину ныне исполнилось бы 90 лет. На том празднике переводческого искусства в Ереване был и он. Прибыл он на день позже, имел очень усталый, заспанный вид. Куда бы мы не ездили, он сразу спал, дремал, был пассивен, временами что-то бубнил, по обыкновению сильно окая. Внешне он был похож на расхожий облик писателя: большой, грузный, помятый, расхристанный увалень, небрежно одетый, лишенный всякого пафоса и имиджа. Он походил на мастерового, на мужика, которого происходящее вокруг никак не касалось.

Переводчик он был неутомимый и всеядный. Переводил по подстрочникам – поэзию и прозу – с трех десятков языков, не зная ни одного.

Я не сторонник такого перевода и таких переводчиков. И это качество в нем мне никак не нравилось.

Но прозаик был отменный, нежный, поэтический, влюбленный в русский речестрой. Мне были известны его «Владимирские проселки», «Капля росы», «Письмо из Русского музея», рассказы, очерки. Это был тонкий, истинно русский писатель-художник. По душе мне была и его общественно-гражданская позиция.

Пожалуй, В.А.Солоухин был единственным человеком, с которым я на том празднике в Ереване не вступал в контакты. Обо мне, понятно, он и представления не имел, а потому я был ему неинтересен. Я же о нем имел приличное представление, но его переводческое ремесло никак не разделял.

Но с какой стати я вдруг его вспомнил и почему собственно, о нем пишу, – расскажу чуть ниже.

...Немало, пожалуй, должен сказать еще об одном крупном писателе.

Впрочем, крупным он считался давно, еще в 20-30 годах прошлого столетия, а ныне его, думаю, прочно забыли.

Он прожил долгую жизнь. Написал уйму романов. Был членом АН СССР. Героем Социалистического Труда. Секретарем Правления СП СССР. Депутатом Верховного Совета СССР. И т.д.

В молодые годы я читал его «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер».

Звали его Константин Александрович Федин.

Разумеется, я его в жизни не знавал. Как говорят казахи, «кол алып, амандасқан адамым емес» – «За руку никогда не здоровался». Да и был он старше моего отца на целых 17 лет.

Видел я его всего один раз на каком-то писательском Пленуме в Москве. Впечатление: высокий, импозантный джентльмен, при галстуке-костюме, с благородной осанкой, барственными жестами, собранный, ухоженный, державшийся особняком, благостный, густой баритон, размеренная речь, все взвешено, все предусмотрено, ни к чему не придерешься. Произнес по бумажке несколько гладких, дежурных, вполне официозных слов и исчез.

Мне показалось, что публика в зале его не больно жаловала. Говорили: «Мастодонт», «метродотель», «комиссар собственной безопасности».

Он говорил лишь то, что дозволялось говорить.

Он писал лишь о том и так, как разрешалось властями.

В германофобии особенно отличалась четверка советских классиков: И.Эренбург, М.Шолохов, К.Симонов, К.Федин. Имелись в виду, понятно, германцы, немцы рейха, а никак так называемые советские немцы. Но от их публичной ненависти больше всех доставалось именно российским немцам. В трактовке этой четверки «наши» немцы стали козлами отпущения. И гневные стихи и суждения читались ежедневно на плацу перед униженными морально и физически немцами-трудармейцами. «Убей немца!» – таков был их призыв. Эренбург исступленно утверждал: «Немцы – не люди!» В СССР это длительное время воспринималось однозначно.

... В октябре 1963 года, после того, как я окончил аспирантуру при КазПИ им. Абая, в то время главный редактор республиканского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Жұлдыз» Абди-Жамил Нурпеисов взял меня в редакцию сотрудником отдела прозы. Я тогда начал подстрочно переводить на русский язык его трилогию «Кровь и пот».

В Союзе писателей Казахстана я тесно общался с большинством казахских (шире: казахстанских) литераторов. Тогдашний СП К. был крохотным островком сравнительной свободы в океане тотальной лжи. Дух допустимой вольности царил в его кабинетах и – особенно – в холле. Мне, новичку, такая среда пришлась по нраву. И то время я вспоминаю с удовольствием и благодарностью. Дух того времени отражен в моих дневниках.

Я имел приличное представление о казахской прозе и поэзии. Дружил с моими замандасами – Аскаром Сулейменовым, Саином Муратбековым, Кадыром Мырзалиевым, Зейноллой Сериккалиевым, Абишем Кекилбаевым, Жумекеном Нажимеддиновым, Оразбеком Сарсенбаевым, Дукенбаем Досжановым – всех не перечислю.

Был обласкан аксакалами и карасакалами.

Беседы случались довольно вольными, а писали – я тому свидетель – все еще скованно, с оглядкой, осторожно, чтобы невзначай не погладить кого-либо против шерсти и не дразнить понапрасну гусей.

Один красочно описывал весеннюю лужу, восхищаясь словесной вязью, другой – буранную ночь в степи, третий – похождения байского отпрыска к жене рыбака-бедняка, четвертый – то, что дала казахам Октябрьская революция, пятый – про забавный случай на охоте, выясняя, кто же все-таки стрелял в волка, шестой любовную сцену тракториста и доярки в стоге сена на колхозном стане, седьмой – о состязании батыров, обжор и палуанов на асе-поминках, восьмой – о компании весеннего расплода овец...

Ойдойт! И все это я переводил-перекладывал на русский язык.

А о реальности, о жизни вокруг ни бе, ни ме. Чего-то опасались, боялись, отчего-то робели, стеснялись. Указывали пальцем на потолок, тыкали в сторону соседнего ЦК КП К, закатывали глаза: «Ойбай! Анау!» Писали не о том, что есть, а о том, что должно или могло бы быть. Казалось, все как бы попрятались по норушкам и чего-то выжидали. Иногда юрк-юрк, прыг-скок, бочком, шур-шур по закуткам-застрехам. И – молчок. А с трибуны вещали: «Эй! Почему в твоих стихах черные тучи бродят-кочуют? Наше небо разве не безоблачное?» «Почему в твоих рассказах рыбаки после работы тащатся домой, как тени, а не шагают бодро, с песней?!» «Почему твои герои так мало улыбаются? Какая их печаль гнетет?» «А куда подевались русские тамыры у твоего Мыркымбая?»

И все в таком же духе.

Помню, композитор-академик Ахмет Жубанов, «Соловьев столетий» которого я тогда переводил, рассказывая о судьбе своего талантливого клана, время от времени возмущенно восклицал: «Ай, Гера! Қашаңғы қорқа береміз?!» – «До каких пор будем бояться-дрожать?!»

Что и говорить... дрожмя дрожать в литературе – бесплодно и гибельно.

...Так было.

И в «ЛГ», о которой я упомянул выше, приводится случай: в «Карачарово» как-то встретились К.А.Федин и В.А.Солоухин. И последний вспоминает:

«...Константин Александрович сделал мне потрясающее признание.

– Владимир Алексеевич, вы видели, как выбегает мышка, когда выбежит из норы в углу комнаты? Она никогда не выбежит на середину комнаты, а все время – по плинтусу, по плинтусу.

– Ну?

– Вот и я тоже – жизнь прожил, и никогда ведь на середину комнаты не выбегал, все по плинтусу бегал...»

Какое признание, однако?!

А ведь так жили сотни, тысячи писателей. Никогда не выбегали на середину комнаты. Не ныряли в водоворот событий.

Все по плинтусам, по плинтусам.

И сейчас большинство литераторов так бытует. На середину жизни редко кто выйдет. Все больше по углам, по закуткам, по норушкам промышляют. И лишь изредка – шмыг-шмыг – по плинтусам.

Не знаю, внятно ли я поведал об этом, сплетая разрозненные факты бытия, в котором обитал и обитаю.

По крайней мере я пытался о том сказать.

Если не получилось – моя вина. Может, тоже всю жизнь к плинтусам, как бедная-бедная, серая-серая мышка...

12.07.14

* * *

Вообще-то я, кажется, многое сказал. И о себе. И о других. Не скрытничал. Доверился читателю.

О чем-то, вполне возможно, и промолчал. Пусть что-то останется со мной.

И Варлам Шаламов заклинает: «Молчи! Молчи! О том не говори (см. его стихотворение «Silentium»)

Однако...

– Но на последнем встав пороге,
Устав и от правды, и от лжи,
Богу,
и то немного,
Все-таки расскажи!

Рассказать? Но он ведь и так все знает, все ведает...

* * *

Натолкнулся в газете «Moskauer Deutsche Zeitung» (№ 12, 2014 г.) на любопытный и приятный факт: татарка из Казани Венера Дунаева-Валиева перевела с немецкого на русский язык «Западно-Восточный Диван» Гете. На русский язык с оригинала она перевела также Муса Джалиля и Габдуллу Тукая.

По профессии она лингвист. А гетевский знаменитый шедевр перевели на русский язык многие, в т.ч. Ф.Тютчев и А.Фет. Но, по мнению Дунаевой-Валиевой, их перевод недостаточно близок к оригиналу, а потому она представила читателю свою версию. Жаль, что этот перевод мне не знаком.

* * *

Всем известно, что на заре прошлого века неуемный прогрессист, один из ярких лидеров алаша – Миржакып Дулатов – бросил набатный клич – «Оян, казак!» – «Проснись, казах!»

Клич был по всем параметрам востребованный: к нему заметно прислушивались. О том, что пора, пора, наконец, проснуться, говорили и другие пламенные вожаки-заступники народа.

Еще раньше призыв этот прозвучал в России.

С беспощадной резкостью будил Россию в своих философических письмах П.Я.Чаадаев.

Подхватил призыв А.С.Пушкин: «Россия вспрянет ото сна».

Клич Дулатова раздается в Казахстане и поныне. Правда, одни утверждают, что казахи тотально проснулись. Другие осторожничают: уже понемногу просыпаются. Третьи, наиболее радикальные, хватают друг друга за грудки и вздыбливают загривки: «Эй, казак! Оян давай!» В драчке кое-кто просыпается, но вскоре опять засыпает. Ах, какая это услада – спать-дремать в раздольной степи под ровным убаюкивающим ветерком!

И Россию русские поэты время от времени подстегивают, вздыбливают. Она просыпается, будоражит весь мир, пугает европей-

ский курятник, поддает жару, пригрозит кузькиной матерью и опять погружается в дрему.

Эпатажный Эдуард Лимонов, читал я, выпустил стихотворный сборник под названием «СССР – наш Древний Рим». Он там пишет:

«Заснула Русь без сновидений»...

Правда, он говорит: «Русь, проснись!», а кнутом-нагайкой её хлещет:

– Иди! Вмешайся! Озверей!

Озвереть, конечно, можно. Склонность такая есть. И вмешиваться можно. А вот для созидательного, поучительного и назидательного порыва силенок не хватает. Хотелось бы кое-кого щелкнуть по носу, да сил маловато, хоть тресни.

Не это ли провидел Петр Яковлевич? Он так любил Россию, что в своем творчестве говорил (когда-а ещё?!) жуткие вещи.

Ну, вот, например:

«...у нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса...»;

«...мы как бы чужие для себя самих...»;

«...все сводится к слепому, поверхностному, очень часто бестолковому подражанию другим народам».

Да, речь идет о России. А мне чудится, что эти горькие слова имеет прямое касательство и к Казахстану. Просто никак не находится доморощенный Чаадаев, который бы это сказал мощно и убедительно. Вообще-то схожие мыслята иногда звучат, но в устах неавторитетных шәлдіреков.

«Бестолковое подражательство» – наша погибель. Вслушайтесь в лепет наших правителей, в бред сивой кобылы власть предержащих, послушайте наших «зиялы қауым» (любимый зять казахского

народа, окопавшийся в Швейцарии, произносил: «кхурметти кхауим», отчего казахи приходили в неописуемый восторг), злопыхательство нацпатов, ворчание кукольных оппозиционеров – все это жалкое подражательство и чистой воды даракианство, дешевое, банальное хвастовство.

Не смотрим дальше своего носа. Не видим ни отечественного верблюда, ни заморского слона. Упиваемся утопией. Пускаем пыль в глаза.

Потому-то в отчаянии иногда и вопим: «Проснись, казах!»

А Россия теребит одурманенных алкоголем русачей: «Иди! Вмешайся! Озверей!»

Нет, надо проснуться и точно определить свое место в мировой цивилизации.

Не к тому ли призывал неутешный Абай?!

А мы его не читаем, не слушаем и знать не хотим. Нашему даракианству он ни к чему.

* * *

Высший пилотаж демократии: когда одних заставляют заниматься коррупцией, а других – проституцией.

* * *

Тр-рах-бабах! Взрыв. Грохот. Жуть. Земля содрогнулась. Ойбай, ойбай! Ужас!

Смотрю на небо. Луны нет! Одно страшное черное пятно на небосклоне.

Вопль: луну сбили! Луну сбили!

Кто сбил!

Путин! Путин! Путин сбил луну!

Оу! А куда Обама смотрел? Европа, что, свиней подковывает?! Кто видел?

Первым Порошенко! А ещё – Яценюк.

Санкция! Санкция! Даешь санкцию!

Как же без луны?! За луну русские ответят!

Вся планета скована ужасом. Небо подернулось мраком.

Из черной рваной дыры на небо валил дым.

Я проснулся.

* * *

Такая вот странность: несколько дней подряд я до одури вычитывал верстки трех своих книг, потом вынужденно читал чьи-то рукописи, потом на всякий случай, но по необходимости глотал-жевал несколько вещиц из «Простора» и «Парасата», и так истосковался по настоящей, высокой литературе, что все чаще заглядывался на зачитанные тома Германа Гессе и Томаса Манна. Наконец, не выдержал, решительно отодвинул все и взялся перечитывать-перелистывать написанные сто лет назад художественную публицистику – «Детство волшебника», «Магия книг», «Наступит ли мир?» и переписку братьев Маннов. И только тогда очистил душу, обрел гармонию, облагородил душевное состояние, примкнул к магии высокого духа и волшебного слова.

Для меня Герман Гессе и Томас Манн – самые духоподъемные подпорки. И художественная публицистика (о прозе их здесь не говорю) – высочайший нравственный и художественный стимул. К ним стоит причащаться как можно чаще.

У меня насущная потребность их время от времени не только перечитывать, не только побеседовать с ними, а просто подержать в руках их книги, всматриваться в их фотографии, оглаживать их книги, как бы аккумулироваться от их ауры, волшебства, гражданской страсти и исполинского Духа.

«Я был живым и счастливым мальчиком, я играл с прекрасным многоцветным миром и повсюду чувствовал себя дома – среди животных и растений ничуть не меньше, чем в девственном лесу моих собственных фантазий и снов, я радовался моим силам и способностям, мои жгучие желания покуда скорее осчастливливали меня, чем мучили...»

Это исповедь Гессе. Я не могу о себе такое сказать, но мне всегда очень хотелось и поныне хочется, чтобы именно так было и со мной.

Германа Гессе в детстве окружала магия быта, романтика и Дух Востока. В моих же истоках ничего магического я разглядеть не смог. Может, именно этим обстоятельством очаровывают меня Г.Гессе и Т.Манн? Может, именно потому мои сверстники-казахи стоят от них слишком в сторонке?

Жаль...

* * *

Знавал я довольно близко корейского писателя Хан Дэ Ена (1931–1993). Сам себя он аттестовал короче – Хан Дин. А казахи-коллеги называли его и того короче – Ханеке. Милый был человек. Добрый, улыбчивый, учтивый. Родился и учился он в Корее, потом жил на Дальнем Востоке и в Москве, а очутился – по разным причинам в Казахстане, в Алма-Ате. Судьба его помечена сложными зигзагами. В Союзе писателей Казахстана он руководил секцией корейской литературы. Я охотно захаживал в его кабинет, любовался пузатым, как чемодан, корейско-русским словарем, пухлыми книгами заморских изданий, подолгу разглядывал диковинные иероглифы, удивляясь тому, как Ханеке в них разбирался. Тогда-то он и поведал мне кое-что из своей драматической жизни. Говорил он по-русски с сильным корейским акцентом, но рассказы и пьесы свои писал, понятно, по-корейски. Было в нем что-то манящее, привлекательное, таинственное.

Но не о нем сейчас речь.

В «Просторе» (№ 7 за 2014 г.) я прочитал его рассказ «Как называется тот край...». Меня он взволновал. О нем и попытаюсь немного поговорить.

Умирает старая кореянка, пережившая много горя и лишений. Умирает в одиночестве, в чужом краю. Дочь в ожидании квартиры в маленьком балтийском городке. Мечтает забрать мать к себе.

Не сложилось.

Смерть редко считается с людскими планами.

Чаще действует наперекор.

Дочь приезжает по телеграмме соседки к матери, чтобы услышать ее последние наставления. Свои заветные слова мать произносит по-корейски. Дочь же напрочь забыла родную речь.

Одна из жутких трагедий XX-го века. Молодая поросль казахов не всегда в состоянии понять язык предков. Российские немцы давно поневоле обрусели и в вожделенной Германии заново и не всегда успешно привыкают к Муттершпрахе. За годы депортации от коренного наречия отлучились и корейцы. Считай, три поколения населения выросли в иноязычии.

У этой беды много сестер.

Умирает одинокая кореянка.

«Ее последними словами были:

– Как называется тот край...»

Дочь не в силах понять последние слова умирающей матери.

Слезы душат ее. Откуда ей знать, как называется тот край, который был некогда родиной?

«Она так никогда и не узнала, почему последние земные слова мать произнесла по-корейски».

Хотелось бы мне к этой жизненной ситуации приплести аналогичное явление из судьбы российских немцев. Знаю немало вариаций этой трагической темы.

Однако, воздержусь. Понятливый и так смекнет, что к чему. А на недоумка какой смысл слова изводить.

Умирая, кореянка предается своим мыслям.

«В каждом деле важнее всего начало и конец. Это относится и к человеческому существованию, наверное... – Она опять помолчала. – Но вот что интересно... родиной называется то место, где человек рождается, а как называется место, где он умирает? Есть ли

такое слово? Не может быть, чтобы у этого места не было своего названия. Должно быть... Ласковое, грустное. Чтобы при упоминании о нем защемило в груди...»

Очень важная, на мой взгляд, мысль. Как оно не пришло мне в голову? Действительно, должно вроде быть такому слову. Где человек появился на свет – родина. А где умер? Очень часто люди умирают на чужбине. Где умирали депортированные корейцы, поляки, немцы, чеченцы, ингуши, крымские татары, калмыки, карачаевцы, курды, балкарцы, месхетинские турки, греки, хемшиды и прочие советские народы?

«Катюша задумалась. Раньше ее земляки, корейцы, жили, старели и умирали там, где родились. Так было из века в век. Понятие «родина» означало не только место рождения, но и место смерти. И не надо было придумывать Катиным предкам другое слово, а теперь...»

И я задумался.

А мой коллега-собрат Хан Дин о том сказал точно, ясно, пронзительно и просто.

«Ни один кореец или кореянка, родившиеся до 1937 года на Дальнем Востоке, не умрут на своей родине. Да и не только они. Сама Катя вряд ли сможет в старости вернуться на свою родину – в Казалинск. Судя по всему, никакой надежды на это у нее нет. Родителей не выбирают, как и место рождения и смерти. Но мать хотела, чтобы место, где она будет предана земле, имело свое название, дорогое и близкое, такое же, как слово «родина».

Коротенький рассказ навевает глубокие, острые и печальные раздумья об извилистой судьбе народов на земле.

Этим и «зацепил» меня правдивый рассказ покойного коллеги Хан Дэ Ена.

28.07.14

Тетрадь двадцать девятая

* * *

С некоторых пор ежевечерно по ТВ передают, как изловили очередного коррупционера. Показывают на весь экран сытые, гладкие рожи этих красавчиков с маслеными глазами. Видные экземпляры! Некоторые из молодых да ранних. По два диплома имеют. Косноязычат на двух-трех языках. Наверняка среди них встречаются и жертвы интриг, и подставы, и те, что кому-то не по нутру. Вполне допускаю. Выжить в волчьей стае непросто.

Но большинство – мощные карабчилы. Хватают крупно, лихо, азартно. Миллионы. Миллиарды. Их, конечно, ловят, ловят, разоблачают, осуждают, конфискуют, в каталажки сажают. А толку нет. И страха нет. Сознание остается на прежнем уровне. Поразительно!

И я подумал: а как это происходит в животном мире?

Рассказывают: ишак Ходжи Насреддина, переходя однажды через мост, угодил невзначай ногой в расщелину и с огромными усилиями-мытарствами, содрав кожу, еле-еле вытащил ее. С той поры ишак ступал очень осторожно, прямо, старательно обходя любую расщелину на сантиметр справа или слева.

То есть, ишак понял опасность и вынес урок на всю жизнь. Иначе говоря, его сознание выше, чем у коррупционера, хапающего, как крокодил, не думающего о расплате-последствиях.

Или возьмем собаку. Она верно служит своему хозяину, сторожит его преданно и не зарится на чужое.

Выходит, и ее сознание куда выше, чем у двуногого коррупционера.

Самая короткая память, сказывают, у рыбы и мухи. Рыбу поймаешь на крючок, а она через три секунды, забыв об опасности, объявится в этом же кругу. Муха садится на мед, ее прогоняешь, а она через две секунды снова садится на это же место. С риском для жизни: ее ведь могут и прихлопнуть. То есть, у рыбы и мухи сознание примерно на уровне нашего коррупционера.

Об этом мне поведал знакомец Серик из Созака.

Мораль сей басни очевидна.

* * *

У хуань-хуаней борьба с коррупцией и проституцией строится так.

Коррупционер ради денег, ради корысти идет на все, т.е., откровенно говоря, он продает себя. Исправить его невозможно. Просто по-другому он жить не может. В нужный момент он продаст родную мать, жену, детей, хозяина-благодетеля, родину. Его по нравственному кодексу хуань-хуаней следует только физически уничтожить. О том поведал мне участник подобных карательных акций.

То же с проституцией. На днях (июль 2014) по TV показали группу проституток Алматы. Одна оказалась беременной. Спра-

шивают: «Муж знает?» «Знает», – буркнула проститутка с обнаженным, вздувшимся животом. Напарница из Узбекистана бросилась на защиту: «Вы думаете, это легкая работа? Это тяжелая работа! Попробуйте по пять-шесть раз в день раздвигать ноги и давать кому попало!»

Хуань-хуани так не считают. Они полагают, что проститутка за деньги продает себя встречному-поперечному (ср. у Абая: «Биллятың байы ақша»). Она продает себя, семью, родителей, детей, клан, народ, родину. Исправить ее тоже невозможно. Если она просто «биллят» (по Абаю) – еще куда ни шло. Но если она «биллят» ради «ақша», то ее целесообразно уничтожить. Так считают и поступают хуань-хуани.

Я же считаю, что проституцию следует легализовать. А от коррупционеров общество следует очищать. Иначе его гибель неизбежна, ибо сознание коррупционера на уровне рыбы или мухи. Намного ниже, чем у ишака или собаки.

А проститутка что? «Обчественная кружка» (Салтыков-Щедрин), санитар, унитаз, продажная услада.

* * *

Вот один из заветов Льва Толстого: «Берегись от такого слова, которое разъединяет людей».

Обрадовался. Я своими малыми силами стремлюсь лишь к объединяющему слову. О чем бы я ни писал. Во всех национальных культурах я ищу общие корни.

* * *

В.И.Ленин, конечно, велик. Но и ошибался, однако, по-великому.

Вот пример из его речи на Красной площади в день Первого мая 1919 года:

«Внуки наши, как диковинку, будет рассматривать документы и памятники эпохи капиталистического строя. С трудом смогут они представить себе, каким образом могла находиться в частных

руках торговля предметами первой необходимости, как могли принадлежать фабрики и заводы отдельным лицам, как мог один человек, эксплуатировать другого, как могли существовать люди, не занимавшиеся трудом».

Прошло менее ста лет, сменилось примерно четыре поколения, и теперь даже в Казахстане немыслимо представить, как это не в частных руках находятся фабрики, заводы, крупные общественные предприятия, стадионы, футбольные команды, дворцы, парки, земля – все-все и как это существуют определенные группы людей, которые никогда не занимаются трудом.

Все получилось шиворот-навыворот, все пошло не по сценарию вождя пролетариата, и все его предсказания обернулись банальным пшиком. А мы еще смеемся над каким-то Хрущевым, который предсказал коммунизм еще в 1961 году. Болтуны! Трепачи!

Ораза айт

(рассказ)

Позвонил мне спозаранок давний приятель-коллега Тынымбай.

– Оу, Гер-аға! Айт қабыл болсын!

И говорит мне, будто единоверцу, добрые слова-благожелания.

О да, я не мусульманин, но вырос в мусульманской среде и с почтением отношусь и к оразе, и к священной ночи предопределения, и к оразе-айту, и к курбан-айту. Я вырос в суровое атеистическое время, с детства нас настраивали на борьбу с разными религиозными отправлениями и предрассудками – лютеранскими, православными, мусульманскими. В ауле даже избегали древнее арабское приветствие: «Ассалаумагалейкум!» и вежливый ответ «Уагалейкумассалам!» Говорили: «Мал-жан аман ба?» (В здравии ли скот и душа?) или просто неопределенно шипели: «С... с... сәлеметсіз...з...» (Будьте в здравии). Иногда роняли: «Амансыз ба?» (В здравии-порядке ли пребываете?»

Борцом с религией я был никаким. Скорее, наоборот: тайно симпатизировал всему запретному. Я был тихий, но ощетинивался против всякого насилия и несправедливости.

Пост-оразу в ауле держали немногие: главным образом те, кому было за пятьдесят-шестьдесят (почтенные лета по меркам тех лет) и не занимал никаких ответственных постов. Относились, однако, к ним уважительно: «Такой-то блюдет пост!», «Такой-то замкнул уста!» У них, случалось собирались на «ауыз ашар» – на разговление после захода солнца. К ним и отец мой, заведующий мед. пунктом, проявлял особое внимание. Навещал, спрашивал: «Как желудок?.. Как кишечник?.. Не кружится ли голова?.. Как сберечь силы в знойный месяц шильде?»

Сторонником поста отец не был. Любого. Считал оразу слишком жестоким испытанием для изнуренного организма. Как же это можно не есть, не пить целый месяц, да еще и лекарства не принимать?! Сущее безумие!

Была еще одна проблема: как определить время в пасмурные, дождливые дни? На исходе сороковых – начале пятидесятых годов прошлого века, точно помню, в ауле время определяли исключительно по солнцу. Так и говорили: «На рассвете», «Когда первый лучик брызнет из-за горизонта», «Когда солнце поднимется на длину аркана», «Когда солнце зависнет над косогором за древним погостом», «В зените солнца», «После обеда, когда тень твоя с вершок», «Когда горизонт окрасится багрянцем».

Для размеренной аульной жизни это было вполне достаточно. Обходились без часов и минут.

Кто пользовался часами? Ссыльный немец, аульный фельдшер – он прихватил с Волги два будильника, которые хорошо будили, но показывали разное время, тикали вразнобой, имея привычку останавливаться на отдых, когда им вздумается. Пока их хозяин верно и преданно служил в Рабоче-Крестьянской Красной Армии, они работали исправно, а в Казахстане, в ссылке, окончательно обленились, то и дело задремывали и оглушительно тренькали невпопад в любое время суток.

Большие трофейные карманные часы были у директора школы. Он их изредка дотавал из кармана застиранного и выгоревшего френча, прикладывал к ушам, потом, надавив на боковую крохотную кнопку, открывал крышку, долго всматривался в циферблат с готическими финтифлюшками и важно изрекал:

– Восемнадцать часов двадцать семь минут.

– Утра? – уточнял наиболее продвинутый аулчанин.

– Восемнадцать часов с утра не бывает, – снисходительно отвечал директор.

Аулчане благоговейно молчали. Но находились и особенно прыткие, дотошные.

– Шаке, а у вас время Кызылжарское, Московское или Берлинское?

Директор выставлял свои совиные очки на грамотея, выпячивал птичью грудь с двумя орденами и тремя медалями, язвительно хмыкал, с сухим щелчком захлопывал крышку трофейных часов, надежно опускал в грудной карман френча и в растяжку отвечал:

– Я, да-ра-гой, если хочешь знать, руководствуюсь только московским временем.

И, подав вопрошавшему изуродованную на войне кисть без двух пальцев, гордо удалялся восвояси.

Шустрый, шебутной Сергали-ата где-то раздобыл настенные часы с гирями на цепочке. Забавная была вещичка! Каждый час с хлопком-треском растворялась дверца над циферблатом, заполошенно высовывала головку кукушка и резко прокричала: «Ку-ку! Ку-ку!» и тотчас испуганно скрывалась, расколов на мгновение убогую тишину в хибаре чудаковатого ата.

Потом в часах что-то сломалось, кукушка по-прежнему выстреливала из гнезда, но онемела, часы тикали с перебоем, отпала часовая стрелка, а минутная нехотя ползла по засиженному мухами и циферблату.

Ну, и как быть держащим оразу? На какое время ориентироваться? Солнца нет, дожди идут неделями – и обвально-грозовые,

и шквальные, и занудные-нищенские, и ниточные, к директору школы лишний раз не обратиться, да и время у него московское, не сразу и сообразишь, пора ужинать, или все еще рот полагается держать на замке. На настенные ходики Сергали-ата надежды никакой. Фельдшер на месте не застанешь: обслуживает семь или восемь аулов. Остается уповать на его сына-подлетка: у того и отрывной календарь с указанием восхода-заката каждого дня, и два будильника, которые он, аккуратист, не забывает завести вовремя.

С правого крыла аула чикиляет хромой Ишанкабыл.

– Эй, Кира, солнце еще не зашло? Посмотри, айналайын! В глазах темно с голоду.

Я смотрю в листок отрывного календаря, хотя еще с утра вызнал, когда садится солнце, потом бросаю взгляд на один будильник, на второй, делаю вид, что соображаю, думаю. Не могу же аулчан ввести в грех.

– Нет, ата, еще не зашло.

– Сколько еще ждать? – гундосит плосконосый Ишанкабыл.

Аульные зубоскалы над ним посмеиваются. На войне искорежили ему не только ногу, но и оттяпали часть мужского достоинства. Жена покинула его. И Ишанкабыл вскоре привез из соседнего аула молодуху. А она через два месяца родила смуглого бутуза. Роды принимал мой отец, и я слышал, как он за завтраком сказал маме: «Крепкий, ладный малыш. Видно, горячей любовью зачат».

В ауле секретов не бывает. Шутили: «Наш Ишанкабыл единственный мужчина в мире, который клепает детишек за два месяца».

Ишанкабыл, однако, смирился со своей участью. Даже вместе со всеми похохатывал. А молодуха его, казалось, была счастлива со своим мальцом. В ауле недоумевали: апырай, неужели Ишеке ублажает молодую хатун своим пораненным отростком?..

– Пока доберетесь до дому, пока с выпаса вернется корова, пока женеше ее подоит и вскипятит молоко – солнце и зайдет.

– И-и... понял, Кира. Спасибо! Вырасти большим жигитом на радость своих земляков.

Вслед за ним мелко семенит по колдобинам-буеракам Сергали-ата.

– Геражан, – издали кричит фальцетом, – этому божьему дождю конца-краю не видать. Не мудрено и согрешить перед Аллахом. Скажи, разговляться еще рано? Что говорят твои календарь и часы?

– Еще немного потерпите, ата. Там, за Есиль-рекой, солнце как раз садится в гнездо. Из-за туч не видно.

– И долго оно будет садиться?

– Присядьте, ата. Посчитайте стихи Шала-акына и свои. Я послушаю. Туда-сюда и настанет ауыз ашар.

– Е, барекельды! Тогда слушай, Геражан. Вот-вот...

И он достает пожелтевшие, засаленные листки из обтерханного, пузатого бумажника.

Желанный-долгожданный праздник после Оразы – Ораза айт. Как он проходил в строго регламентированную пору послевоенного времени в нашем ауле на правобережьи Есиля?

– Айт! Айт! – шептали хатуны во всех шошалах, наскребывая по сусекам остатки муки, сахара и масла для праздничной стряпни – баурсаков, пухлых лепешек, поминальных шелпеков, хвороста, сөка из очищенного проса-тары.

– Айт! Айт! – ликовали аульные сорванцы, загадочно намекая на запасенные впрок обновы – носочки, тюбетейки, кепку, а то и сорочку-рубаху.

– Айт! Айт! – оглаживало довольно бороды-усы аульное старичье, очищая и латая чапаны, кушаки, пояса.

Даже пустолайки-дворняги шныряли-шастали по аулу, задирая хвосты крючком.

Айт! Айт! Той! Той!

В закутках, хлевах-корá обреченно блеяли жертвенные барашки, готовые к закланию по случаю оразы-айта.

Ох, бедное послевоенное время! Бедный, истощенный аул! Ну, а айт – божье благословение, и жизнь – праздник.

...Вот и день айта пожаловал. Надо же: сумрачные тучи развеялись, умытое дождями небо сияло, солнце сверкало, степь засеребрилась ковылем, полынок одурманил всю округу, березовые колки принарядились. Малышня, вскочив раньше обычного, с котомками за плечами рассыпалась по аулу, оглашено вопя:

– Айт! Айт! Айт құтты болсын!

И я – в белой рубашонке, в белых носочках, в сандаликах – туда же, в этой голопузой, босоногой ораве. Ору на казахский лад:

– Айт құт-береке әкелсін! Да вознаградит айт своим благом!

Аульных хатунов не узнать. Откуда только что взялось? В белых кимешеках, в чистеньких жакетах, в широких платьях до пят, в кольцах, ожерельях, браслетах неведомых времен. А кызымки-девки, соплюхи еще, волосы костяным гребешком расчесали, репейным маслом помазали, чтобы блестели и пахли, брови насурмили, в косы чолпы вплели, на плюшевые камзольчики понавесили-понашили монеты, значки, медальки, ленты. Хихикают, оглядывая друг друга.

Старухи, молодайки и нас, аульных шалапаев, щедро одарили – баурсаками, куртом, иримчиком, сдобными лепешками, «мямпаси» – конфетами-липучками и «подушечками».

Ах, славно! Утро только разгорается, а еще сколько домов надо обежать, сколько земляков поздравить со священным праздником – ораза айт.

А потом еще надо пристроиться к шествию почтенных стариков. От них ведь наверняка что-то обломится, перепадет. Да-да, непременно, как пить дать. Иначе как же?! Айт сегодня. Айт!

Солнце зависло над южным косогором. Мужчины управились с делами: «окровавили нож», разделали по всем правилам тушку ярки, прикинули, что́ идет на бесбармак, что на куардак, что – женам-детишкам, что собакам. Женщины растуганили земляные печурки – жер-ошаки, поскребли-помыли котлы-казаны, налаживают самовары, медные, латунные, изрядно помятые за долгие годы. Запах свежей баранины струится по аулу. Ближе к обеду почтенные

аксакалы и карасакалы начинают торжественное шествие по домам – ритуальный обход. Самое меньшее положено быть в трех домах, а лучше – в семи.

О! Вон они уже идут. Впереди в длинном, до пят, чапане, подпоясанном широким кожаным ремнем с серебристыми пластинами, в шапке-борике, в мягких ичигах важно ступает верзилистый Жайлаубай, оглаживает левой рукой окладистую, лопатой, сивую бороду, утробно что-то бубнит, твердо ставит посох – аса-таяк, сплошь в сучках и заклепках. Вообще, сказывают Жайлаубай – беглый урус, которого некогда степняки нашли израненного, исколотого вилами, истекающего кровью, без сознания на летовке, отвезли в чью-то юрту, обмыли, прижгли раны паленой кошмой, отпоили кумысом, укрыли от лихих людей. Он так и остался среди кочевников, нарекли его Жайлаубаем, раз нашли его на жайлау, омусульманили, то есть совершили обряд обрезания, оженили на бедной, безродной вдове.

Урус оказался понятливым, мастеровитым мужиком: кузнечил, ладил, латал, столярничал, выучился языку, косил сено, пас табун, объезжал неуков, возил дрова, с удовольствием цедил кумыс, приправлял его целебной травой, играючи разделывал баранов, по всякому поводу благоговейно произносил: «Бисмилля». А со временем и подобающие молитвы стал читать, исполнял пятикратный намаз и держал оразу. Полюбили его казах. И ни одно аульное мероприятие без него не обходилось. Советовались с ним по всякому поводу.

Излюбленным словечком Жайлаубая было загадочное «бил-лят». Этим словом он пользовался налево-направо, кстати-некстати. Сердится – бил-лят, радуется – бил-лят, восторгается – бил-лят. Скажем подъелозится собака, не хочет встать под хомут гнедуха, горн не раздувает уголья, сорванцы лезут на крышу за куртом на циновке, нерасторопная Балшекер невзначай прольет молоко все «бил-лят». Впрочем для Балшекер «бил-лят» в устах мужа звучало как «айналайын».

Справа Жайлаубая, на полшага позади, семенит местный акын Сергали-ата. И он вырядился в изрядно потрепанный чапан, в подростковые брючки; тощую шею обмотал бабьим платком. Босые ноги сунул в азиатские калоши-кебисы. Бородка его свалялась, как клок бараньей шерсти. На впалой груди топорщится пухлый бумажник, в котором ата хранит разные бумажки – квитанции, облигации, справки, рецепты, стишки собственного изделия, косо-криво нанизанные арабской вязью.

Слева тащится, пошатываясь, Альмиш. У него вечно болит голова. Поговаривают, оттого, что у Альмиша две жены. А у кого две жены под одной крышей, в одной, пусть и просторной, комнате, конечно, постоянно болит голова. Куда бы Альмиш не пришел, перед главным блюдом – бесбармаком – должен непременно выпить кумган плиточного чаю, настоенного на мяте. Он в засаленном кургузом пиджаке с обвислыми карманами, с одной медной пуговицей с солдатской шинели. Голова обмотана, словно чалмой застиранным вафельным полотенцем. У Альмаша чапана нет, на нем, как на вешалке, болтается мешковатый синий халат, одолженный по случаю у школьного учителя труда.

Бочком-бочком двигался в толпе почтенных кривоногий Кази. Он недолгое время был председателем аулсовета, и, понятно, в таком статусе «айтовать» ему было не положено. Едва он успел отрасти брюхо (без брюха какой же начальник?!), как его передвинули начальником почты. А недавно его и вовсе понизили – назначили учетчиком. Пришлось водку оставить, довольствоваться кумысом и для отпущения грехов соблюсти оразу. Он был в привычной гимнастерке, в галифе и при широком, явно заморском полосатом галстуке.

Далее шли, спотыкаясь о кочки и застывшие коровьи лепешки, братья Сейтходжа и Кали. В бесцветных рубахах навыпуск и домашних стеганых штанах аульного покроя.

Завершал шествие подслеповатый магазинный сторож Тайшик. От его громоздких сапог с раструбами и войлочными чулками разило по́том, ваксой, нутряным бараньим жиром за полверсты.

– И-и, алла, будь благословен сей день! – бормотал Сергали-ата. – Кто-то дожил, кто-то и не дожил.

– Эй, биллят, с чьего дома начнем?! – вопрошал в бочку Жайлаубай.

– С крайнего, Жаке. Там кумыс хорош. И ярку справную порешили.

– Ух, биллят! Жаксы. Аллах милостив!

Как только ходоки свернули к сосновому дому на краю аула, мы, косяк сорванцов, мигом сиганули туда. Здесь, на отшибе, обитала местная знаменитость, поэт и журналист, Галым Малдыбаев. Он упоминался в школьных учебниках и хрестоматиях. У него была молоденькая, деятельная жена-певунья, приличное подворье – десяток овец, дойная кобылица, корова, телка, гуси, индейки, куры.

Почтенных ждал обильный дастархан. Поэт уважал старинные обряды.

Ритуал проходил так. Старики усаживались на почетное место на корпеше в два-три слоя, подмяв под бочок подушки. В середине, как водится, Жайлаубай, остальные – по чину-возрасту – справа и слева. Степенно обменялись с хозяевами словами вежливости и благожеланиями. Молоденькая, белоликая хозяюшка чинно разливала по деревянным чашкам духмяный кумыс. От удовольствия кто рыгал, кто бороду оглаживал, кто слюни глотал, кто языком цокал, кто бритую голову чесал, кто таращил глаза на фотографии в рамках, где были запечатлены знаменитые казахские писатели от Джамбула до Ауэзова-Муканова.

Мы, огольцы, толпились в сенцах. Никто нас не прогонял. Кумысом, понятно, нас потчевать не будут, а до бесбармака придется еще подождать.

Вот, наконец, принесли мимо нас два деревянных подноса-табáка с дымящийся ароматной горкой мяса: все уложено по всем правилам, как надо – отливающиеся желтым жиром тонко раскатанные сочни, по краям – рассыпчатая крупная картошка, ребрышки, берцовая кость, лопатка, жамбас, грудинка, немного коп-

ченки-конины, поверху, репчатый лучок, настоенный на жирном бульоне-тузлуке с комками соленного курта. На отдельном подносе – опаленная, очищенная, щекастая, ушастая, лобастая баранья голова, рядом – большой нож для разделывания.

Жайлаубай, понизив голос, придав ему подобающую торжественность, произнес арабскую молитву, роняя непонятные слова: «бисмилля ррахман ир-рахим», «субыхан алла, альхим диль алла, шайтани, ил-ла-ла-ха...»

Жайлаубай, наконец, сказал: «Ауминь!», и все огладили лица.

С бараньей головой Жайлаубай обошелся как повар с картошкой. Разделал ее вмиг, раздал всем положенные части – уши, язык, щеки, глаза, губы, затылок, ловко раскрыл череп, выковырял в чашу мозги, сам попробовал, остаток передал хозяюшке и, вытерев газеткой руки, первым принялся за трапезу.

Ел Жайлаубай артистически: пальцами умело набрал в ладонь горсть сочен, сверху положил несколько кусочков нежного мясца, потом подгреб еще курдючный ломтик и всю эту пригоршню бесбармака привычно запихнул в волосатый зев. Жир потек по его бороде. Остальные, сопя, кряхтя, почавкивая, последовали его примеру.

Вот тут-то самое время и нам, аульным балашкам, пристроиться в ряд за спинами едоков.

Мы с ужасом наблюдали, как гора мяса – целый баран! – истаяла на глазах.

Старики жирные куски глотали, не прожевывая. Сочни всей пятерней запихивали в беззубые рты. О степенности забыли. Спешили, будто обгладывали последнего барана в жизни.

Наконец, червячок был заморен, и старики вспомнили о нас, бишаринцах.

– Эй, чей бала за мной стоит? – прогудел Жайлаубай.

– Аскар. Жуматая сын.

– Е-е... знаю, знаю. Мә!

И Жайлаубай передал из табáка моему корешу бараний ребрышек со слоем мяса.

– Эй! А этот рыжий малец чей будет? – тут же подал голос Сергали-ата.

– Я Гера, першыла сын, – поспешно отозвался я, косясь на катастрофически пустеющий табак посреди дастархана.

– Е-е, нашего лёктра, что ли?

– Ия, Ия...

Першыл – это фельдшер, лёктр – доктор. Так кличут в ауле моего отца.

И Сергали-ата протянул мне самый крупный мосол с ошметками мяса по концам.

Получив вожделенную долю из рук почтенных стариков, мы опрометью выбегаем из дому.

О, да вечера еще сколько кусков нам отвалят щедродушные наши земляки! От пуза наедимся. На неделю хватит.

А старики, добрыми словами отблагодарив хозяев и выслушав благословение-бату старейшины Жайлаубая, уже в том же порядке, гурьбой шествуют в следующий дом.

Вечером, тяжело отдуваясь, то и дело распуская завязку штанов, благодушный Сеитходжи спросил меня:

– Эй, Сары бала, грамотей-домулла, сколько, ты думаешь, я съел баранов за день?

– Ну, больше одного барана, ата, наверное не получится. Вы же не Хаджимукан и даже не Балуан Шолак.

– А? Сказал! Тоже мне знаток-білгір! А девять не хочешь?!

– Как это девять?! Это под силу только тажалу из сказки!

– А вот представь, – длинно рыгнул Сеитходжа, оглаживая вздувшееся брюхо. – Мы посетили за день девять домов. Девять! И в каждом доме слопали за милую душу по барану. Вот и считай: девять голов сгрызли.

И Сеитходжа, кряхтя, вперевалочку, как селезень, побрел домой, в свою хибару возле верхнего колодца.

– Завтра приходи с ребятами. Самый большой мосол передам тебе. Коровий или лошадиный.

О-о! И завтра айт. И послезавтра. Ах, житуха!..

Сколько воды утекло в Есиле за эти годы! Я стою сейчас на балконе и вспоминаю рассказ, поведанный мне утром Тыныбаем...

...В день айта нас, детей, будили чуть свет. По обычаю, мы всей семьей должны были участвовать в жертвоприношении барана. День только занимался, и нам хотелось спать, а мы обязаны был усесться вокруг связанного барана, держать его за шерсть, пока отец перерезал ему горло. И я, сонный, думал при этом: ну, зачем нас поднимают в такую рань? Барана ведь можно было порешить и позже, когда мы выспимся...

Но таков был обряд, заповеданный предками. В священном жертвоприношении обязаны были участвовать все члены семьи, дабы почувствовать единство веры-имана, единство духа, сплоченность клана. В ритуале айта все имело затаенный смысл...

Да, это так. Взрослея, я это понимал все глубже.

Увы, многие достойные обычаи и обряды-поверья казахи потеряли безвозвратно.

Исчез тот дух единства. Сгинули торжество и радость, объединявшие людей, придававшие чаяния и смысл бытия.

И это произошло в течении одной моей жизни.

...Сегодня 28 июля 2014 года – первый день очередного ораза айта. Стою с утра на балконе, обозреваю наш двор, который обступают пять многоквартирных домов, основными жителями их являются вполне обеспеченные городские казахи. Не вижу, чтобы кто-то тащил с базара тушу или полтуши барана. Не вижу весело галдящих детей с возгласом: «Айт! Айт!» «Айт құтты болсын!».

Не вижу взрослых – нарядных, торжественных – чинно посещающих друг друга. Не вижу апашек, которые одаривают друг друга традиционной выпечкой-стряпней. Не вижу объятий грудь в грудь.

Пусто. Мертво. Будто и не было оразы.

О, нет... Вон плетется согбенный, высохший старичок, знакомый профессор, с пакетом в руке в ближайший магазин. Он еще накануне говорил мне, что байбише не в состоянии замесить тесто, испечь хотя бы баурсаки, а потому он с утра отправится в магазин и накупит к празднику пухлые казахские лепешки, хворост, чак-чак, пироги из слоенного теста с творожьей начинкой, пончиков. Вот и устроят праздничное чаепитие. А если кто зайдет с поздравлениями, бутылку коньяка на стол выставит. Вместо кумыса.

Чем не той! Чем не айт! А окровавить нож нынче накладно. На тощего барашка пенсии не хватает. Что, петуха зарезать прикажете? Так он поганый, дерьмо клюет...

Через час – смотрю – пожилой профессор назад плетется с пустым пакетом.

– Не болды, Қараке? Что случилось?

– Ай! – машет он досадливо рукой. – Круглые лепешки, вижу, не пропеченные, по краям обгорелые. Тесто тяп-ляп на воде замешанное. На таком масле пожарили – Бог весть. Баурсаки жесткие, внутри полые. Чак-чак серый, не янтарный. Вся выпечка казенная, чужие руки сварганили, без любви и тщания. Разве можно такое на стол ставить?!

В соседнем доме живут три апашки в почтенных летах. Я с ними в контакте десятки лет. Вижу: ближе к вечеру к ним потянулась стайка деток и внуков. В руках коробки с магазинными тортами, пакет сливок, бутылки полусухого вина. В кульке, видно, конфеты, печенье, чай.

Угощения в дни айта непременно связаны с добрым поминанием аруахов – духов усопших. Они, аруахи, незримо присутствуют у дастархана, радуются его обилию, вдыхают знакомые запахи земной пищи, внимают речам, обращенным к ним. В дни айта первое благодарение аруахам. В этом священный смысл традиционного ритуала.

Помню притчу, поведанную в далеком детстве. Оказывается, аруахи невесомой, неслышной тенью бредут в свои былые земные

дома с четверга на пятницу – в благостный мусульманский день. И вот встречаются два аруаха на окраине погоста. Один голову повесил, уныл, тащится через силу. Другой сияет, голову задрал, щерится, мурлычет. Спрашивает у первого: «Что, брат, стряслось?» «Ай, – отвечает понурый. – Подошел к былому дому. Не учуял приятного запаха. Не жарят, не парят. И очаг потух. Даже поминальных шелпеков не испекли. Помоями пахнет, нежитью. И доброго слова не услышал. Забыли нас... Не помнят...»

«Да, худо, худо... – взгрустнул второй аруах. – А я за версту учуял запах жаркого, и приятный чад донесся до моих ноздрей, и дети галдят-пошумливают, и взрослые нас поминают, благодарные слова говорят. Как мило!..»

В этой притче, собственно, все и сказано. Угощения в дни айта не только услада для взрослых, отрада для малых, это еще первым делом память о предках, об усопших, о тех, кто переселился в иной мир, обитает в иных пределах.

Боюсь, что современные казахи о том все чаще забывают.

Безразличное, равнодушное отношение к былым народным традициям оборачивается потерей всего истинного, первозданного.

Правда, касается это не только казахов. Тяп-ляп – опасная болезнь, которой ныне подвержены многие – и русские, и немцы, и зенги, и шуршуты.

Грешат при этом на неизбежную глобальность, унифицированность. А виноваты, скорее, сами люди, их нерадивость, их желание прожить жизнь попроще, ходить – как говорят – по верху трудного, по низу легкого.

Может, действительно, на дурняках легче прожить?..

Стою в день айта на балконе, вспоминаю далекое, невозвратное, печалюсь о тех утратах, из-за которых нравственно скудеет народ.

Апырай, что происходит?

Кто-то звонит, полушутя, полусерьезно поздравляет, подчеркивая, что я ведь по своей судьбе близок к мусульманам.

– Оу, Гера-аға! Айт құтты болсын!

И я радуюсь, откликаюсь подобающими словами, а на душе почему-то грустно, грустно...

И что дальше?

август 2014 г.

* * *

Интересно, сколько тысяч книг и статей-исследований написано о художественном переводе?! Монблан! Один я написал не один десяток.

А суть его (художественного перевода) четко и броско определил еще Гете.

В немецком языке существует много определений для разного вида переводов. Покойный Медеубай Курманов (переводчик «Фауста» с оригинала на казахский язык) насчитал их косой десяток. Немцы в этом деле вообще собаку съели. Чаще всего они прибегают к термину «übersetzung», т.е. буквально пересадка, переселение. Иначе: нечто (в данном случае текст) пересаживают с одного места на другое, переселяют из пункта в пункт.

Сравните: «переклад» у украинцев, аударма – у казахов, котарма – у киргизов, таржима – у узбеков (в смысле «перевернуть»)

По Гете есть два принципа перевода: «переселить» иностранного автора к себе, к нам, или нам «переселиться» (депортироваться) на чужбину, т.е. приспособиться к иноязычию, к иной языковой структуре, стихии.

Иначе говоря, иностранец либо станет нашим соотечественником, либо мы, соотечественники, переберемся к иностранцу, приноровившись к его характеру и обличию.

Еще точнее могу сказать так: переводя тексты казаха Нурпеисова на русский язык, я либо максимально перетаскивал его к русским (что после меня усиленно делали Ю.Казаков, А.Ким и П.Краснов), либо сам Нурпеисов, сидя со мной рядом и активно вмешиваясь в переводческий процесс, с таким же рвением тянул

меня (как и А. Утегенова и еще двух десятков толмачей) в свой родной патриархальный аул. Нурпеисов как автор хорошим переводом считал тот, который был сконструирован по казахским стилистическим канонам, что вполне понятно: своя рубашка всегда ближе к телу.

Какой из этих принципов наиболее верен?

Оба!

Ведь хочется максимально сберечь и национальный колорит, своеобразие оригинала и одновременно озвучить его согласно стихии, правилам, ментальности русского духа, дабы чужеземец не отторгал себя.

В этом и заключается диалектика перевода.

И именно потому перевод – творческий акт, искусство.

Перевод принадлежит человечеству. Механический переклад, шаблонное перетаскивание слов с языка на язык ему противопоказан. Вот в чем дело-то!..

* * *

Подумалось: раньше лютыми врагами казахов были джунгары. Теперь Солженицын и Путин. Ненависть к ним безгранична. И никакими доказательствами казахов не проймешь. Сплетни об одном Александре Исаевиче «потянут» на один громоздкий том. При этом в большинстве случаев никто ничего не читал.

* * *

Один мой коллега опубликовал в «Айкыне» не то рассказ, не то статью. И носится с этой публикацией, как с писанной торбой. Ко всем пристает: «Читал?! Қалай?!»

Меня он достал. Спрашиваю: «Для чего это ты написал?» «Чтобы люди читали». «А сам ты кого читал?» «Никого!» «Так, на что тогда рассчитываешь? Или полагаешь, что ты нашкрябал шедевр, а остальные промышляют бодягой?»

Замешкался. Чуть сконфузился. Промямлил: «Енді... то-се... чукча, говорят, не читатель, а писатель... хе-хе... а-ха-ха...»

* * *

В квартире ремонт. Давняя знакомая, мастер широкого профиля, красит, белит, марафет наводит. Делится своими наблюдениями.

– Жить стало трудно, сложно. Простому люду вообще житья нет. Ничего не светит. Ни перспектив, ни стимулов. Голое выживание. Представьте: у меня постоянной работы нет. Мужа, по всему, тоже уволят. А ему до пенсии рукой подать. Еще кредит на три года взяли. Да-а... Попробуй, расплатись. А молодежи каково? Учится могут только те, у кого деньги. И на мало-мальскую работу без денег не устроишься. Ходу нет. Куда деваться? Или на стройку, или на базар. Бери – подай, или воруй – продай. Раньше как было? Есть 15-20 копеек – айда в киношку. Теперь без пяти тысяч тенге и не суйся никуда. А не всякий родитель способен отвалить своему чаду пять тысяч. Вон пишут: чтобы ребенка в школу снарядить, нужно 50-80 тысяч. А если в семье двое-трое? Хоть в петлю лезь! Ну, и как быть? Кредит брать? Детей в долговую яму сажать? На что уповать? Вот и деградирует все...

Горький монолог Галины (ей 56 лет) длится долго в такой тональности, а меня без конца отвлекает телефон: нужно дать интервью, записаться в документальном кино, ответить на какие-то вопросы, откликнуться на издательские дела-делишки.

А у Галины рассказов-исповедей про жизнь-нескладуху, про мужа, сына, про житейские заботы, о себе – кряжистые алатауские горы. И сплошной негатив. Ни одного светлого лучика.

Выйдешь на улицу, сядешь на лавку, тут же облепят тебя разное старичье и слушаешь тот же «а-ляу-ляй»: про болезни, про дороговизну, про разные дрязги, про застой, про неурядицы, про Украину и т.д. С ума сойти!

* * *

В русской классической литературе (Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой, Достоевский, Лесков, Гончаров etc.) нередко встречаются образы немцев. Они подаются в разной тональности: умилительно, насмешливо, пренебрежительно, ехидно, злорадно, злопыхательски, разоблачительно, уничижительно, небрежно, люто, с превосходством, с ненавистью – всяко. Приходилось, помнится, читать даже капитальное исследование «Немцы в русской литературе» (что-то в этом роде).

Я к этому отношусь спокойно и снисходительно. Что ж... такое восприятие...

Недавно я прочитал «Отцы и дети» Тургенева и обратил внимание на спор Базарова и Павла Петровича Кирсанова. Базаров предпочитает германскую науку, и это болезненно затрагивает патриотические струны местного аристократа.

«Что касается меня, – говорит в романе Павел Петрович, – я немцев, грешный человек, не жалую. О русских немцах я уже не упоминаю: известно, что это за птицы. Но и немецкие немцы мне не по нутру. Еще прежние туда-сюда: тогда у них были... ну, там Шиллер, что ли, Гёте...»

Читать подобное любопытно и смешно. Вспоминается тетя Амалия, жена моего дяди Вильгельма, еще перед войной. Когда мой двоюродный брат Фриц, навещал родительский дом, приезжая из русского села, где он учился на каких-то курсах, дородная и энергичная моя тетя, не пускала сына в дом: «Фрицхен, смени одежку, искупайся, а то от тебя разит русским духом – мочи нет!» Она даже не переносила русские запахи.

В национальных вопросах толерантности очень часто не хватало. Русские подсмеивались над немцами, татарами, чучмеками, калбитами, нацменами, чукчами, «копчеными», «погаными», кавказскими «князьями»; немцы потешались над русскими, азиаты над европейцами; сарты над казахами; казахи над сартами.

Примеры – тьма. И все это от невежества, ограниченности, духовного убожества, бескультурья, воспитания. Многое ныне выправилось, хотя на бытовом уровне элементы атавизма еще проявляются.

Пришла однажды ко мне моя покойная сестренка в слезах. Муж ее, украинец, в запальчивости назвал ее «фашисткой», намекая на ее «немецкость». «Ну, и что? – сказал я. – А ты назови его «бандеровцем». Так и пошло: он – «фашистка!», она – «бандеровец недобитый». Оба заткнулись. Воспитали в немецко-украинском браке двух прекрасных детей: один ныне живет в России, другая – в Германии.

Когда за подобными межнациональными конфликтами кроется незлобивая насмешка («дразнилки-историзмы») – невелика беда. Но когда выпячивается ненависть, нетерпение, неприязнь (как у хохлов и москалей), то это дурь, туши свет. Беда! Пещерная дикость!

Увы, в национальных вопросах глупостей еще немало. Спасение только в культуре, просвещении, толерантности. На это и будем уповать.

* * *

Чует мое израненное сердце: наступают дурные времена и в Европе, и в России, и в Казахстане. Назревают очередные лишения и нехватки во всем. Обострятся все виды кризиса. Правители окажутся бессильны. И полоса невезения, по всему, затянется.

Мне, 80-летнему, ничего уже не грозит. Но над более молодыми опасность нависла. Вот это-то и печалит.

И что делать? Прежде всего необходимо уже сейчас умерить свои аппетиты и на дырку-другую затянуть пояса. Приучить себя обходиться малым. Через рогожное брюхо можно прогнать много добра. Но это вовсе не обязательно. Не для этого, в конце концов, человек создан. Вислобрюхие мужчины, задастые бабы и дородно-пухлые молодки отнюдь не украшают человеческий род. Чем

довольствовались аульные казахи в военные и послевоенные годы, я прекрасно знаю: огрызок таба-нан, в золе испеченной лепешки, айран, блеклый чай, редко – иримчик или курт, горсть поджаренной пшеницы. Ничего: выдюжили. А что ели изгнанные с родных мест российские немцы? Ну, капусту, картошку, дикие ягоды, баланду из щавеля и крапивы. И работали, как рабы, до изнеможения.

Бывало сплошь и рядом еще хуже. Ныне тому и не поверишь.

К таким харчам, полагаю, следует приноравливаться и теперь. Нехватка будет диктовать свою волю. Надо понемногу вернуться к житейскому опыту наших дедов и прадедов. Выкручиваться. Из всего, что дает природа, находить прокорм.

Спросите: с чего это я вдруг обрушиваю черное небо на мирные головы в ясный день?

Чую: тень войны маячит где-то рядом. Кому-то не терпится воевать. Переделывать мир. Устраивать свои порядки до победного конца. Жаждут драчку, чтобы вселенная содрогнулась.

Ну, и что?

Будут бедные беднеть,
Богатеи – богатеть,
Император – процветать,
А народы – умирать.

Не я это говорю. Это сказал один мудрый итальянец.

* * *

«АиФ» задается вопросом: «Как Россия может проучить Америку?». Я считаю: проучивать ее не стоит. Слишком накладно; достаточно изредка щелкнуть ее по носу и сказать: «Цыц!»

Как, кстати, перевести на казахский язык русское «Цыц». Одна моя редакторша поправила: «Т-сс!» Это глупо.

Самый верный перевод: «Цыц!» – «Көтіңді қыс!»

* * *

На прогулку к памятнику Чокану я регулярно, каждодневно ходил лет 35. Там проходили все мои встречи с поклонниками, любопытными, читателями, журналистами, издателями, знакомыми, прохожими.

Увы, в последние годы мой «Lebensraum» (жизненное пространство) значительно сузился. Бываю только в садике перед домом: полчаса хожу, час на лавочке сижу. Ну, а большее – табу: сердце.

Опытные мои встречи проходят здесь. Оған да шүкір. Тәуба! Постоянных компаньонов – трое-пятеро.

У самого старшего (из живых, разумеется) – 91-й год – нескончаемый поток воспоминаний. Плохо видит. Почти не слышит. Но держится молодцом. Прям. Подтянут. Ежедневно часа два-три ходит пешком. Память лошадиная. Помнит казахскую историю со времен Чингис-хана. По имени-отчеству назовет всех партийно-советских деятелей разных рангов с правления Ж.Шаяхметова. Знает всё и всех. Рассказывая о каком важном кадре полувековой давности, имеет привычку загадочно предупреждать:

– Позвольте его имя не называть.

Должно быть, опасается, что мать-сыра земля донесет «хабар» до усопшего.

Милый старикан: воспринимает жизнь светло, ни на что не жалуется. Вежлив. Деликатен. Участлив. Внимателен. Держится достойно. Беседовал с ним, правда, тяжелехонько из-за тугоухости. Каждую фразу приходится прокричать дважды, а потом ее же в ухо вдалбливает услужливая дочь.

Другой давний собеседник-компаньон (86 лет) – тоже своеобразная личность: профессор, экс-препод, крупный специалист по животноводству, знаток казахского фольклора, истории, культуры, умеет красочно слагать-произносить батý-благословение, бывал за границей, был на короткой ноге с выдающимися людьми своей эпохи, познал судьбу – свою и чужих.

Но в последние годы все его тяготит: зрение, слух, слабость, изнурительная жара, дороговизна, негативные вести, уровень образования, упадок духовности, потеря национальных ценностей, качество еды, лекарств, вкус мяса, кумыса, шубата, несуразные законы, бестолковая политика, отсутствие эликсира, катастрофическое убывание сверстников, шайтанова спешка – словом, все, все, что творится вокруг. Тревога не покидает его: какая грядет зима, сколько будет стоить соғым, что ждет аулов, что станет с казахами, кто кого похоронит и вообще, куда течет жизнь. Все это внушает ему страх, беспокойство, неотступную тревогу. При всей его природной разумности и здравого смысла.

Третий собеседник осторожен, оглядчив, сдержан, все держит при себе, лишнее не говорит, предпочитает делиться лишь тем, что вычитал в газетах или высмотрел по телевидению. Он выше бытовых мелочей, витает в сфере высокой политики, экономики, финансов. Живал за границей. Конечно, и он не лишен житейских проблем, но это исключительно его личные заботы.

Еще делится со мной своими думами-раздумьями наш хан – так я его называю про себя нашего дворника – плотного, туготелого жаркентца. Он цепкий, практичный, знает, почем фунт лиха. Прекрасный хозяин, добытчик. Сноровист. Сумел дать высшее образование трем дочерям, сыну и снохе. Ныне пребывает в заботе о своих внуках и о вожделенной пенсии.

Подсаживается ко мне охотно и разные прохожие, кемпір-сампыр, шал-шаукан – старичье по-русски. Рассказывают о житье-бытье. Исповедуются. О тяготах бытия, о недугах, о негативе. Все в прошлом. И все не так. Қисайған заман.

И от такого окружения, от таких бесед-разговоров откуда у меня позитив? Светлый настрой? Погружаюсь в болото, во мрак. Душа не всколыхнется, не встрепенется. Чувствуешь себя безнадежным старцем. Мафусаилом. Плетешься домой, опустошенный, омраченный. Правда, изредка посещают меня милые молодки-келиншеки, кровь с молоком, ядреные, с огнем в глазах, с лукавой

усмешкой на устах, подпитывают слегка живительной энергетикой.

Се ля ви!

* * *

В наше время слово «великий» стоит одно тенге. Писатели у нас все «великие», «корифеи», «феномены», «патриархи», «дарбазы». Все эти определения в общей сложности составляют 5-10 тенге. Такова ныне шкала ценностей.

* * *

Как следует относиться к жизни? Как к непрерывному подвигу труда.

Только!

* * *

Наступило то время, когда мы не управляем словами, а слова не управляют нами. Мы привыкли довольствоваться словами-пузырями. Не я это говорю. Я только повторяю. А сказал это Хаким Омар в эссе «Паук».

* * *

Я казахстанец. Мир в значительной степени воспринимаю через казахскую призму. Аксакал по-казахски буквально означает белобородый. Льва Викторовича Малиновского, по правде, я с бородой пока не представляю. И еще аксакал означает старейшина, мудрец, почтенный, к словам которого следует прислушиваться. В этом смысле доктор исторических наук, профессор Л.В.Малиновский (Барнаул), бесспорно, аксакал. Если конкретно: аксакал историографии российских немцев.

О российских немцах он активно пишет с конца 60-х годов, когда сама эта тема была в значительной степени табуирована. Это был очень сложный период в судьбе российских немцев. Их исто-

рия, их трагическая судьба крайне нуждались в объективном изучении, осмыслении, правдивом изложении и в элементарном сочувствии. И потому книги, публикации в сборниках, публикации в периодических изданиях, в изданиях, вышедших под его, Малиновского, редакцией, переводы с немецкого, рецензии, публикации о нем самом (таково содержание библиографии, с тщанием и любовью составленной С.В.Язовской) дают не только обширное представление о творчестве неугомонного ученого, лектора и популяризатора, но и о его гражданском поступке и принципиальном пристрастии.

В те смутные, несправедливые времена слово его стоило многого, и к нему прислушивались. В интеллектуальной среде российских немцев (а такая все же тлела, несмотря на гонения, ссылки, лагеря, отлучения от родной культуры, языка, изощренных наветов, на всякие ограничения, социальные, политические, идеологические сатанинские преграды) имя Малиновского имело вес и значение, хотя он и нередко отдавал дань официальной идеологии и под видом научной объективности зачастую выдавал «на гора» то, что одобрялось текущей политикой.

Что было, то было. И закрывать глаза на то не след даже в юбилейной заметке.

Я помню, как в среде российских немцев по всем закоулкам державы всклубилась пыль по поводу его давней рукописи «Streiflichter aus der Geschichte der Sowjetdeutschen». В этом исследовании было много исторических, редких для того времени фактов, обзор известных трудов (Бартельс, Я.Шмидт, К.Келлер, Г.Бератц, И.Дитц, К.Штумп), ссылки на издания советского периода, однако встречались и такие пассажи, которые отказывали многострадальным немцам вообще в каком-либо позитиве.

Меня захлестнул тогда поток возмущенных писем (Д.Гольман, В.Эккерт, В.Клейн, Д.Вагнер, А.Гассельбах, Ф.Больгер, А.Пфейфер, А.Закс, В.Брунгард, А.Реймген, Р.Кёльн, из молодых К.Эрлих, Р.Корн, В.Гейнц и совершенно неизвестные люди со всех углов

бывшего Союза), помню и кое-какие публичные отзывы по тому случаю.

Да, это были совсем не те «Streiflichter» и не та «Geschichte der Sowjetdeutsche», в чем остро нуждались оболганные и униженные.

Дело давнее, теперь я мог бы о том и умолчать, но это было бы непорядочно и необъективно с моей стороны, так как момент на том этапе был ключевой.

К деяниям Малиновского я приглядываюсь и поныне, не однажды писал о нем, восхищаюсь его интеллектом, разнообразными знаниями, принципиальностью, верностью однажды избранной стезе, мобильностью и высоко ценю его вклад в отечественный Deutschtum во всех ипостасях. Содеянное им вызывает уважение и восхищение.

У него славные гены, образцовая биография, достойный жизненный путь, высокие стремления, просветительский дух.

Девяносто лет – это долгожитель. Прожить девяносто лет – мужество. А сохранить при этом здравый ум и жажду творчества – дар благосклонной судьбы.

Вообще-то и меня посетила круглая дата, и по поводу этого Лев Викторович пишет мне в частном письме: «...будем надеяться, что эти круглые даты для нас обоих окажутся лишь промежуточными и преходящими».

Такой штандпункт мне по душе.

Сердечно поздравляю Вас, почтенный аксакал Лев Викторович, со столь знаменательным юбилеем

* * *

Я прикинул: полное собрание моих опусов потянет примерно на 20-25 томов. Весь вопрос: а кому это нужно? Ведь столько же могут выдать и Кекилбаев, и Магауин, и Жумадилов, и Сматаев, и ... еще столько же. Эдак можно засорить все библиотеки. А читатель в Интернете пасется.

* * *

Я нахожусь на подступах к 80-летнему рубежу. Самое время поговорить о дураках.

Дураков на белом свете тьма. Куда ни посмотри, дурак на дураке сидит и дураком погоняет.

Что касается меня, то с годами все острее чувствую, что глупею. Без кокетства. Без самоуничижения. Вполне реально.

Самый умный – точно помню – я был лет пяти от роду. Тогда меня осеняли одни здравые мысли.

Помню, сумрачным и слякотным осенним вечером 1940 года мы – родители и я – направились из бабушкиного дома в Мангейме (еще на Волге, значит) в колхозный клуб. Я бойко топал впереди, гордый тем, что указываю родителям дорогу. Отец посмеивался: ты, дескать, еще мал. И я изрек:

– Чем старше человек, тем он глупее.

Папа пришел в восторг от этой сентенции и повторял ее потом повсюду.

Теперь, семьдесят три года спустя, думаю: должно быть, бог вложил эту «мудрость» в мои детские уста.

Ныне, вспоминая разные мелкие досадные глупости в моей немалой жизни (не то ляпнул, не так себя повел), все чаще себе говорю:

– Дурак! Дурачина! Дурень! Остолоп!

Мой давний знакомый, философ и государственный деятель, живо рассказывая о человеческих неистощимых глупостях, непременно заключает:

– Вот дорақтар! Ай, дорақтар!

В нашем ауле был один балá, которого все звали Дорақ. Потом, когда ему вручили аттестат зрелости, выяснилось, что он не Дорақ, а Дулат (или Болат). А Дорақом его прозвали потому, чтобы его не сглазили, чтобы шайтан не обращал на него внимания. В самом деле, с дурака какой может быть спрос? А став Дулатом, он оказался не только смышленым и умным, а талантливым, незаурядным и скончался на взлете карьеры, не достигнув и сорока лет.

Вообще я заметил: среди дураков особенно много долгожителей. Умные умирают рано: видно, они являются дефицитом и на том свете. А дураки чаще всего процветают: становятся докторами наук, академиками, писателями, государственными деятелями, министрами и даже президентами... фирмы или государства. Иногда поневоле подумаешь: дурак – двигатель прогресса и украшение жизни.

А какое разнообразие дурачья!

Писатель Алибек Аскаров приводит в своем избранном синонимический ряд казахского дурака: есалаң, әумесер, ақымақ, дәндүріс, дәлдір, есер, есуас, екіұрық, делқұлы, жарымес, дәліс, дәйіс, әпенді, қызық адам, накұрыс, дүңгана, әңгүдік, жынды, әулекі, жартыкеш, ессіз, ожар, екі есті, есерсоқ, кеңкелес, мәжнүн, суми, миғұла, меңіреу, кеще, мәңгі, әңгі, даңғой, әңгір, есі ауған, жарым, құтырған, есірік, малғұн, ауыс, бәдік, ақылсыз, тасыр, одыраң, топас, дүлей, милау, шалық, перғауын, дәлекүс, ләухи, ұрдажық, мисыз, көкжын, жын, албасты, бәңгі, пернеме, мәңгірік, көкми, моты, шайқы, мәңгүдік, дәлдің, саудайы – 66 слов! (См. Әлібек Аскаров, Таңдамалы, А., «Раритет», 2014, б. 335).

Это вовсе не значит, что среди казахов – обилие дураков. Наверняка из этих приведенных выше слов имеет свой русский адекват (придется только немного порыться в словарях и в памяти знатоков).

Обратимся к Владимиру Далю. Этот полудатчанин, полунемец знал толк в нюансах живого великорусского языка. В толковом его Словаре немало места отведено дураку.

Здесь было бы уместно привести всю статью Даля. Но она слишком громоздка, и я ограничусь лишь выпиской нескольких пословиц и попутных толкований. Любопытный читатель может заглянуть в первый том на букву «Д».

Вслушайтесь в русские пословицы относительно дурака.

Матушка-рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеница по выбору.

У богатого мужика, уроди Бог сына дурака.
Чужой сын дурак – смех; а свой дурак – смерть.
У людей дураки – любо каки, а наши дураки – вона каки.
Старые дураки глупее молодых.
От старых дураков молодым житья нет.
На дурака вся надежда, а дурак-то и поумнел.
Нашел дурака!
И дурак своей шкуры не продаст.
Ищи дурака, опричь меня.
И дурак красному рад.
Где два дурака дерутся, там третий смотрит.
Пьяный проспится, а дурак никогда.
Свяжись с дураком, сам дураком будешь.
Не дурак, а родом так.
Дурак по дуру далеко ходил.

Довольно, однако. Таких пословиц у Даля в три-четыре раза больше, чем я тут выписал. А вообще русскому дураку почет. Фольклор его обожает. Вспомните Емелю-дурачка, Ивана-дурака.

А как его по-русски нежно и ласково называют! Дуралей, дурандай, дурандас, дурастель, дурачина, дурачища, дураша, дурень, дуришман, дурбень, дурачок, дура, дурочка, дурашка, дурандаюшка, дурында, ду́рица, дурафья, дурняшка, дурнушка.

Дураком и дурой называли еще и индийского петуха и индюшку. И растения какие-то. А сколько производных слов от этого корня! Обалдеть!

Очень сложное божье творение – дурак. Похоже, к нему и сам Создатель благоволит.

А вообще кто такой дурак?

Даль поясняет:

Глупый человек, тупица, тупой, непонятливый, безрассудный;
Малоумный, безумный, юродивый.
Шут, промышляющий дурью, шутовством.

А еще бывает умный дурак, скромный дурак, тихий, буйный, пакостный, остолоп, простофиля, ротозей, слюнтяй, балбес, балда, орясина... Есть и чудаки, и чудаки на букву «М». Э, разве всех упомнишь, перечислишь?

Отдельная статья – дурак с национальной окраской.

Случается, дураки выражают мудрые мысли.

Дурак, бывает, такое ляпнет, что хоть стой, хоть падай.

Я таковых встретил в самых высоких сферах и ступенях власти.

Один известный казахский дурак похвастался жене: «Ай, байбише, как хорошо, что я успел справит большую нужду еще до барана!» Таких дураков казахи называют кыртами.

Один русский дурак, высокопоставленный идеолог компартии, с важным видом повторял, что у дружбы границ не бывает.

Один немецкий дурак с апломбом заявил на московском семинаре: «Как преподаватель математики и астрономии я вам честно скажу, что звезда с звездою говорить не может!»

А вот обозначений для дурака в немецком языке негусто. Видно, просто я не в курсе.

Напряг свою хилую память и вспомнил «немецких» дураков: Narr, Tor, Dummkopf, Tölpel.

В нашем поволжском (гессенском) диалекте звучали еще Dallei, Maulaff, Dummfriz, Dummhans, Scheipkerl. Правда, в словарях я этих слов не встретил. На своих русскоязычных внуков моя мама говорила: «Ach du... колофа пез ум».

«Колофа пез ум» ныне – моя голова.

Почему-то на Востоке ишак – тупое, глупое создание. Азиатский «ишак» и русский «козел» обрели схожий статус, сопоставимое реноме. Все недотепистые мужчины – сплошь ишаки и козлы.

Весьма спорное утверждение.

Козел – умный, инициативный, энергичный, своенравный бараний вожак. Любой овчар подтвердит.

А осел сыграл и до сих пор играет важную роль в истории человечества. Он неприхотлив, упрям, настойчив, покладист, неутомим, выносли, работящ.

Мне рассказывали, что в Германии большим авторитетом пользуется «Общество ослов». Даже крупные государственные деятели якобы считают за честь состоять членом такого общества.

В Копенгагене в беседе с датским парламентариями (они впервые видели поволжского немца из Казахстана) я им кое-что поведал о своей судьбе и жизни. Один из собеседников снял с лацкана своего пиджака значок с изображением буйвола в напряженной стойке и при всех объявил, что отныне я почетный член «общества буйволов». Значок этот – символ напористости, упрямства, жизнестойкости, мужества в достижении цели. Я храню его ровно двадцать лет.

Считается, что евреи – самый умный народ. Я как-то спросил у покойного моего друга-коллеги Мориса Симашко: «Среди евреев дураки встречаются?» Морис Давыдович ответил: «О, у евреев все в превосходной степени. Если еврей дурак, то он всем дуракам дурак. Таких дураков и свет не видывал!»

Допускаю.

Мне встретились несколько таких экземпляров. Они давали солидную фору русским, казахским и немецким дуракам.

Что-то я еще хотел поведать о дураках. Но пока я писал эти строки, все улетучилось из моей башки. И я поставил точку и сам себе сказал:

– Дур-рак!..

А вообще-то хочу сказать:

– Слава дуракам!

Без них было бы совсем скучно на этом свете.

* * *

В рассказе «Сверчок» Бунина наткнулся на фразу: «Пахло от него махоркой, кожей и еще чем-то острым, как от всех стариков».

Подумал: Я ведь тоже старик, чем же от меня пахнет? Ну, никак не махоркой (я ведь не курю), никак не кожей (не шорник же), может, немножко лекарствами да канцелярскими предметами: бумагой, фломастерами, шариковыми ручками, клеем.

А вообще-то я запахи очень остро и нежно чувствую. Знаю, чем пахнет русское село, украинский хутор, немецкий дорф, узбекский кишлак. А поразил меня запах парижских и германских общественных туалетов. Розой пахнут! Надо же!

* * *

Иногда спорят: зачем писать, когда обо всем уже написано.

Или: зачем писать, когда ныне никто никого не читает. Все в Интернете сидят.

Или: зачем писать, если ни копейки гонорара не платят?

Вроде бы резонно.

Я же считаю: все дело в том, кто пишет, о чем пишет, как пишет, для чего пишет, кому пишет.

В «Жизни Арсеньева» Бунин цитирует старинное русское изречение: «Вещ и дела, аще не написании бывают, тмою покрываются и грабу безпамятства предаются, написании же яко одушевлении...»

Мудрые, назидательные слова!

Я вообще-то прожил немалую жизнь, кое-что перевидел, перечувствовал, пережил. Уж коли я шкрябаю пером, моя обязанность, мой долг по возможности, посильно о том поведать. Иначе все тьмою покроется и гробу беспамятства предается...

Женге-женеше

Хотя и я этнический немец, но у меня тоже есть женге именно в казахском понимании. Одну из них я знаю полвека и ничего худого о ней сказать не могу, хотя всегда чувствовал, что ко мне она с самого начала относилась настороженно, нелюбезно, а точнее сказать – просто никогда недолюбливала. Она постоянно подчеркивала, что я не ее поля ягода. Склонна она была по всякому поводу меня задеть, уязвить, унизить при внешней толерантности и показ-

ной вежливости. Меня это поначалу несколько обескураживало, даже озадачивало, но потом я понял, что так она настроена против всех, кто находился в контакте с ее знаменитым мужем. Впрочем, она и мужа не жаловала, в грош не ставила: помыкала им, шпыняла, подкалывала. Особенно в кругу его друзей и знакомых. Мужа она посчитала за тряпку, за слугу, за неумеху-бедолагу, который только тщится показаться корифеем неизвестно чего.

Может, она таким образом подхлестывала его честолюбие? Вполне допускаю, ибо она претендовала на даму высшего света. Когда, у мужа случались неудачи и разные промахи в творческих интригах или судейских тяжбах, она откровенно злорадствовала. К популярности его относилась насмешливо, ставя ему в укор славу других. Он ее покорно терпел, заводя мелкие шашни на стороне.

Меня с ее мужем связывала общая работа, и я часто посещал этот дом. Даже живал у них по нескольку дней. Она еще с порога встречала меня косым взглядом, выразительно смотрела на мои бахилы и с нескрываемой досадой спрашивала будто ледяной водой окатывала:

– Ты зачем пришел? Тебя Какиша позвал?

Какишей она звала своего мужа.

Бывало, предупреждала:

– А у нас гости.

Это означало: да, у нас гости, важные птицы, элита, не тебе чета. Так что...

У меня запылали щеки, а по хребту пробежал холодок.

– Извините. Я не знал. Зайду позже.

И поспешно ретировался.

Однажды она спросила:

– Что такой смурый? Что-то болит?

– Болит, женге.

– Что?

– Душа, – ответил я.

– Душа?!!

И она расхохоталась, хотя ее невозможно было заставить улыбнуться.

– Да, представьте, душа.

– Ха-ха-ха! У него душа болит! Ой, умру! Да где она, душа-то? Как может болеть то, чего в помине нет?!

Я обомлел, сообразив, что у моей жеңге действительно души нет.

И здоровалась она со мной отстраненно, снисходительно.

– Ия, амансың ба? («Ну, здоров ли?»)

И я отвечал ей в тон.

– Э, тіріміз ғой. («Э, вроде пока жив»)

Со временем у меня пошли книги, обо мне стали все чаще писать, иногда перепадали гонорары. Это обстоятельство мою жеңге особенно раздражало. Как же так?! Книги должны выходить только у ее мужа. Он, конечно, растяпа, но, говорят, корифей, классик, талант. И гонорары должны быть только у него. И она стала здороваться так:

– Ия, байып жатырсың ба? («Что, богатеешь?»)

– Богатею, – отвечал я смиренно.

– Сколько денег накопил?

– Ай, деньги – пішен (сено). Кто их считает?!

– Ну, так подкинул бы нам охапку-другую.

– Хотел было. Да у вас, вижу, и так мусору много.

– А тебе какое дело до нашего мусора?

– Боюсь споткнуться невзначай.

Так мы любезно пикировались.

– Слушай, – сказала она как-то. – Ты вроде знаешь казахский язык. Тебя считают переводчиком. А почему ты называешь меня жеңге?

– А как? Ваш муж по казахскому понятию мне вроде как старший брат. Вы его байбише. Значит, для меня жеңге.

– Не «жеңге» надо говорить. – Она поджала тонкие лиловые губы. – А же-не-ше. Понял?

Нет, женеше я ее назвать никак не мог. Слишком нежно, любовно, слащаво.

Она темнела лицом, когда ее муж (азартный игрок) начинал рубиться со мной в шахматы. Играл он абсолютно беспомощно, и его бесконечные проигрыши угнетали ее. Ну, нельзя же, чтобы ее муж, корифей, проигрывал какому-то встречному-поперечному.

– Давай-ка со мной! – рвалась она к доске.

Но играть с ней я наотрез отказался. После чего она меня и вовсе запрезирала.

Вообще-то одну партию я с ней как-то сыграл. Она двигала фигурами, непременно приговаривая: «Ага, он нацелился сюда, а я пойду туда. Он объявит шах, а я прикрою короля офицером. Он пожертвует коня за две пешки и выдвинет туру. И тогда я отступлю королем...»

Вот так она долго размышляет-комментирует прежде, чем сделает, наконец, ход.

И я решил никогда больше не играть.

Однажды мы с ее мужем только сели было за шахматную доску, как она незаметно подкралась и в раздражении пнула доску так, что фигуры, подпрыгнув, разлетелись по всей комнате.

Муж застыл с открытым ртом, а женге пробурчал:

– Дома сметаны нет, а он шахматами забавляется!

Я встал и тихо ушел. Всю жизнь женге силилась внушить, что она по всем параметрам выше мужа, хотя он классик, и корифей, и еще бог знает кто.

Такой типаж!

На старости лет очутилась у разбитого корыта, а хорохориться по-прежнему, изображая из себя незаурядную персону. Ай да женге-женеше!

* * *

Все имеет свою национальную окраску. Даже стычки-потасовки. Как дерутся немецкие бурши-увальни, я знаю только по лите-

ратуре. Дрались, пишут, как на кулаках, так и на шпагах. Куролесили якобы дай Бог.

Не видел. В той среде не жил.

Бывая мальцом в поволжских дрофах Гнаденфлюрского кантона на немецких гуляньях-посиделках, на свадьбах, на днях рождения, я не лицезрел ни одной драчки. Я и немецких ругательств не слышал, кроме, разве, «Сакрамент!» и «Доннер-веттер!» и еще двух-трех нецензурных слов. Отец мой вообще всю жизнь обходился без бранных выражений на любом языке.

Из воспоминаний мамы я знаю, как в 20-х и начале 30-х годов прошлого века, во время раскулачивания и коллективизации случались памятные драки между парней по классовым причинам (активисты «Союза бедноты» и так называемые кулацкое отродье), а также из-за девок. Бились, рассказывала мама, смертным боем: в ход шли кастеты, дубинки, тесаки, плетки, колья, зубья бороны, железные прутья. Об иных побоищах говорили на все лады годами. Бывали регулярные стычки между соседними деревнями – лютеранами и католиками.

Празднества поволжских немцев я еще застал. Играл, как правило, духовой оркестр. Его сменял струнный. Пели старинные народные песни. По многу раз особенно слаженно «Schön ist die Jugend», разные самодельные шнёкель-частушки на злобу дня. Танцевали. И не как попало, а чинно, торжественно, по всем правилам, разбившись на команды по 6-8 пар, притоптывали так, что половицы скрипели-гнулись, танцоры друг-друга подзадоривали, ярили громкими возгласами-вскликами: «Ю-хей! Ю-хай! Оп-сасá!» Веселились от души. Откалывали номера, забыв о всех делах-заботах. Столы ломались от яств: свиные сосиски, студень, креббели, клецки, соленья, пироги с мясом, с ливером, с яблоками, грушами, смородиной, пасленом. Иногда поросенок, поджаренный, подрумяненный на вертеле.

Было это перед войной, аккурат в урожайные годы, и теперь мне чудится, что жили тогда поволжские немцы вполне зажиточно.

Скорее всего, так оно и было.

А пили – смешно говорить – по нынешним меркам самую малость. Весь праздничный стол украшал один пузатый графин с домашней наливкой или бражкой и две-три чекушки водки. Стопки были с наперсток из толстого стекла вместительностью, думаю, 15-20 граммов и рюмашки на высоких ножках такого же примерно объема. Залпом стопочку никто не выпивал, это считалось крайне неприличным, постыдным. Пили в два-три приема под настроение. И всем было весело. Питухом в родительском селе Мангейм слыл мой дядя, онкель-Фриц. О нем с некоторым ужасом говорили, что он пьет доппельт, т.е. осушал аж две стопочки. Выпив, он выделывал длинными веселыми ногами такие замысловатые па и так лихо дурачился, что все вокруг умирали со смеху. Сын его, Вольдемар, и дочка Вера, Вильгельмина и Виктория на мандолине, гитаре и балалайке играли специально для отца озорную польку.

Пишу о том, что видел.

Веселье длилось обычно все воскресенье. И никаких драк, стычек, столкновений-недоразумений не случалось.

А вот урусы дрались свирепо, не понарошке, по-настоящему. Унять-разнять драчунов было почти невозможно. Они словно сходились на ристалище, где исход был один – победа. Зрелище бывало страшным. Пыль столбом. Мат раскатывался многослойный и многоцветный. Размахивали кулаками, пинали по самым чувствительным местам, норовили бить по мордасям, разбивали носы, закатывали звонкие оплеухи. На кровь не обращали внимания.

Я это видел и на Волге, в Солянке, где отец работал недолго лекарем, и в Казахстане, и даже в фойе Союза писателей, на разных тусовках. И каждый раз удивляло меня то, что после таких бесшабашных побоищ, драчуны на другой день пили мировую, будто ничего и не было. На подобное, кажется, способны только урусы. О кавказцах судить не могу.

Жил в нашем ауле один лихой урус-малай. Рыжий, конопатый, жилистый, мутноглазый сорвиголова лет семнадцати-восемнадцати.

Единственный сын аулсоветской уборщицы и жалмерки тети Иры. Ох, агрессивный был, конфликтный. Дрался – любо-дорого смотреть. Против пятерых аулчан смело шел один. Бил руками, ногами, калганом-башкой так, что здоровенные джигиты, кулем, набитой бараньей шерстью, отлетали прочь.

Он часто уезжал и пропадал месяцами в криминальном Кызылжаре, где якобы снюхался с бандитской шайкой и отборным жульем.

Вполне возможно.

Помню, старшеклассники-интернатовцы во главе с местным забиякой-батыром решили проучить Лёньку-наглеца. Собрались человек двадцать храбрецов, подловили как-то Леньку возле аулсовета, взяли его в плотное кольцо, не скрывая своего зловещего намерения. Надо же! Двадцать джигитов на одного Ленку! Я подумал: теперь Леньке капут. Измочалят, запинают, затопчут.

Не тут-то было.

Ленька мгновенно сориентировался, выхватил откуда-то увесистую железяку, издал дикий клич: «Каррамба! Полундра!» и ринулся чертом в самую гущу карателей.

– Ойбай! Ойбай! – зашлись они дурниной и разбежались-рассыпались кто куда, трусливо оглядываясь издалека.

– Эй! Собачьи дети! Куда драпаете? – завопил хрипло Лёнька. – А ну, подходи!

Никто не подходил даже на расстояние брошенной палки.

Директор школы, сухорукий сморчок, наблюдал за этой сценой с крыши своего сарая.

Той же ночью, ближе к рассвету дом директора охватил огонь.

А Лёнька исчез. Как в воду канул.

О его дерзкой выходке шептал-гудел весь аул. Мне показалось: с восторгом.

Через несколько лет прошел слух, что Ленька погиб в какой-то разборке то ли в парке Кызыл-жара, то ли на базаре Омска.

А я с тех пор сделал вывод: урусов в драке не одолеть и лучше с ними не связываться.

У казахов стычки-төбелесі: имеют свой колорит. Опишу, как это обычно протекало в ауле, на тоях, свадьбах, где собирались, как водится исстари, и стар, и млад – от шестидесятилетнего старца до шестилетнего мальца.

Все происходило чин-чинарем, по ритуалу, по традициям, заповеданным предками. И беташар был, и домбра шла по кругу, и пели – соло и хором в унисон, и дастархан бывал не бедным, хоть и время было бедное, и мясо раскладывали по подносам-табáкам, как положено – кому баранья голова, кому – тазовая кость, кому – грудинка, и гости располагались соответственно статусу, все при этом учитывалось – возраст, род, общественное реноме, родственные связи, и каждый знал, чтó ему положено, что дозволено, что приличествует данному торжеству. Не должно быть обиженных, обделенных, недовольных.

Однако без башибузуков какой той? О чем же тогда говорить-вспоминать потом? Другое дело, когда на том пиру схлестнулись-поцапались Паленшеев с Тугеншеевым, тогда один забияка отдубасил всласть другого. Какие-то есеры-эумесеры должны спровоцировать небольшую ругачку, драчку, стычку. И таковые в самый разгар тоя или ближе к концу непременно находились. И причина какая-никакая появлялась.

– Эй, кто ты такой, чтобы выступать раньше меня? Тоже мне шишка нашлась!

– А ты что, с неба свалился ногами вперед?!

– Ты на меня голос не повышай! И глазами не сверкай. Или ты байский сынок и всегда прав, хоть и глаз кривой?!

– Прикуси язык. Вырву! Скулы сворочу.

– А я твой нос с мордой сравняю.

– Оттуоймат! С дерьмом смешаю!

– Уши оторву!

– Помочусь на могилу твоего деда!

– Затрахаю твою мать!

– Мать не трогай, суболыш!

– Па-ди-лес!

И пошло-поехало. Драчуны, разгоряченные хмельным недельным кумысом и вниманием ротозеев, хватают друг друга за грудки, вращают глазами, начинают толкаться, пинаться, изрыгивать проклятия и русско-казахские ругательства.

– Ой, атаңа нәлет!

– Мать твою!

– Отца твоего в рот!

– Подонок! Пәділес! Сссуболыш!

Джигиты-миротворцы бросаются к драчунам, стараются их оттаскивать, разнимать, за руки хватать и тоже орут на все лады. Вокруг снуют любопытная малышня. Хатуны-бабы ахают, вскрикивают:

– Ойбай! Ойбай!

– Да уймите же их!

– Какой стыд! Испортили той!

– Убьют друг друга.

– Искалечат...

А драчуны, все более распаляясь, вырываются из цепких рук мироносцев, наскакивают друг на друга, визжат, хрипят, норовя звездануть соперника промеж глаз.

– Пусти! Пусти!

– Я ему харю в коровью лепешку превращу!

– Убью, убью, бил-лят!

– Будешь знать свое место.

– Сссобака!

– Хрен снулый!

Уже и дворняжки со всего аула притрусили. Закружились вокруг, взлаивают, подтявкивают, загривки дыбят, зубы скалят.

Сконфуженный хозяин пира, почему-то расстегнув китель военной поры с орденом и медалями, тщетно урезонивает драчунов:

– Айналайындар, уймитесь! Успокойтесь! Моя вина! Готов заплатить аип-пул за свою оплошность.

Какой там! Драчуны уже никого и ничего не слышат. Вошли в самый раж. Наконец, один из них изловчился и саданул костяшками пальцев соперника по скуле. Тот крякнул, зашатался и по щекам его покатилась алая струйка.

– Ойбай! Убил!

– Кровь! Кровь!

– Айда к першалу! Пусть акт составит. Справку даст. До прокурора дойдем. Засудим стервеца!

Потерпевший мигом размазал кровь по всему лицу и в сопровождении ватаги сторонников, шатаясь и постанывая, побрел в сторону аульного медпункта.

Победителя драчки спешно отвели в шошалу, усадили на кошму, поднесли чашку кумыса и кусок мяса.

– Успокойся! Отдышись! От акта-макта никто еще не умер. И в каталажку не посадят. Подумаешь! Зато отстоял честь рода.

Ватага, сопровождавшая потерпевшего, пришла в медпункт, который заведовал мой отец.

– Эй, першал Карл, акт давай. Видишь, в кровь меня избил, суболыш! Башку разбил.

– Акт потом, – сказал носатый, долговязый фельдшер. – Сначала надо рану осмотреть, кровь остановить.

– Нет, нет... кровь потом, – заверещал пострадавший. – Акт давай, акт!

Фельдшер намочил спиртом тампон, протер осторожно пострадавшему лицо от уха до уха, от лба до подбородка и обнаружил малюсенькую царапину возле виска. Он обработал ее, смазал зеленкой, наложил полоску лейкопластыря.

– Ну, всё! Иди, батыр!

Ватага переглянулась.

– Оу, а голова?

– Голова цела. На месте.

замысловатой живой пирамидой (трех-четырех этажной) она, ловко изгибаясь, делала «мост», а я, тщедушный, легкий второклассник, осторожно вставал на ее гладкий, шелковистый, приятно теплый живот и лихо отдавал пионерский салют. Красный галстук с металлической застежкой был только у меня.

Эффектный получался номер!

О том эпизоде Гульсум-апке вспоминала всю жизнь.

...Отец ее был знатным человеком в «Коктереке», чем-то заведовал, проштрафился и очутился в заключении. И шалунья Гульсум познала немало житейского лиха. Но не сломалась. И школу успешно закончила, и независимый, строптивый характер сохранила, и в ЖенПИ (так тогда назывался женский педагогический институт в Алма-Ате) поступила, что считалось тогда знаменательным событием.

Время-то было нелегкое: 1947-й год.

Потом Гульсум потерялась из виду. И в аулах поговаривали, что она вышла замуж за южанина, тоже педагога, и работает в Джамбульской области. Старшеклассницы и руководство школы ее часто вспоминали, ставили в пример. Девушки мечтали пойти по ее стезе, что для аульных казашек было очень непросто.

В 1958-м году, после окончания КазПИ имени Абая в Алма-Ате, меня отправили преподавать русский язык и литературу в далекий районный центр Байкадам.

Еще до начала учебного года я познакомился в районном клубе с местными шахматистами. Среди азартных игроков мне сразу приглянулся молодой крепыш: смуглый, гладколицый, зоркоглазый, уверенный.

Выяснилось, что он преподает математику в той же школе, куда был направлен я. К слову, заметил, что по слухам где-то здесь работает и Каленова Гульсум.

– А?! – изумился крепыш. – Откуда ее знаешь?

– Землячка.

– Не дейді?!. Знаю, знаю Гульсум. Могу отвести тебя к ней домой.

Дальнейшее описано мною в романе «Зов».

Гульсум я сразу узнал (приятная, плотно сбитая келиншек), а она меня – нет.

Разговорилась. Обнялись. Гульсум прослезилась. Надо же: земляк, одношкольник, братишка, защитник-родич!

А крепыш Толек оказался ее мужем. И было у них уже двое или трое детей.

Меня они приняли как родственника. И я у них бывал часто. И Гульсум меня рьяно опекала. Будучи в научной командировке по аспирантским делам, я даже живал у них.

И позже, десятилетиями, встречались в Алматы, в аулах Северного Казахстана, в Джамбуле, Байкадаме, дома. С женой бывали на свадьбах их старших детей. Толек ушел рано. Гульсум регулярно общалась со мной, подолгу рассказывала по телефону о житье-бытье, бывала на моих юбилеях, интересовалась моим здоровьем, моим творчеством, давала советы в менторском тоне, написала несколько книжек о воспитании и преподавании родного языка и литературы, попеременно наведывала своих детей и внуков, развеянных по городам и весям Казахстана, критиковала современные нравы, осуждала рвачей и хапуг, разоблачала местное жулье, жаловалась на недуги.

Вернувшись из бесчисленных поездок своему сыну в Алматы, она первым долгом звонила мне и подолгу рассказывала о своих впечатлениях, настойчиво убеждая, чтобы я меньше работал и больше заботился о здоровье.

В последний раз она сообщила, что уезжает в Байкадам. Мечтает написать еще одну книжку, но одолевает слабость, кружится голова и глаза плохо видят.

По казахскому, разумению, я приходился ей братишкой и еще младшим деверем, она же – әкпе, то есть, старшей сестрой.

Уехала Гульсум на какое-то очередное семейное торжество, планировала объехать и других своих чад и многочисленных сватов, близких и дальних родичей. «Приеду – позвоню. Аман болайык».

Прошел месяц. Другой. Полгода. Год. О Гульсум-экпе ни слуху, ни духу. И я все чаще вспоминаю ее. Телефон алматинского сына не отвечает. Неужели ушла, а дети не удосужились меня известить? Может, решили, что я тоже ушел? Я пишу эти строки, точно не зная, жива ли она...

Такова судьба моей казахской экпе, достойной повести о жизни.

* * *

Давно замечаю: мои казахскоязычные коллеги немного недолюбливают Бахытжана Канапьянова. Точнее: недооценивают его. Или, скорее, недопонимают. Замалчивают.

В чем дело?

По моему разумению, в том, что его не знают, почти не читают.

А зря! Он признанный и в стране, и – особенно – за ее пределами поэт, прозаик, «киношник», издатель, блестящий эссеист, публицист, переводчик, составитель книг, редактор, организатор, популяризатор национальной поэзии, деятельный гражданин, инициатор светлых идей, приятный человек, книголюб.

Etcetera. Не буду далее перечислять.

Словом, многоодаренная, броская личность.

И регалиями-званиями облеплен сверху донизу.

Конечно, иным завидно.

А иным не нравится, что он:

– пишет по-русски;

– близок к Олжасу;

– чингизид;

– идет своей стезей.

Увы, мои братья-казахи своих выдающихся людей не ценят. Есть такой изъян. Не я это говорю. Читайте Абая. Стоит кому-нибудь выдвинуться, как начинают его за подол цапать, подножку

ставить, палку в колеса совать, топтать, преследовать, тумаками угощать, в каталажку прятать, а то и сикир-башку сотворить.

Тому не только я свидетель. Живая история.

Бахытжан – зрелый художник. Дожив до возраста пророка, он немало содеял.

Меня восхищают его эссе – скажем, об Ауэзове и Айтматове. В них слышится гармония духа, крепкая вязь содержания и формы, сплав вдохновения и полета мысли.

Знаю: Бахытжана выдвигали на Госпремию, но именно казахи стали ему преградой, отсеяли, отторгли.

Между тем его творческая судьба – не чета многим. Он достоин и Госпремии, и Героя Труда. И ему эти звания присвоят, как всегда, с опозданием, когда эти почести ему до лампочки.

В Казахстане вообще принято талантливого человека сначала гнобить, шельмовать, а потом – нередко после кончины – объявить великим. И тогда –извините – даже его дерьмо благоухает.

* * *

Отчего моя тревога, а порою – боль?

Ой, много причин.

Вот политолог Жумалы задал в «Жас Алаше» 20 зубодробительных вопросов Путину, а Президент России, скорее всего, о том и не ведает. Апырай, кто он такой, чтобы третировать знатного политолога независимой страны? Или он так растерялся, что не в состоянии ответить на каверзные вопросы нашего азамата?

Меня это очень даже обескураживает.

Или вот еще досадный факт: совсем испортились отношения между сатириками Габбасом Кабышевым и тем же Путиным. Габбас мне близок, а Путин далек (с ним я даже за руку никогда не здоровался). И вот думаю до головной боли: как бы мне их помирить? Ведь Путин может и не вынести ударов Габбаса. Заболеешь тут.

Еще и аруах Александра Исаевича не спокоен. Опять-таки неистовый Габбас его смутил-задергал. Собрал все старые, отработан-

ные КГБ-ные сплетни-наветы и обрушил их на голову покойника, а урусы о том ничего не знают и готовятся пышно отметить его столетие.

Ай, досадно!

Я ведь ратую за связь культур, за укрепление родства разноязыких духов, за гуманное познание. Я же как-никак лауреат премии мира и духовного согласия. А тут все мои старания коту под хвост. Близкие мне люди сеют зло. Ненависть и невежество правят бал. Как тут быть здоровым?1

* * *

Вообще-то стареть полагается с достоинством, не впадая в посмешище и маразм. Увы, не всем дано. Не всем по плечу.

И еще: стареть надо здоровыми. Поелику это возможно.

* * *

На пороге 80-летия о ком я думаю чаще всего?

О родителях, об отце-матери.

С кем мне хотелось больше всего встретиться?

С родителями, с отцом-матерью.

Конечно, это невозможно. Но мысленно я с родителями встречаюсь и во сне, и наяву – в вечернюю сутемень, когда день на исходе, ты особенно остро чувствуешь свое одиночество и на душу наползает неизбывная печаль.

Ну, хорошо. Допускаю, я встретился бы с родителями. Но узнали бы они меня сейчас, нынешнего, великовозрастного? Ай, вряд ли...

Когда ушла мама, мне шел 60-й год. Я был еще в порядочной форме. Отца в последний раз живым я видел, когда мне было почти 65. Я был уже болен, но вполне адекватен. Ныне я сам на себя смотрю с неприязнью. Я ли это? Имею ли я какое-то отношение к тому, кто родился 80 лет тому назад в г. Энгельсе во второй городской больнице? Иногда мне кажется ни-ка-ко-го. Тот истаял, испа-

рился в тумане времени, растворился в нескладной судьбе, а этот, нынешний, – лишь некая тень, бредущая неприкаянно в азиатской дали. И родители в этой невесомой тени вряд ли признали бы своего первенца, взлелеянного любовью и прилежанием. И наверняка не сообразили бы, как и о чем с ним пошпрехать.

А мне до умопомрачения хотелось бы с ними встретиться, припасть к ним и горячо, по-сыновьи и обнять и просто долго-долго помолчать.

Безнадежно грустно и тоскливо оттого, что это немыслимо, невозможно никогда, никогда, niemals und ешкашан.

* * *

В который раз с восторгом перечитываю «Жизнь Арсеньева» И.Бунина. Одухотворенное, поэтическое творение! Вчитываюсь в эту колдовскую вязь, поневоле сопоставляю свои скудные жизненные этапы с вехами становления отпрыска барина-дворянина. Да, отец Арсеньева (alter ego Бунина) принадлежал к «большому барству», «не знал никаких преград своим молодым прихотям и желаниям», а что досталось в наследство его впечатлительному и талантливому сыну? «А у меня была только шкатулка из карельской березы, старая двустволка, худая Кабардинка, истертое казацкое седло...»

Что же имел я примерно в этом возрасте? Вместо шкатулки из карельской березы – холщевую самодельную торбу, мною же разрисованную акварельными красками вместо старой двустволки – опять-таки самодельная рогатка, из которой даже по воробьям пулять было грешно. Худая Кабардинка и во сне не снилась. Вместо истертого казацкого седла – два обшарпанных, грубых костыля.

Далее Бунин пишет: «Я был лишен чувства собственности, но как мечтал я порой о богатстве, о прекрасной роскоши, о всяческой свободе и всех телесных и душевных радостях, сопряженных с ними!»

Ойхой, дуние!

Понятие о чувстве собственности у меня и в помине не было. И ни о какой роскоши и богатстве я и не мечтал. Мое богатство, моя роскошь, мои сокровенные мечты заключались в том, что у меня были прекрасные, заботливые, трудолюбивые родители. Был казенный дом. Была крыша над головой. Был огород. Были доброжелательные аулчане. Были простор, ковыльная степь, березовые колки, непролазный тугай, тихая, задумчивая в летнюю пору река Есиль.

Совсем немало!

А что представлял из себя я?

Нескладный, хворый юноша, передвигавшийся на костылях. Монотонная жизнь в убогом захолустном ауле. Как раз в эту пору (16 лет) меня взяли на учет комендатуры. Ссыльный. Бесправный. Лишенный отчего края. Рано почувствовавший несправедливость бытия. Душевный отшельник. С зарубками на сердце, которым не находилось объяснения. Постоянное чувство подавленности духа.

Неприкаянность, одиночество, душевная смута, неизбывная тоска и боль особенно чувствовались во время летних каникул. Интернатовцы, приезжие учащиеся старших классов разъезжались по аулам, по дальним и близким родственникам, посильно помогали по дому – косили сено, собирали топку, чинили подворье, пасли скот, перекладывали дерн на крышах. Аул пустел. Взрослые пропадали на поле, на стане, ремонтировали загоны для скота, выпалывали сорняки. Мама хлопотала по дому и медпункту с утра до вечера. Папа усердно обслуживал аулы своего радиуса, оказывая всевозможную медицинскую помощь.

Бездельничал – из-за своей убогости – только я. Меня это ужасно угнетало. Что я мог? Писать отцовские отчеты, в райздрав – месячные, квартальные, полугодовые, какие-то обзорные, конъюнктурные; еще выписывал в особую тетрадь выводы из глав «Краткого курса ВКП (б)» для самостоятельного обучения политической грамоте. Маме помогал крутить маслобойку, сепаратор, иногда мясорубку, присматривать за огородом, вовремя насыпать курам не-

сколько горстей отхода. В остальном я был предоставлен самому себе. В конце огорода, рядом с акациями, отец соорудил для меня шалашик, в котором я и пропадал день-деньской, умирая от скуки и бесплодных дум. До одури читал, сочинял на казахском дурные стишки, вырезал из газет портреты лауреатов сталинской премии всех трех степеней, грезил о здоровье, о свободе, о красивой, полезной жизни, смутно представляя, что это такое.

Дни тянулись бесконечно. Ничего в ауле не случалось, не происходило. Обморочная тишь. Изредка взлаивали дворняги, невпопад орали петухи, дурниной заливался чей-то ребенок, за домами визгливо проезжала раздрызганная колымага. Сонное солнце подолгу висело в зените; по небу плыли невесть куда скучные облака; со степей уныло дул ветерок; над картофельной ботвой кружились осы; в кустах угрожающе гудел мохнатый шмель.

Для здоровья мне было прописано областным эскулапом лежать в тиши и покое на свежем воздухе, на нагретом песке, подставляя больную ногу целительным солнечным лучам. Мама приносила мне в шалашик молоко, сметану, свежеиспеченный креббели-пончики.

Редко, кто наведывал меня. Я считал дни до начала учебного года и досадовал на то, что в июле и августе подряд тридцать один день. Только школьная учеба разнообразила мою затянувшуюся хандру и одиночество. Только школа оживляла мою жизнь.

Подолгу предоставленный самому себе, я заметно одичал. Мне стало боязно выходить за ограду и пройтись по аулу – до аулсоветской библиотеки или до соснового дома на краю аула, где проживал в полном уединении со своей молодой женой и малыми детьми поэт и журналист Галым Малдыбаев, один из первых членов Союз писателей Казахстана.

Когда от скуки становилось совсем невмоготу, я тащился на подпорках-костылях к Ғалеке. По пути я был обязан по казахскому обычаю заглянуть в халупу Ергали-ата, поклониться ему, выслушать его старческие витиеватые назидания в стихотворной

форме, потом навестить через дорогу беркутчи Абильмажина-ата, день-деньской сидящего в глубоких раздумьях на облезлой жеребячьей шкуре на плотной, как ворс самотканого ковра, мураве, и лишь потом, привычно и ловко выбрасывая вперед костыли, направляться на самый край аула.

Ғалеке в легком чапане и в разношенных отопках на босу ногу сидит за столом, загруженным пожелтевшими рукописями, папками, потрепанными книжками, выцветшими фотографиями, громоздкой чернильницей, кипой газетных вырезок, что-то маракует на сером клочке почему-то арабской вязью – видно, так и не привык ни к латинице, ни к кириллице. Моему приходу он рад.

– Зура! – кричит он молоденькой жене. – Гера пришел. Угости кумысом.

Я попиваю мелкими глотками, чуть причмокивая, замечательно кислый, отдающий прокопченным торсуком, пенистый кумыс из большой деревянной чаши-тостаган и слушаю стихи о крымских красотах и красавицах. У меня кружится голова то ли от хмельного кумыса, то ли от стихов.

– Аман бол, айналайын, – говорит на прощании Ғалеке. – Захаживай. У Зуры лучший кумыс в ауле.

Ну, уж коли я выбрался из своего заточения, надо бы зараз заглянуть и в аулсоветскую библиотеку, но она находится в противоположной части аула и по пути к ней неизбежно предстоит встреча с бывшим учителем начальной школы всезнайкой-татариным, заядлым шашистом Яхьей Ахановым. Мимо этого щуплого, светлолицего старца в тюбетейке на плешивой голове не пройдешь, пока не сыграешь с ним пару партий. Он сиднем сидит на обочине дороги на вчетверо сложенной корпешке, склонившись над шашечной доской и сосредоточенно переставляет шашки, изобретая разные комбинации и ловушки.

Шашист он классный, рассчитывает на много ходов вперед, колдовски ставит «закоты», т.е. запирает по углам шашки соперника. Простой выигрыш с преимуществом в одну-две шашки он всерьез не принимает. И ничьи не признает. Для него важно завлечь

противника в искусные «закоты». И еще он мастер комбинировать: пожертвует три-четыре шашки в разных местах, потом «срубает» аж штук шесть, мимоходом пробиваясь в дамки. На ровном месте творит чудеса. В ауле никто у него выиграть не в состоянии. А я просто боюсь с ним играть. Он легко обыгрывает меня, ставит элементарные ловушки и при этом злорадно похихикивает.

– Әп, бәлем! Попался?! Вот тебе! Вот!

На обратном пути из аулсовета он снова тебя поджидает, как жертву шашечного ристалища. Эти позорные проигрыши снятся мне потом по ночам, как укор моей бездарности и глупости.

Как-то в нашем захолустье проездом остановился именитый шашист из районного центра, кандидат в мастера спорта по стоклеточным шашкам. Он только что занял третье место по области. Был он молодой, лысоватый и очень самоуверенный. Еле уговорили его сыграть с Яхьей-ата. Баталия происходила на траве перед домом местной знаменитости. За час-другой сгоняли пять партий. Кандидат в мастера выиграл три с преимуществом в одну шашку. Яхья-ата был ошеломлен, лицо покрылось пятнами, и он обиженно промямлил:

– Это не выигрыш! Ни одного «закота» нет!..

На что заезжий шашист заметил:

– Когда играют большие мастера, «закотов» не бывает.

Слово «мастер» Яхью-ату польстило.

...Длинное-длинное лето все же было на исходе. Картофельная ботва пожухла, акация тронулась желтизной, по воздуху тянулись серебристые нити, в моем шалашике становилось свежо. Над Есилем по утрам слоился туман.

Я все чаще поглядывал в сторону школы, с нетерпением ждал заезд интернатовцев.

Почему, я обо всем этом пишу?

Чтобы подчеркнуть, что у Бунина были совсем другие интересы, иное имущественное положение, и мечты, и горести, и желания-порывы были другие.

Другая эпоха. Другие обстоятельства. Другая жизнь.

И читая про волнения, томления, мучения и острый стыд обедневшего барчука Арсеньева, я невольно сопоставляю его подростковую пору с жизнью моей и моих сверстников в том памятном и милом сердцу ауле примерно шестьдесят пять лет тому назад.

Что ж... у каждого смертного своя судьба. Может быть, когда-нибудь кто-то и эти мои записи и скажет: надо же, чудные все же были времена...

2014, сентябрь

* * *

Вывод одинокого: не обрастай имуществом и всякой мишурой – все достанется рыжей собаке. По-русски: собаке под хвост.

* * *

Важно не то, на каком языке ты говоришь, важнее – высказать здравые мысли. А глупости на любом языке – глупость.

* * *

Мне очень симпатична kanzlerin фрау Меркель, когда она горячо болеет за сборную Германии по футболу. Но не нравится фрау, которая едет праздновать назалежность Украины и пугает в угоду США санкциями Россию.

* * *

В уютном скверике перед нашей многоэтажкой находится изрядно замурзанная лавочка, на левом углу которой я люблю раз в сутки в одно и тоже время, сидеть, дышать воздухом, наблюдать за прохожими, встречаться с журналистами, издателями, интервьюерами, соседями. Сюда нередко захаживает и незнакомый, праздный люд, чтобы подымить, лясы поточить, кайф ловить.

Сегодня, выбираясь из подъезда дома, я рассеянно метнул взгляд в сторону заветной скамейки, заметив, что на правом ее кра-

ешке обосновались три молодки. Они изрыгали клубы, слоистого дыма, смачно сплевывали под ноги и бесшабашно балагурили. Я опустился на свое излюбленное место, развернул газету и, поневоле вдыхая вонючий табачный дым, закашлялся. Мне показалось, что молодки, обратив внимание на старика, тотчас любезно погасят сигареты, бросят в урну и сбавят тон. Какой там! На меня и не покосились. Подумаешь: старичок-сморчок, с палкой, с папочкой. Дремучий пенсионер! Мастодонт!

Одна из них особенно распалилась, аж захлебывалась в негодовании, срывалась на крик, крайне возбужденно кляла на все лады постылого мужа. Подлец! Хам! Наглец! Негодяй! Сволочь! Подонок! Ублюдок!.. Потом переключилась на свекровь. Ханжа! Дура! Вошь! Гнида! Лицемерка! Потом взялась крыть подряд всех родичей мужа. Свора! Банда! Паразиты! Феодалы! Лежебоки! Крохоборы! Мамбеты!..

Подружки внимали ее неистовой исповеди, ахали, энергично сочувствовали, вставляли в свои реплики казахские слова и даже целые фразы. Обращались друг к другу по имени – Асель, Мадина. Это меня и насторожило. По бесцеремонности, манере выражения, складу беглой, разухабистой речи я был совершенно убежден, что молодки были уж никак не титульной нации. Я оторвался от газеты, посмотрел на них внимательно и застыл с открытым ртом. Надо же! Все трое были натуральными казашками. Вот уж никак не ожидал! Да что за казашки такие, которые ведут срамные речи в присутствии пожилого мужчины? Откуда взялись?!

– Сауле, не расстраивайся! Пошел он в ж...! Подумаешь! Рабу нашел. Засранец! Видали мы таких!

– Светочка, успокойся! На хрена тебе сдался такой хам! Будет еще эта мамбетка-карга тебя гнобить!

– Да, да! Еб...сь она конем! Ишь ты! Нашла сноху!

Рассказчица всхлипнула, растроганная яростной поддержкой. Лихорадочно запалила длиннохвостую тонкую сигаретку. Товарки тоже дружно задымили.

Действительно, казашки. Искусно накрашенные. Скуластенькие. Хорошо упакованные. Модно подстриженные. Одна отменно блондинистая. Другая – пестро-разноцветная. Третья смуглая, лицом, как баурсак. Хоть в рот положи, да проглоти, не жуя.

Резко и дружно вдруг встали, швырнули под ноги недокуренные сигареты, почему-то, как по команде, заглянули в свои сумочки и пошли прочь, восвояси.

Я долго не мог прийти в себя. Сказывается аульное воспитание: не могу привыкнуть к городским пифочкам-казашкам. ...Живо вспомнилась давняя сценка возле памятника Чокану перед бывшей Академией наук. На крайней скамейке аллеи сидел в куртке, в спортивных брюках, вытянув длинные, прямые ноги и откинувшись на спинку, Сагадат Нурмаганбетов, Герой Советского Союза, Қаһарман Казахстана, экс-министр обороны, генерал армии. Рядом блаженствовали две расхристанные крали, по облику совсем не казашки, ловко лузгали семечки и плевались налево-направо, громко обсуждая какого-то Валерку, который в ночном клубе – как я сообразил – вел себя накануне явно не подобающе. Шелуха веером слетала с их губ.

– Оу, Сәке, мыналарға бірдеме демейсіз бе? («Оу, Саке́, почему вы этим замечание не делаете?») – возмутился я.

– Қайтемін? («Зачем?») – простодушно ответил он.

Мы были знакомы, часто встречались на этой аллее, рассуждали о литературе. Генерал армии был большим любителем книг и приятным собеседником.

Конечно, для этих девиц на скамейке он был, скорее всего, просто бабаем, на которого не стоит обращать внимания. Другое дело – хмырь Валерка.

Не знаю, кому как, а мне лично подобные городские нравы совсем не по душе.

Каюсь: отстал.

* * *

Странный тип! Я его несколько лет не видел, а сегодня столкнулся с ним на соседнем перекрестке. И все такой же! Важный, отрешенный, собой упоенный, заносчивый, самодовольный. На все и всех смотрит свысока, снисходительно, будто делает великое одолжение, снизойдя до ничтожных людишек. Спесь так и прет из него. Макушкой едва до неба не достает. Когда-то занимал какой-то пост, и о том уже двадцать лет не может забыть. Эгоист неисправимый. Никогда никому ничего доброго не сделал. Занят исключительно собой. Пустоцвет. Гусак гусаком. Он чванства вот-вот лопнет. С ним даже здороваться неприятно. Тонкие губы плотно сожмет, уставится в пустое пространство, гордо закинет голову, еле внятно пробурчит:

– А-а... Это ты? Еще небо коптишь?

А что именно он коптит небо и напрасно топчет землю, и не догадывается. Сам себе внушил, что он едва ли не пуп земли.

* * *

В продолжение предыдущей темы.

Редкие люди соответствуют своим изначальным природным данным. Большинство чаще всего либо недооценивает себя, либо переоценивает.

Знакомый тип, который ни с того, ни с чего ведет себя заносчиво, высокомерно, спесиво, чванливо, горделиво – без каких-либо на то веских причин – просто-напросто инстинктивно чувствует свою неполноценность, свою трагическую не адекватность, и его спесь – всего лишь реакция неудачника на свою заурядную судьбу и обстоятельства.

Счастливый человек – это тот, кто точно и верно оценивает свою индивидуальность, обладает справедливой самооценкой.

Тот, который себя недооценивает, тоже не в особом проигрыше. Он просто в глазах людей чем-то обделен. И только. Каким-то образом, рано или поздно, ему все равно воздастся.

А тот, который себя переоценивает, прозябает в вечных муках, в черной зависти, ест себя поедом, тщится казаться тем, кем он не является и быть не может, а мучается как жертва своей неиссякаемой желчи.

Знаю одного писателя, который, обладая двумя коняшками-маштаками, всю жизнь нещадно нахлестывает их плеткой-доиром, стремясь догнать своей вожделенной цели. Маштаки эти – заморенные тщеславие и гордыня, а вожделенная цель – зыбкая слава. Маштаки давно изнурены, еле волочат ноги, а слава маячит вдалеке, как степной мираж. А престарелый седок о-двуконь сжимает дряблые шенкеля, свистит-гикает, изображая из себя удачливого наездника.

Ой, аллай-ай! Спаси и помилуй несчастного пендешку!..

* * *

Время бывает двух видов: божеское и человеческое. Божеское время течет медленно, равномерно. Человеческое время строго ограниченно и не зависит от человеков. Оно скачет по-разному, своенравно, вне логики. С возрастом все стремительней.

В молодости, по опыту знаю, неделя состояла из семи дней. И каждый день имел свой смысл и назначение.

Теперь, когда я на белом свете прожил 80 лет, неделя состоит всего из двух дней: сегодня, скажем, понедельник, а завтра сразу суббота. Месяц проходит за неделю, год – за три месяца.

А божье время вечно.

Бог разумно отвел человеку ограниченный срок. Иначе человек может такое натворить, что сам Создатель лишится разума и чувства гармонии.

* * *

Убивать друг друга – любимое занятие (забава) человеков. Так повелось исстари. Убивают, истребляют, гнобят, насильничают, а все равно размножаются.

Неистребим людской род. Только на глазах мельчает. Придет время – человеки обернутся червями, муравьями, зелеными мухами, черепахами, лягушками.

* * *

Сплошь и рядом желают: «Живи долго». А смысл? Долго живет, говорят, и ворона на мусорной свалке. И чем оправдано ее бытие? Знаю одного: он ровно в 60 лет ушел на пенсию. И 30 лет только читал газеты и совершал моционы для здоровья. 30 лет просто коптил небо. Никому от него не было ни жарко, ни холодно. Потом взял кредит и закатил той к своему 90-летию. А через несколько дней умер. Внуки и поныне выплачивают кредит. И это жизнь?!

* * *

Сегодня (11 октября 2014 года) академику Аманжолу Кошанову исполнилось 80 лет. Мы ровесники и земляки. Дружим не один десяток лет.

Я литератор. Он экономист. О его профессиональных достоинствах судить не берусь. Не годится лезть в чужой огород.

А человеку Кошанову, по моему разумению свойственны:

– осознанная родовитость;

– врожденные мудрость и такт;

– прилежание и основательность;

– целеустремленность и упорство;

– деликатность, порядочность;

– интеллект и культура;

– гражданское сознание.

Вероятно, можно назвать еще не один коржын качества Абеке.

О том, что Аманжол из Алка-агаша отлично учится в русской школе в Марьевке, я услышал впервые в 8-м классе. Я же, будучи этническим немцем, учился в Ленинской **казахской** средней школе. Наши аулы находились на расстоянии 13 километров.

Дышали мы одним воздухом – северо-казахстанским.

Давно дышим – алматинским.

А родился я на 17 дней позже Аманжола.

И желаю ему то же самое, что и себе...

* * *

Давным-давно писатель Әбеке рассказал мне про одного шустрого аульчанина, который непременно первым встречал любого «көлденең көк атты» (встречного-поперечного), посещавшего аул. Говорил он по-русски плохо, но смело и охотно.

– Эй тауариш, куда пойдеш? Слово кушит – ко мне пойдош, мясо кушит – баскарма пайдош.

Говорун он был еще тот. Умел зубы заговаривать. А угощать не мастак. Гол, как сокол.

Я прислушиваюсь к руководителям разных стран. Замечаю такую закономерность: если в государстве дела швах, то слов-речей все больше и больше. Происходит тотальное «слово кушит», как у аральского говоруна. Если же положение приличное, то идут к баскарме (местному начальнику) «мясо кушит».

У нас, чувствую, с мясом напряженка, зато словеса рекой текут.

* * *

Самое мудрое и утешительное на свете то, что ты не знаешь, что родился и не ведаешь, что умер. Если бы это дано было знать, человек не родился бы и не умирал.

* * *

В позорной русско-украинской войне у украинцев никаких шансов по той простой причине, что у них слишком много ненависти, злобы и дурости.

Вообще сама эта возня постыдна и досадна. Конечно, не мне о том судить, но сам факт омрачает жизнь любого инородца. Ну, а европейский курятник со своими санкциями против России и вовсе смешон и нелеп. Ведь иные государства Европы меньше рос-

сийского захолустного района. Видел в одной из газет шикарную карикатуру: огромного добродушного медведя окружила свора волков, лис, собак, зайцев под подстрекательством облезлого стервятника. Называется картина: «Обложили». Едко и смешно!

* * *

О территории одного карликового государства в Европе знакомый казах сказал, что по площади оно равно бабьему лобку.

* * *

Е-е-е... кто о чем только не говорит в наше время... Можно б было и промолчать. Да совесть не велит.

В сентябре 2014 года в Бишкеке прошел 80-й конгресс Международного ПЕН-клуба. Газеты пишут: в Форуме приняли участие 250 писателей из 80 стран мира.

Похвально!

Прочитав отчет об этом форуме в газете «Central Asia Monitor» (№ 38, 2014), я обратил внимание на выступление Умит Тажикеновой. Что-то меня в нем насторожило. Вызвало активное неприятие.

Умит утверждает довольно категорично:

«...нация (казахская – Г.Б.) находится в двойственном (?), двусмысленном (?) положении»

«Подавляющее большинство городских казахов, пользуясь русским языком, находится под его мощным влиянием, их жизненное пространство целиком и полностью (?) пронизано духом этого языка».

«Сельское же население пользуется казахским языком, но в пределах бытового (?), оно живет старыми (?) понятиями, находится на периферии (?) цивилизованного сообщества».

«...национальный стандартизированный (?) казахский язык еще не сформирован (?)»

«Нет единого языка (?), который отражал бы полностью (?) его содержание и смысл (?), передавал бы дух всего народа»

Апырай, киын болды ғой! Оказывается, и казахи, и их язык все еще прозябают на уровне бедолаги-сорлыбаюшки...

Откуда у Умит такое бишаринское представление о казахском языке? Неужели для нее язык казахских жырау-сказителей, дана-мудрецов, шешенов-златоустов, знатоков казахского речестроя Абая, Торайгырова, Жумабаева, Джансугурова, Аймаутова, Ауэзова, Алимкулова, А.Сулейменова, А.Кекилбаева, К.Искакова, М.Магауина, А.Нурпеисова и сотен других мастеров казахского слова все еще условный, нестандартизированный, несформированный язык?

Что за оголтелое мусафирство? И с какой стати Умит взялась с таким апломбом рассуждать о казахском языке? Она ведь пишет по-русски на весьма и весьма стандартизированном – по ее выражению языке, имеющем очень относительное отношение к тому языку, на котором творили Тургенев, Толстой, Чехов, Бунин, Паустовский, Казаков. Давно убедился: язык русского и русскоязычного – не одно и то же.

Нет, Умит, Ваше суждение о казахском языке мне чуждо. Оно не только ложное, но унизительное. Если бы это Вы сказали мне, я бы и спорить не стал. А Вы это сказали перед 250 представителями из 80 стран. Вы тем самым унизили и свой народ, и материнский язык.

Некрасиво получилось. Ей-ей...

* * *

Нет, нет, все бессмысленно. Неисправимо. Пиши не пиши, говори не говори, диким ором ори, хоть кол на голове теши – бороться в Казахстане с обнаглевшей коррупцией безнадежно, бессмысленно, бесперспективно.

О, коррупция у нас бессмертна, как Кощей. Создают комиссии, комитеты, произносят пламенные речи с высоких трибун, иногда гневно вращают глазами, шлют проклятия, случается какого-нибудь бедака-бейбака, отъявленного магарычника за шкирку берут

и в каталажку-зиндан спроваживают, а коррупционер и в ус не дует и затылок не почешет, а все хапает-хапает, как дракон-аждаха, лошадь с шерстью, дромадера с горбом.

Что ему казахские сказки про патриотизм, про национальные традиции и ментальность, про мудрость златоустов, храбрость батыров, отрешенность аулие, фольклорные сказы, да и сам священный Коран – чихать он на все хотел. Ему ближе к телу барыш, гашиш, житейское дерьмо, пул, тенге, акша, доллар.

Я предлагал варианты борьбы с мздоимцем – и в шутку, и всерьез. Дурак был. Больше о том слов тратить не буду. Крокодил и солнце проглотит, лишь бы брюхо поганое набить.

А подумалось вот о чем. В Сенат страны тихой сапой, шито-крыто, законно и честно проникли 16 счастливых гавриков – секретари маслихатов, замакимы, олигархи. Не я говорю, так газеты пишут. И что? Они в Сенате поруганный народ представляют? Как бы не так! Как поется: «Ей-ей умру, ей-ей умру, ей-ей умру от смеха».

Из старой заветной папки выудил четыре любопытных документа.

«Архивная справка. Бельгер Герольд Карлович, 1934 года рождения, уроженец бывшей АССР НП, на основании Постановления СНК СССР от 12.09.1941 года, как лицо немецкой национальности, состоял на спецучете с 1950 года по 20 января 1955 года, высланный из бывш. АССР НП в 1941 году.

...Справка выдана на основании архивного личного дела»

Что такое «состоял на спецучете», здесь описывать не стану. Нынешние поколения не поймут. А объяснять статус спецпереселенца долго и скучно.

«Справка о реабилитации, выданная Прокуратурой Республики Казахстан.

Бельгер Герольд Карлович, 1934 г.р., уроженец бывшей АССР Немцев Повольжья, по национальным мотивам на основании Постановления СНК СССР от 12.09.1941 г. был выслан в 1941 году, состоял на спецучете с 1950 года по 20 января 1955 года».

Что такое «выселен», тоже расшифровывать не буду. О том писал многажды».

Далее в справке читаем:

«Выселение признано незаконным, поэтому на основании ст. 3 Закона Республики Казахстан от 14 апреля 1993 года «О реабилитации жертв массовых политических репрессии» Бельгер Г.К. РЕАБИЛИТИРОВАН».

Кстати, реабилитировали меня, когда уже был депутатом Верховного Совета Каз.ССР – 22 ноября 1995 г.

Еще одна справка от 14.12.93, выданная Генеральной прокуратурой Республики Казахстан.

«На основании Закона Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» от 14 апреля 1993 года, Бельгер Герольд Карлович, 1934 года рождения, незаконно выселенный в 1941 году, состоял на спецучете в органах МВД без права передвижения с 1950 года по 20.01.1955 года РЕАБИЛИТИРОВАН».

Справка подписана начальником отдела реабилитации репрессированных граждан, старшим советником юстиции.

А вот еще один документ, выданный РО МГБ КазССР 17 июля 1954 г. (60 лет храню! – Г.Б.)

«Разрешение № 23. Спецпереселенцу Бельгеру Герольду Карловичу, проживающему в колхозе им. Ленина Октябрьского района СКО, разрешен выезд в г.Петропавловск сроком на трое суток по 20 июля 1954 г. Цель выезда: по личным вопросам».

Далее следует приписка: «По возвращению к месту постоянного жительства разрешение немедленно сдать в комендатуру».

Ну, и к чему я клоню? Зачем тревожу память?

Может, есть смысл употреблять некоторые законы суровой сталинской поры применительно к нынешним коррупционерам? Создать ту же комендатуру при, скажем, КНБ или госбезопасности, взять поголовно всех коррупционеров на учет вплоть до членов семьи, близких и дальних родственников, депортировать – как репрессированных в свое время советских народов – в Сибирь или в

Бетпак-далу (слава Аллаху, в Казахстане захолустных мест много) со всем кланом, дабы орошали пустыни своим пóтом и дважды в месяц, лишенные прав передвижения, отмечались в соответственном органе, как неблагонадежные азаматы.

На мой взгляд, это было бы справедливо, действенно и поучительно. Таково частное предложение бывшего спецпереселенца и депутата Верховного Совета.

Я и до этого предлагал разные варианты борьбы со славными и бесславными доморощенными коррупционерами, оказавшимися страшно далекими от народа, по определению одного революционера, которого ныне вспоминают все реже...

* * *

Мне показалось: в казахской литературе явное обилие акынов. Сплошь и рядом. Не поленился, посчитал по последнему по времени справочнику Союза писателей Казахстана. Акынов оказалось 374! Ай, многовато! И это ведь только члены СП. А сколько акынов-нечленов!

Конечно, акыны не только стихи сочиняют, некоторые и прозу пишут, и сценарии, и публицистику, и переводами занимаются и где-то служат.

И все равно для писательского цеха перебор акынов.

* * *

Депутаты – народ публичный. Их критикуют все, кому не лень. Многие того и заслуживают. Забот, однако, у них немало. И я лично сдерживаю свой критический зуд в их адрес. Когда-то и сам был депутатом Верховного Совета Каз. ССР. Кое-что знаю. Причин для критики тоже достаточно. Вот некто Эйнман из Самары в «ЛГ» зубоскалит:

– Раньше знали депутаты
Диаматы, сопроматы

Нынче ж каждый депутат
Знает мат и компромат.

Хлестко. И отчасти, полагаю, справедливо.

* * *

Листаю давнюю книгу (1992) «Раздумья» мудрого многознатца Ильяса Омарова (Я его чуть-чуть знавал, а книгу его подарили мне его дочери). Человек был неординарный, легендарный. Вот запись из его «Дневников»:

«У казахов умные чересчур скромны, а глупые чересчур нахальны. Если прибавить умным немного нахальства, а глупым немного скромности, чего доброго, из них мог бы выйти неплохой народ».

Его же сентенция:

«Жизнь всегда мачеха для тех, кто как следует не трудится».

Вот еще одно его наблюдение на все времена.

«Там, где не течет вода, проходит сводка, там, где не проходит трактор, проходит сводка, там, где не проходит тягло, проходит сводка, там, где посеяно зерно, просеяна сводка, там, где нет скота, имеется сводка, там, где нет действительного руководителя, руководит сводка, там, где не работает мысль, работает сводка. Кому втирают очки?»

Сказано более полувека назад, и я, читал нынешние сводки, тоже недоумеваю: «Кому втирают очки?!»

Многие материалы из этой книжки мне знакомы. В одном убедился: личностей такого масштаба ныне стало совсем мало. А как они нужны современному Казахстану!

* * *

Джек Лондон прожил очень тяжелую жизнь. Кем только он не работал! А прожил всего 40 лет. Произведения его составляют 24 тома. Я прожил в два раза больше. А мои показатели – как в количественном, так и в качественном отношении – явно уступают. Что ж... jedem das seine.

* * *

Как определяется талантливый человек? По степени его неудобности. Талантливый человек чаще всего плывет против течения. И еще: с чиновниками, с властями он не в ладу. Могу еще добавить, что талантливый человек – неправильный. Он, может, даже невежда, но маг. Творец.

* * *

Из газет узнал, что внешний долг Казахстана 4,3 триллиона тенге («Қазақ», № 40-42, 2014). Апырай а! Кто будет платить? Внуки? Правнуки?

* * *

Славных казахов и сейчас в стране немало. Я себя в этом ряду не вижу.

* * *

С натуры.

Миловидная врач-терапевт после осмотра и прослушивания с недоумением спрашивает меня:

– Так, вы в «Дате» печатаетесь?

– В «Дате» тоже. Более четырнадцати лет. Из номера в номер.

– Так это же оппозиционная газета!

– Кто сказал?

– Так я слышала. Якобы против власти.

– Первый раз слышу. Оппозиционные газеты по-другому называются.

– Как?

– Ну, например, «Казахстанская правда», «Егемен Қазақстан». Они крайне оппозиционны.

Врач хлопает глазами, что-то напряженно соображает. Названных газет она не только не читала, но и в глаза не видела.

– Да?! А я-то полагала, что они хорошие.

– Я ведь не говорю, что плохие. Просто оппозиционные.

– (Врач в полной растерянности) Хм-м... К кому оппозиционны?

– К народу. К системе правления. К бишаринскому люду.

– Надо же!

– Да, да, почитайте! Аршинные статьи для тех, кто ест казы-карта и черную икру.

– Да нам читать некогда. Не до газет. Мы за компьютером слепнем. Просто слышала, что «Дат» – бяка, потому ее и преследуют.

– Выходит, милый доктор, вас сбили с толку. «Дат» – зубастая, передовая газета. Потому до дыр зачитывают.

– Вот не думала-не гадала... Вы же лауреат громких премий.

– Потому и лауреат, что печатает «Дат».

– В голове, Герольд Карлович, не укладывается...

– Но это правда, милая Мархабат.

– С ума сойти!.. Ну, выздоравливайте. Если что – позвоните.

* * *

Ах, бишаринцы-бишара, сорлыбаюшки!

Как мне жаль вас.

Неужели не суждено вам выбраться из омута нищеты?!

Ойбай-ай, ойбай!

Придумали: взяточник, коррупционер, кровосос, тажал ненасытный. Из-за каких-то миллиончиков! Тьфу! Другие миллиардами ворочают, и хоть бы хны. Наоборот, в героях ходят. А тут десяток миллиончиков спер – за шкирку хватают и в каталажку запихивают.

Не-спра-вед-ли-во!!

В конце концов я ведь зам. министра, да еще генерал, и не от токал родился. Заслуги-то о-го-го! И теперь брать, что ли, ничего нельзя?! Да народ наш, айналайын, не поймет. Как же так?! Зам-министра, генерал, бывший депутат, аким и ничего не берет, не мухлюет, не карабчит, не хабарит! Да разве такое возможно? Зачем же тогда за независимость, за свободу боролись?! Ради чего наши

предки кровь проливали, боевых коней седлали? Дуроломы! Ахмаки! Чистоплюи задрипанные! Подловили өңкей суболыш-падлесы! На несчастные миллиончики позарились. На дворцы-виллы, на машины, подворья, на божью напаку́ байбише, токалок, детишек, внуков, бала-шаға!

Ну, что делать, если вечно нехватки? Исстари повелось: пять не дашь, шесть не получишь. А иначе как? При чем тут коррупция? У, говнюки!

...В таких раздумьях маялся в своем рабочем кабинете славный Ыржык. Какой простор! Какая мебель! Какая техника! Любо-дорого смотреть. Блаженство для души и тела! И все теперь коту под хвост. Так все ладно складывалось и – на тебе! – за десяток миллиончиков подсидели-подстерегли, сссобаки! Шайтан попутал. На ровном месте споткнулся. Позарез надо было племяннику машину заменить, свату виллу достроить, дочку на учебу за кордон пристроить, жену с балдызами на французскую ривьеру отправить. Ойбой, забот всегда выше головы. Выходит, братишка Тыржык лихо его обскакал. Сляпал миллиардик, изловчился и сиганул за кордон. Ищи ветра в поле. Сначала в депутаты пробился, потом в министры пробрался, потом советником где-то заделался, потом в «Мунайгазе» подсуетился, и даже в областном акимате годик прокантовался, а потом – уфит-суфит! – нежданно-негаданно переселился в замок-дворец у озера в Швицер-ланде. Обалдеть! А как, бывало, пел о славных предках, о ханах-биях, о свободе номадов, о степных батырах, о патриотических дастанах. Соловьем заливался! Став миллиардером, тут же сделал длинные ноги. И самый младший в роду, последыш-поскребыш Мыржык тоже малый не промах. Тоже вовремя слинял и не с пустыми карманами. Туго набил корджуны. Теперь в туманном Альбионе на домбре кюи Татгимбета наяривает.

В дураках остался он, Ыржык. Снимут со всех постов лишат всех регалий, помурыжат в суде, навешают десяток дохлых собак, отберут имущество, которое он не успел попрятать, распределить,

распихать, оформить и с министерского кресла сразу отправят на нары. Вряд ли откупишься.

Ойбай-ай, ойбай! Позор всему клану до седьмого колена...

...Жалко мне Ыржыка. Ему, бедняге, и с именем не повезло. Мать его, сказывают, и во время родов все усмехалась, щерилась, зубы скалила, вот и назвали первенца, недолго думая, Ыржык. Ну, а дальше, по обычаю, пошло в рифму – Ыржык, Тыржык, Мыржык. Знаю, как они росли, как делали карьеру. Впору роман писать. Еще, как и у нас, в Казахстане, возле госкормушек ошиваются-пасутся сотни и сотни Ыржыков-тыржыков-мыржыков. Они убеждены, что должны управлять государством, а управлять в их понимании значит драть, рвать, хапать, кровь-соки пить, жрать в три горла, волком, шакалом раздирать полуживое тело страны, клевать коршуном-грифом её плоть.

И мне жалко их. Плачу и рыдаю. Не о бишаринцах в казахских глубинках слезы лью. Они влачат свою сорлыбаюскую жизнь как и сотни лет назад, да так и пробудут в юдоли печали. А каково жить элитным вампирам? Они же сгниют или в каталажках, или в закордонных дворцах. В позоре, в бесчестии, в людских проклятиях.

Ой, горько мне!.. Горько!.. На что обрекли себя потомки номадов?!.

* * *

Думаю, не только у меня, в жизни любого человека случается темная полоса, когда все валится из рук, все скопом как-то не ладится, настрой кислый и даже белый свет не мил.

Остается уповать только на выдержку, на терпение, на древнюю мудрость: «Все пройдет».

Я впал в такую прострацию в канун своего 80-летия. Все разладилось: обострились всевозможные болячки, надо было срочно лечь в больницу, а тут, как назло, пошли стынь, мрак, сырь и мокрядь, всплыли разные нелады, житейские неурядицы, голова пухнет от пустых забот, треволнений и полного отсутствия мыслей.

Не срабатывала и давняя привычка читать перед сном умные книжки. Все мерещилось постным, тривиальным жвачкой-пустышкой. Ум не занимал ни «Фауст», ни «Смерть Ивана Ильича», ни «Жизнь Арсеньева», ни «Гаклии» Абая, ни «Иосиф и его братья», ни «Библия». О так называемой современной литературе и говорить не хочу. Обрыдло!

Так в чем же я обрел утешение, чем развеял свой сплин, каким образом отвлекся от бесплодных мыслей?

Нашел-таки самое спасительное, самое желанное! Это оказались две книги – художественная публицистика Германа Гессе и переписка братьев Маннов – Генриха и Томаса. Тут есть все для отдохновения, для наслаждения, для восхищения. И драматическая ситуация эпохи, и литературный шарм, интеллектуальный Дух. Поразительная гармония! Славные титаны пера! Читаешь их и как бы возвышаешься, взмываешь, отстраняешься от низменной серости; их словесная вязь, синтаксические и стилистические конструкции, насыщенные блеском ума, сочувствием к людским болям и бедам, облагораживают тебя, и душа чутко отзывается на каждое их слово, на каждый фразу, они околдовывают, завораживают, манят, наполняют тебя негой и разумом.

Я их без конца перечитываю на сон грядущий по чайной ложке, смакуя каждое слово, и засыпаю радостный, довольный, умиротворенный, омытый как бы святой водой, благодарный сплаву живого слова и вдохновенной мысли.

* * *

Среди моих знакомых корреспондентов встречаются любопытные экземпляры. Нередко звонит мне из Парижа и иногда навещает меня шымкентский казах Сейітқасым Әуелбеков. Он увлеченно занимается историей, этнографией, этнокультурой, пропадает в архивах, много читает – по-русски, по-казахски, по-английски, по-французски, пишет умные статьи, придерживается строго научных принципов, производит приятное впечатление. Жена францу-

женка, двое детей. Регулярно бывает в Казахстане. Просвещенная, знающая дама. Сейіткасым порой берет у меня интервью.

Зашел как-то ко мне докторант Кембриджского университета, родом алмаатинец, Тимур Александров, по матери казах, по отцу русский, говорит по-русски, по-английски, занимается азийскими общественно-социально-политическими проблемами. Любопытный собеседник. Рассуждает толково, зрит в корень. Тоже брал интервью о литературном фоне Казахстана.

Из Канады, из города Монреаль, получил как-то письмо от юной соискательницы Фатимы Адалбаевой. Она с двух лет за рубежом. Знает русский, английский, немецкий языки, пишет диссертацию по литературе российских немцев. Я снабжаю ее своими книгами, отвечаю на ее письма, познакомился с ее тетей из Алматы – профессором литературы Мереке Уюкбаевой. Фатима среднее образование получила, кажется, в Англии.

А на днях (в октябре 2014 г.) пришла ко мне милая кореянка (из Южной Кореи), назвавшей себя на казахский лад Інжу, а фамилия Ку. Она сейчас тоже учится в Кембридже, а до того два года училась в Алматы, в Институте иностранных языков, где прилично овладела казахским языком. По-русски, по ее словам, понимает чуть-чуть, а родной язык, понятно, корейский. Мы общались исключительно по-казахски по текущим проблемам казахского языка. Мои опусы, написанные по-казахски, ей знакомы. Говорит, конечно, с акцентом, но словарный запас довольно широк. Меня она явно стеснялась, ибо не знала, что я окончил казахскую школу и говорю, пишу, думаю по-казахски. Мне эта кореянка из Сеула очень понравилась.

Сорок лет я переписываюсь с матерым литератором, берлинцем, Леонардом Кошутом – переводчиком, издателем, эссеистом, критиком, редактором, составителем книг. Уникальная личность! В числе моих корреспондентов были (полурусские-полунемцы, полунемцы-полулатыши, полунемцы-полуеврейки, полуавстрийцы-полуевреи, полуполяки-полулитовцы, полуавстрийцы-полу-

украинцы, всех, пожалуй, не упомню. В Германии у меня сотни знакомых – «нашенских» и «тамошних». Они приятно разнообразят мое представление о мире и обогащают мою душу.

* * *

В полном соответствии с юбилейным жанром в дни моего 80-летия было произнесено много высоких слов, традиционных пожеланий, написана уйма хвалебных статей, искристых стихов, преподнесены умопомрачительные подарки, поздравителей-доброхотов оказалось значительно больше, чем я мог заключить в свои объятия. Я был осыпан благодарностями и окутан любовью.

Прекрасно понимаю, что от щедрости душевной меня явно переоценивают. Но я эти перехлесты воспринимаю спокойно, ибо мне – увы не 18, а 80! То есть, голова моя если и закружится, то не от похвал, а от старческой слабости, и нос задирать не стану, так как он слишком внушителен на моем лице.

Испытываю громаднейшую радость оттого, что:

а) дожил добрел-таки до 80-ти;

б) окружен вниманием, заботой и щедродушием.

Кто-то из интервьюеров намедни спросил: «Богат ли я?». О да, конечно, богат! Еще как! Именно так я себя чувствую. То богатство, которым я обладаю, ни за какие шиши не купишь.

Тәуба, тәуба! Шүкір-шүкір!

* * *

Прочитал в «Жас Алаше» (30.10.14) пространный сухбат с Мухтаром Магауиным. Форма такая: читатели задают вопросы, знатные люди отвечают. Ответы Магауина основательные, глубокие. Заставляют думать о природе и назначении истинного писателя. Не со всеми положениями Мухтара я соглашусь, но основной пафос разделяю. Чудится мне, что Мухтар Магауин выдвинулся в первые казахские писатели современности. Он поднялся до уровня властителя дум. Наши доморощенные корифеи – и Абдижамил, и

Абиш, и Олжас, и Шаханов, и Шерхан – и в творческом и в гражданском плане заметно отошли в сторонку. У каждого, понятно, есть свои причины и объяснения. Между тем Магауин укрепил свое реноме, обрел духовную мощь – и как ученый, и как литератор, и как гражданин, радетель национальной сути. Обыватели могут к нему придраться, мужик он строптивый и тщеславный, щипают его охотно, и он огрызается еще как, но, на мой взгляд, бесспорно то, что личность он колоритная и масштабная. Он писатель, обладающий мыслью и четкой позицией. В этом его сила.

* * *

С 80-летием поздравляет меня старый знакомый из Астаны, уникальный Игілік Әймен. Связь плохая: я его хорошо слышу, он – нет. Требует: «Позовите Герольда Бельгера к телефону». Кричу: «Так я у телефона, Игілік!» Наконец, он говорит: «Передайте Гераға, что такого человека нет и не будет!». «Ладно, – говорю. – Передам».

А сам себе говорю: «Білгір, Бельгер, не кичись. Көтіңді қыс!»

Ия, ең дұрысы сол.

* * *

Из газет я узнал, что 33 европейских язык находятся на грани исчезновения. Но какие это языки – не пишут.

* * *

Мое поколение – дети войны – не понаслышке отлично знает и помнит, какой ценой досталась Победа над германским фашизмом. А ныне подлая западная пропаганда и гнусные политики стараются внушить народу жуткую ложь: была ли вообще война и играли в ней советские люди какую-то роль. Вот фарисеи-лицемеры! Получается, будто ту войну выиграли исключительно Америка и Европа.

Юнна Мориц эту злобную клевету высмеяла так:

Россия – вредоносная страна,
Переписать историю должна:
Не победила Гитлера она!
Америка с Европой победили,
А русские им только навредили! («ЛГ», № 19, 2014)

Запад, на мой взгляд, вообще чванлив и высокомерен. Самовлюбленный чистоплюй. Он всем под нос сует свои ценности. А они ведь далеко не однозначны.

Юнна Мориц резонно замечает:

Для запада Россия – лютый враг:
Не вторгнешься в Россию, как в Ирак.
Не омайданишь пятою колонной,
Колонной русофобии зловонной,
Где флаг погрома – знак великих благ!

На западе много идеологически зомбированных людей. Их приходится терпеливо поправлять, учить, просвещать. Одно время я принимал дома немало западных немцев. На встречу за дастарханом я по обыкновению приглашал друга-эрудита Аскара Сулейменова. Он искусно прикидывался неискушенным номадом, вел себя небрежно, ел руками, в разговор не встревал. Но когда немецкие гости обнаруживали, на что они способны, Аскар затевал беседу о немецких писателях прошлого и современности, потом о немецких классиках-композиторах, о философах, о художниках, музыкантах, выявляя полное невежество высокообразованных европейцев и выказывая свое глубокое разочарование, вставал и уходил.

Немцы были в шоке. Они никак не ожидали встретить в азийском пространстве столь просвещенного кочевника.

Это были большей частью журналисты, писатели, историки, издатели. Все кончали германские университеты. Но чему они учились – Бог весть. О казахах они вообще ничего не знали. Задавали

нелепые, несуразные вопросы. Люди были приятные, симпатичные. Но я вскоре потерял к ним интерес. Из русской литературы они имели кое-какое представление о Достоевском, Пильняке, Пастернаке, Ахматовой, Мандельштаме, Солженицыне.

Став депутатом Верхового Совета Казахстана, я повесил на стену своего кабинета в Парламенте портреты Гете, Гегеля, Брехта и Зегерс. Ко мне – по делам и просто так – захаживали немцы из ГДР и ФРГ. Задушевные, милые люди. Радиожурналисты, режиссеры. Изумленно взирали на портреты на стене. Гете и Гегеля узнавали, а Брехта и Зегерс – нет. Особенно удивил меня театральный режиссер, который не знал Бертольда Брехта. Это надо же! Впервые о нем слышал дипломированный режиссер, приехавший руководить немецким драмтеатром в Алма-Ате. Ну, не читал. Не учили. Что поделаешь?! Потом по моей наводке он поставил спектакль об Абае, в котором его подопечные таинственным шепотом на все лады произносили одно казахское слово «аксакааль» и неловко изображали групповой секс. Так он представлял Абая. С большим скандалом Министерство культуры рассталось с этим крутым театральным деятелем.

Помню, один прогрессивный немец был страшно поражен тем, что казах перевел «Фауста» с оригинала.

Другой почему-то оскорбился, узнав, что у казахов имеются десятки лиро-эпических дастанов о любви. Такого он никак не ожидал. А еще продвинутый журналист из газеты «Зонтаг» опубликовал сенсационную статью «Киргиз и коммунист». Речь в той статье шла о Чингизе Айтматове, и для немецкого журналиста, по-видимому, киргиз и коммунист были несовместимые понятия.

Таковы плоды просвещения западного менталитета. Злого умысла тут нет, а есть издержки западного верхоглядства, самоуверенной западной цивилизации.

Я привел здесь несколько давних примеров. Однако, читая репортажи, статьи, суждения о нынешней России, Украины, азиатских республиках, сталкиваюсь с умопомрачительным невежес-

твом так называемого евроцентризма и американизма. Иногда мне кажется, что это гипертрофированное представление неистребимо. Особенно досадно, когда политкорректность покидает лидеров той или иной страны, считающей себя цивилизованной.

* * *

Перечитываю главы из «Воспоминаний» Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой о жутком голоде в России девяностых годов 19-го века. Много кошмарных подробностей голода, разрухи, смерти, отчаяния, безысходства. Лев Николаевич, его соратница дочь и близкие организовывают столовые, «дома презрения», пункты помощи обездоленным, всячески помогают голодающим. То, что так наглядно и обстоятельно описывает любимая дочь Толстого, мне зримо напоминает положение аульчан и аулов, которые я знал в годы войны и в первые послевоенные (1946-1947) годы. Как люди мытарились, как выживали, как страдали дети, женщины, старики, лишенные всего, какое безденежье и беспросветье царило в убогих поселениях Приишимья! И ведь это происходило не вокруг «Ясной Поляны», а по всей стране, вконец изнуренной войной, нуждой, нехватками. Прошло вообще-то немного времени, ныне нет голодомора, люди очухались, но некоторые все еще с трудом, с натягом сводят концы с концами и прозябают по принципу «шыкпа, жаным, шыкпа», «тәуба, тәуба, лишь бы не было войны». И перспектива явно тревожная. Все, что описывает Татьяна Львовна, мне очень знакомо. Лев Толстой спрашивает у своей дочери: «Татьяна, отчего мне так грустно?» И у меня, совсем не Толстого, а всего-навсего мусафира Бельгера, тоже нередко возникает этот вопрос, только мне его, кроме себя, и задавать некому.

* * *

Вот штандпункт, которым должен руководствоваться настоящий писатель. Запись Татьяны Толстой от 26 января 1894 года.

«Сейчас говорили долго с папá. Но не могли говорить вовсю, потому что меня душили слезы, и я не могла отвечать то, что хотела. Он говорил про свое писание, что он от близости смерти совершенно свободно к нему относится и об одном только думает, чтобы писать то, что он знает и чего другие не знают, – и так как ему не мешают ни тщеславие, ни страх, ни что-либо подобное, то ему это легко. И что вообще надо так к жизни относиться».

Вот суть: писать то, что знаешь и чего другие не знают.

Это и должно стать писательским правилом.

* * *

Все чаще (видно, с возрастом) я ухожу в себя и замыкаюсь от словесной шелухи. Всю жизнь внимаю другим и сам изрядно сорил словами. Устал от этого, ей-ей. Обрыдли ненужные, пустые слова. Отравился. А речей на всех уровнях бытия становится все больше и больше. Всесокрушающий поток слов, разрушивший все дамбы. Они душат, затягивают в омут, вымывают последние мозги.

Хорошо сказал о том в начале романа «Мамлюк» Ермек Турсунов. «Нет предела речам человеческим. Слова, что песок в пустыне. Сыпятся ниоткуда и исчезают в никуда. Лишь ветер играет с ними, перекатывается с холма на холм. И растут холмы в пустынях безбрежных, как могилы людских обещаний. И нет им конца, нет начала».

Беда! Сказано в священном писании: «Вначале было Слово». А потом – добавил один зубоскал, – пошли одни слова, слова, слова. Человечеству грозят не только катаклизмы, болезни, мир, а первым долгом безудержное словоблудие. Нет никакого смысла в словах, лишенных силы, энергии и действия.

«Просто, брат мой, пустое» – первая фраза романа «Мамлюк».

* * *

Гоголевский герой совершенно точно знал, что «луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается». «Я

удивляюсь, – записывает титулярный советник Аксентий Иванович Поприщин, возомнивший себя испанским королем Фердинандом VIII, – как не обратит на это внимание Англия. Делает его хромой бочар, и видно, что дурак никакого понятия не имеет о луне»

В Казахстане, сильно подозреваю, многое делается тем же криворуким хромым бочаром, и хотя он, скорее, не дурак, но понятие невеликого и делает многое ляп-тяп.

* * *

И еще весьма существенное замечание гоголевского титулярного советника: «Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает».

Это было еще тогда, в 19-м веке. Ныне внесены коррективы: когда США нюхает табак, чихает вся Европа. А Россия вздрагивает и отряхивается.

* * *

Есть писатели, философы, квази-мудрецы, шарлатаны, шибко гелертеры, которые говорят и пишут вычурно, туманно, нарочито усложнено, витиевато, путано, кудряво. Меня они всегда настораживают. Я немного и недолго болел этой болезнью в далеком юношестве, на первых курсах института. Производил впечатление на девиц. Вскоре, однако, понял: смешно и глупо. Нет такой мысли, которую невозможно выразить максимально просто и доступно. Если говорить загадочно и туманно, с вывертами, то мысль твоя не ясна и не определенна. Говорить и писать просто, не забавляясь трескучими словами, некоторые склонны принимать за примитив. Пусть! Для меня важно, чтобы меня поняли, а не восхищались моими словесными побрякушками и выпендрежем.

Как я обрадовался, прочитав примерно то же в «Круге чтения» Льва Толстого: «Когда люди говорят мудрено, хитро и красиво, то либо хотят обмануть, либо хотят величаться. Таким людям не надо верить, не надо подражать им. Хорошие речи просты, понятны

всем и разумны» (См. Л.Толстой, «Круг чтения», РИПОЛ классик, М., 2004, стр. 98).

* * *

Покойный писатель Иван Павлович Щеголихин обладал незаурядным жизненным опытом, обо всем имел свое суждение, иногда парадоксальное, был, что называется, тертый калач, знавал, почем фунт лиха, и хотя я не все его мнения разделял, охотно и много с ним беседовал.

Время было сложное, только-только, робко складывалось независимое государство, мы оба не стояли на отшибе всех событий, которые лавиной обрушивались на всех мало-мальски мыслящих людей.

Одна из постоянных тем наших бесед, помню, было будущее Казахстана: мы ведь оба были верными казахстанцами – он Костанайский, я – Северо-Казахстанский. Он был из раскулаченного племени, я – из депортированного. Мы искали определения понятиям «нищета», «бедность», «богатство». Нам чудилось, что вполне реально создать общество материально обеспеченных, относительно состоятельных граждан. Ведь в нашей огромной стране есть все, Создатель не скупился на своих благодеяниях. И народ покладистый, терпеливый, толерантный. Однако, сомнения брали верх: ай, вряд ли можно уповать на крутой взлет. Вековые испытания пошатнули дух номадов. Слишком много прорех и изъянов накопилось. Добиться максимума в своих свершениях возможно, но никак не скоро.

Иван Павлович ссылался на контрасты Индии: с одной стороны, сказочное богатство, с другой – безысходная нищета. Неужели и Казахстан обречен на такой удел?..

С аульной бедностью я столкнулся в военное лихолетье. Правда, наша семья не бедствовала, благодаря смекалке и трудолюбию родителей: даже в ссылке обзавелись коровой, курами, огородом, лесными и степными дарами, хмелем-солодом, ловили в старицах

и Есиле рыбу. У местного населения на первых порах всего этого не было.

С тех пор прошло более 70-ти лет. В Казахстане изменилось все. Неузнаваемо. Несравнимо. Нищих, полагаю, не осталось. Разве что бомжи, промышляющие у мусорных баков.

А вот бедолаг по-прежнему многовато. Некоторые смирились с нуждой, покорились: «И-и-и, Алла, бергеніңе шүкір». Другие отчаянно пытаются обрести сразу все – жилье, тачку (пусть завалящую), телевизор, холодильник, стиральную машину, ковры, мебель, дачу – все атрибуты благополучия. И берут безоглядно кредит – один, два, три, пытая расплатиться с божьей помощью. Даже на свадьбу, на поминки, на сундеттой, на постройку дома, на бизнес. Чем мы хуже других! Однова живем! Аллах и добрые люди подскажут выход. Бұйырғаны болар! Не будем, как бишара, протягивать ножки по одежке. Рискнем! Тауекель! Родное государство в беде не оставит.

И что в результате? Та же бедность, процентная удавка, кабала, ярмо беспросветья на грани рабства.

Увы, не всем бутерброд с икрой уготован. Иным приходится довольствоваться пирогом с нетом, или зачерствевшим баурсаком.

Но азазель-искуситель любит потешаться над человеческим тщеславием и скудоумием. И людишки запросто попадаются в этот сладкий капкан. Отсюда неистребимая бедность. Ойпырмай, жетпейді-ау, жетпейді!

Впрочем, вариантов много. Не только банковский кредит.

В последние годы я много читаю и перечитываю Льва Толстого. Преимущественно дневники, философские и религиозные трактаты, морализаторские гаклии. А также многочисленные воспоминания и эссе о русском гении. Восхищаюсь, умиляюсь, но учение великого Арыстана мне чуждо, апология простоты, бедности, осуждение собственности и богатства, физические ограничения и запреты, религиозные поиски, отчуждение от всего материального, аскетизм, непротивление злу и т.д. меня не прельщают. Человек

все же должен стремиться к достойной жизни. Он ее заслуживает. Он не должен копошиться у мусорных баков. Это не его доля, если даже ему удобно так жить. И богатство, необходимое нормальному естеству, имеет свои границы, свою меру, свои пределы. Хапать все подряд и жрать в три горла – совсем не счастье. И разумно все-таки протягивать ножки по одежке.

К этому выводу я твердо пришел, прожив к настоящему времени 80 лет. Не надо лишнего, но и голым задом сверкать не след.

Я всегда жил скромно. Довольствовался тем, что зарабатывал пером. До 37 лет постоянно жил в долгах. Это было прискорбно и унизительно. Но ничего – продержался. Не иссволочился, не скурвился, не ожесточился. Сохранил, сберег живу душу.

Что значит жить скромно и достойно? По нынешним временам, полагаю, что каждому члену семьи необходимо в месяц иметь по 70-75 тысяч тенгушек, заниматься любимым делом, обладать кое-какой заначкой (допустим, два-три десятка тысяч «зелененьких»), и никаких кредитов, долгов, страхов из-за девальвации, кризисов и дурных финансовых реформ. А миллионы и миллиарды принесут лишь головную боль, разброд, шатание, нервные срывы и тотальные стрессы. Это все равно, что съесть лишнее. Расплата неминуема. Острослов Калтай в таких случаях говорил, что даже собака, прежде чем проглотить кость, оглядывается на свой зад, прикидывая свою возможность благополучно исторгнуть её.

Казахстан был долгое время бедной страной. И сейчас богатством не блещет, хотя и появились богатеи, олигархи, которые с жиру бесятся.

Но они большей частью нравственно подрывают независимое государство, сделав из него источник наживы и сами превратясь в моральные уроды, которые тщатся пришить мешки-коржуны с деньгами к своему гробу. Нет, не получится. Даже мифическому Крезу не удалось. На тот свет архангел не пропускал ни одного смертного с корджуном. Нагим пришел на землю, нагим отпра-

вишься на тот свет. Был прахом, станешь прахом. Помнить о том не грех.

* * *

Сколько раз мне приходилось по разным источникам читать сентенцию, которую упорно приписывают Льву Толстому: «Последнее прибежище негодяя – патриотизм».

Выражение это мне всегда казалось сомнительным.

Теперь узнал, что сказал это совсем не Лев Николаевич Толстой, а Джонсон. Толстой только включил это изречение в «Круг чтения».

А кто такой Джонсон? Сэмюель Джонсон (1709–1784) – английский писатель и лексикограф. Толстому эта мысль была просто созвучна.

* * *

Нынешние политические лидеры – как зарубежные, так и доморощенные – на мой взгляд, слишком говорливы. Пространно лялякают по всему поводу. В результате полная девальвация слова. Оно превратилось в шелуху. Вспомним неуемные словоизвержения Хрущева, Горбачева, Ф.Кастро, Путина, Обамы, Меркель... Явный перебор! Соришь словами – роняешь престиж – свой и страны. Легковесный треп стал вселенской бедой. Бабий язык не красит политического деятеля. Бла-бла-бла – предтеча развала и краха.

* * *

Ныне принято ругать патриотизм и патриотов. Я эту точку зрения не приемлю. Я воспитан в духе уважения к реальному и достойному чувству патриотизма. К негодяйству его не причисляю.

Другое дело – патриотизм на грани истерии, эйфории. Это – гнусь. Такой «патриотизм» ведет в тупик, в никуда. Это нечто преходящее, уродливое и постыдное. Разновидность фашизма.

* * *

Странное сближение... Читаю очерк Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой о Л.А.Сулержицком. Вот зачин:

«Жизнь должна быть прекрасна.
Люди должны быть счастливы»

Таково и мое миросозерцание. Таков камертон ощущения жизни. Именно «должны быть». Но так далеко не всегда бывает.

Это, однако, другой разговор.

Мне же вдруг подумалось о Фридрихе Ницше. С какой стати? Где-то приходилось читать, что только библиография о Ницше составляет шесть (!) томов. На этом фоне то, что я скажу о нем, наверняка прозвучит наивно и смешно, но есть потребность высказаться.

Фридрихом Ницше заморочил мне голову уникум Аскар Сулейменов еще в аспирантские годы. Он несколько лет грезил им, цитировал напропалую, восхищался, восторгался его максимами.

Я же дальше «Так говорил Заратустра» не пошел. Много раз эту своеобразную штуку перечитывал, старался в ней увидеть невидимое.

Мне были любопытны лишь форма изложения, самобытный стиль, игра ума, сложность дефиниций, многослойность понятий, которые в переводе – как мне казалось – теряли подспудные оттенки.

А вот основные идеи и исходные постулаты оставляли меня равнодушными. Было в них что-то болезненное, вывихнутое, агрессивное, категоричное, высокомерное, холодное, злобствующее. Мне чудилось, что пышноусый философ жизнь не любил. Да и человека не особенно жаловал. Как будто хмурился, кривил губы и ёрничал по всякому поводу.

Охотно допускаю, что я неправ, но по-другому объяснить не могу.

В самом деле, что значит «Бог умер». Когда? Почему? С какой стати? В чем суть этого эпатажного заявления?

Или у Ницше был свой индивидуальный Бог? Недотепистый, малахольный, беспомощный? Может, речь идет не о том общепринятом, всесильном, всемогущем Творце, не об Абсолюте, не Высшем Разуме? Может, Ницше имел в виду некое жалкое существо, угнездившееся в жалких, гиблых душах? Может, философ намекал на ничтожных двуногих, которые прозябают на земле и зря коптят небо? Может, в их теле погас дух, святой огонек и Бог покинул их раз и навсегда.

Наверное, «Бог умер» у Ницше не в прямом смысле, а умер то, что до поры до времени таилось в теле униженных и оскорбленных, лишенных жизнестойкость. Ведь «Бог умер» провозглашается не самим философом, не здравым рассудком, а неким умалишенным. Он является глашатаем этой вести. Допускаю, что многие жили и живут без Бога, и как раз у них-то он и умер. То есть, умер тот, кто и не жил.

Отсюда и другая максима: «Падающего толкни!» Интересно, что конкретно имеется в виду: «Толкни того, кто падает», ибо от него все равно никакого толка, все равно его не спасешь, или: «Толкни то, что обречено упасть», ибо никакими подпорками-усилиями не удержишь? Надо бы заглянуть в немецкий оригинал. (Сейчас, в сей момент, когда я пишу эти строки, перед моими глазами вереницей проплывают рыцари наживы, хапуны независимого периода: у них ведь в душе нет Бога – Бог у них акша, доллар – и они падают; значит, не спасать их надо, не милосердие проявлять, а крепко подтолкнуть, дабы рухнула в грязь или за решетку эта мерзопакостная гнусь).

А что значит, «если идешь к женщине, бери с собой плетку»? Это еще почему? Чем так искони провинилась женщина? Что она – воплощение первородного зла, которое следует отстегивать камчой? Женщина этого никак не заслужила. Сказано хлестко, но неоправданно.

А что еще за Übermensch – Сверхчеловек? Он для чего понадобился? Он что, должен заменить умершего Бога? Сверхчеловек – сверхидеал? Как бы ни так! Он такое натворит, что чертям тошно! Он ведь нравственный урод, этот Übermensch, господин, которому не ведомы ни жалость, ни сострадание, ни человеколюбие, ни доброта. Кому он нужен, этот монстр-властелин? И что это за высокомерие к божьему созданию и подобию?

Нет, не буду я перечислять все сомнительные постулаты Фридриха Ницше. Он потряс всю Европу, он посеял жуткие сомнения, вырастил на божьей ниве цветы зла.

Я его не приемлю, как бы это смешно не показалось. Я исповедую гуманное мировосприятие. И напрасно старался апостол Аскар: ницшеанцем я так и не стал. И ныне им не являюсь.

А вообще-то я положил немало времени и усилий на постижение немецкой классической философии – старался посильно вникнуть в тяжеловесные труды Канта, Гегеля, Фейербаха, Фихте, Шеллинга, Шопенгауэра, Ницше. Напрасно! Vergebens! Они оказались мне не по зубам. В их писаниях слишком много темного, смутного, зыбкого, двусмысленного, нагромождение гелертер шахтель-затце, отвлеченного, неясного, «вещи-в-себе» и «вещи-для-себя», накрученного, навороченного, и тратить жизнь на эту заумь мне всегда казалось малоцелесообразным и практически ненужным.

Величие их признано, но карабкаться на их вершины по крутому серпантину не стану. Значит, не дорос. Бог не дал. Энергии познания маловато. Не философ. И нечего делать из этого трагедии. Я предпочитаю во всем конкретность и ясность. Из Гегеля я не однажды читал «Жизнь Иисуса». Вот эта работа без выкрутасов. А Ницше я больше воспринимаю, как мастера художественной формы, как эстета, как ювелира, нежели сумрачного и сурового философа с болезненным мировосприятием.

21.11.14

Тетрадь тридцатая

* * *

Человека, достигшего 80-летнего возраста, казахи аттестуют «сексеннің сеңгіріне шықты».

А что такое «сеңгір»? (Или зеңгір). Определение, означающее громадный, высокий, огромный. Чаще говорят: сеңгір тау. Высочайшая гора. Вершина, покрытая вечным снегом. Дожив до 80-ти лет, человек взошел на эту льдину-вершину. А 90 лет с чем ассоциирует? С рвом, с бездной, крутояром, с черной ямой.

* * *

Как зовут четырех главных ангелов мусульманской «Небесной иерархии»?

Азраил – ангел-вестник смерти.

Остальные – Джабраил, Микаил, Эсраил.

Джабраил – божий посланник; он передал Мухаммаду текст Корана (библейский Гавриил).

А Иблис кто? Сатана в мусульманской мифологии. «Враг Аллаха», падший ангел, изгнанный из рая и проклятый Аллахом.

Лукман – в мусульманской мифологии праведный мудрец, долгожитель, которому Аллах даровал жизнь, «равную жизни семи орлов», отмечен в Коране.

Муса – библейский Моисей.

Омар – ближайший сподвижник Мухаммада, «второй праведный халиф».

Сулейман – библейский Соломон.

Намаз должен быть пятикратным: 1) между рассветом и восходом солнца; 2) полуденный; 3) предзакатный; 4) послезакатный и 5) перед отходом ко сну.

Знать – хоть немного – мусульманскую мифологию казахстанцам не помеха.

* * *

Крохотный ресторанчик. Второй этаж. Богато сервированный длинный стол. Белоснежная скатерть. Откуда-то просачивается одинокая флейта. Вино. Соки. Фужеры. Тарелочки с закусками. Ваза с фруктами.

За столом на почетном месте, вальяжно развалившись в глубоком кожаном кресле, восседает Габит Махмудович Мусрепов. Он очень важен. Надулся. Еле-еле цедит слова, многозначительно их растягивает. Он, как вельможа из прошлого века, в расшитом золотом чапане. Слева взгромоздился на высоком деревянном кресле изрядно помятый, нечесаный Абди-Жамил Нурпеисов. Напротив Мусрепова почему-то смущенный, растерянный, на шатком стульчике, явно не к месту сижу я. Догадываюсь: Ғабе в ресторан в знак особого почтения пригласил Әбе. Ну, а я так, сбоку припеку, как незадачливый подстрочникист признанных классиков. Они на меня ноль внимания. Молчат. Видно, прикидывают: кто должен молвить золотое слово первым – хозяин дастархана или почетный корифей. Мне говорить, понятно, не пристало. Слишком малая сошка. Если

предложат произнести тост, я что-то пролепечу на тему: «Мусрепов в моей жизни», начну с аульной школы, с «Талпақ танау» и скажу по-казахски.

Мусрепов смотрит в потолок, постанывает-кряхтит. Нурпеисов нахохлился, втянул голову в плечи, выжидает. Я сижу, как на угольях, ерзаю, поглядываю украдкой на заморские бутыли, на фужеры, на красную, сочную рыбу и пузатую киевскую котлету, обложенную разноцветным гарниром. Самое разумное – вовремя смыться. Я им чужой. Литературный пролетарий.

И тут Мусрепов едва ли не по слогам изрек: «Же-ла-тель-на особа, которая ухаживала бы за на-ми».

Тут же, откуда ни возьмись, впорхнула в зальчик смазливая смуглянка в пышном белом платье с оборками, наряженная и размалеванная, как лиро-дастанная дива, целует Мусрепова, наполняет бокалы, подает салфетки, сладко-томно воркует.

– Аға! Ағатай! Ғабе! Душка! Айналайын!

Учтиво поздоровалась с Нурпеисовым, на меня покосилась вскользь, как на нежелательного пришельца и прощебетала что-то по-русски.

– Почему ты с ними общаешься по-казахски, а со мной по-русски? – взъелся я сходу.

Она на миг растерялась и всецело занялась Мусреповым. Он весь обмяк, растаял от женского внимания. Нурпеисов точно окаменел в своем кресле, сгорбился-съежился, отрешенно пожевал губами.

И вдруг он будто очнулся и отчетливо произнес:

– ... социально активная кровь...

И тут обрушились неистовые аплодисменты, все громче, громче, хотя в ресторанчике и людей-то не было видно.

Нурпеисов встал, поклонился в пространство, маленький, как карлик, с непомерно большущей головой, с нечесаными в густой перхоти космами.

А аплодисменты переросли в овацию. Казалось, тысячи и тысячи людей изо всех сил дубасили в ладоши.

Мусрепов оскорбился, выдавил с хрипотцой:

– Ха-ха-ха-ха! Во дает! Нашел со-ци-аль-но активную крррровь...

И тут я проснулся.

* * *

Никак не могу вспомнить одного славного, именитого казаха, который был членом русского географического императорского общества. Склероз. А вот дочерей его вспомнил по именам – Аргуния, Наймания, Аспазия, Андромеда. Ничего не скажешь – прикольно!

* * *

Не могу объяснить – почему, но вижу, что памятник Чокану перед бывшей Академией наук превратился в излюбленное место для свадеб – людских и собачьих.

* * *

Великий русский художник И.Е.Репин говорил о себе: «Я не талантливый, я трудолюбивый».

У меня, Бельгера, вообще никаких талантов, а трудолюбие кое-какое есть.

Среди казахов вообще талантливых очень много, а трудолюбивых негусто.

Мне рассказывали, как еще до войны, получив какой-то орден, писатель-шахтер Альжаппар Абишев в конце какого-то собрания объявил: «Писатели-орденоносцы останьтесь, а те, что без ордена, пусть идут восвояси». И М.О.Ауэзов, покорно опустив голову, вышел из зала.

Уже на моей памяти, на исходе 60-х годов, юная и задиристая Фариза Унгарсынова с трибуны писательского пленума изрекла: «Пусть говорят только талантливые писатели, а неталантливые пусть помалкивают». Талантливые это были кто? Т.Ахтанов, А.Нурпеисов, З.Кабдолов, А.Кекилбаев, А.Сулейменов, Ш.Муртаза и, конечно, она сама. Остальные были пустоцветы.

О трудолюбии и речи не было.

* * *

В ауле, куда нас осенью 1941 года депортировали с Волги, изгоем и пришельцем меня признал один-единственный гусак. Возненавидел он меня люто и зорко подстерегал возле колодца или лавки в верхней части аула. Кому принадлежала стая белых, упитанных гусей во главе с голенастым, лапчатым, красноносым злюкой-гусаком, я не помню и поныне – то ли мулле Елемесу, то ли матерщиннику Сеид-ходже, то ли грозному баскарме. Огромен был гусак, осанистый, самодовольный и беспредельно наглый. Из двуногого племени объектом его агрессии был в ауле только я. Заметив меня, он весь раздувался, топорщил перья, низко вытягивал длинную шею, издавал боевой клекот, начал угрожающе шипеть и, подкатываясь, как возмездие, больно хватал за пятки, за икры, упруго толкал в грудь и дубасил меня тяжелыми крыльями. Если ему удавалось свалить меня оземь, то он свирепо топтал меня, вонзая свои когти в мои тощие бока и спину. Мои чумазые тамыры в латаных дамбалах и негнущихся штанах из заскорузлой жеребячьей шкуры, любуясь этой неравной потехой, покатывались со смеху, кричали: «капут, капут!», а мне было и больно, и страшно, и стыдно, и обидно до слез. Я боялся ходить в лавку, к колодцу за водой, вооружался и хворостинкой, замахивался на гусака солдатским котелком, кричал на него: «бандит!», «суболыш», «әкеннін аузын!»... Но гусак человеческого языка не понимал, свирепел пуще, хорохорился перед своими подругами. Не было с этим окаянным сладу. И почему он жертвой избрал именно меня? Может, оттого, что я был белокож, менее чумазый, чем мои тамыры, был как бы чужаком в ауле, тощий и беспомощный, выказывал слабину? Или был обут в красные сандалии? Достал меня этот разбойник, терзал меня всласть. Даже во сне преследовал. Однажды я пожаловался отцу. Он рассмеялся и посоветовал: «Ты первым бросайся на него, ударь его ладошкой по шее, вот так, ребром, резко и тут же пни его под бок изо всех сил».

Я изменил тактику. Не стал избегать его, удирать трусливо, как аульные шелудивые шавки, поджимавшие при виде гусака хвосты.

Как-то раз я опередил его, когда он, распластав крылья, с мерзким шипом, клацая клювом, грозно подкатывался ко мне, я удачно размахнулся помятым армейским походным котелком, ударил в его красноглазую верткую башку и тут же, не дав опомниться, пнул его под бок с такой силой, что гусак не устоял, завалился, как подкошенный ворог. Видно, такой прыти от меня никак не ожидал.

Я осмелел. Поборол свой страх. Выиграл первое сражение. Гусак не сразу, однако, сдался. Еще несколько раз после того случая он надеялся на реванш, но уже осторожничал, только шипел громче и хлопал крыльями, соблюдая дистанцию. Он сообразил своим гусиным умишком, что я его уже не боюсь, не только дам сдачу, но и сам норовлю побить его, лишив его былой воинственности, в глазах его гогочущих гусынь.

Для меня это было достойным жизненным уроком. Я уверовал, что и на насильника-гусака есть управа.

Тогда мне было семь годков. Ныне мне за восемьдесят. Гусаков разных в жизни встречал немало. Те гусаки, что действуют открыто, не очень-то и опасны. Более коварны гусаки скрытые, незаметные, сидящие по углам, в разных министерствах, департаментах, акиматах, канцеляриях, офисах, безнаказанно творящих произвол и беспредел, втихаря, исподтишка, выискивающих жертву и пакостящих из-за засады. У-у, таких гусаков ныне развелось стаи. Их и не видишь, и кусают-щипают, жалят они больно, не хлопая крыльями, не издавая шип, не клацая клювом. Они горазды что-то запрещать, закрывать, не пущать, плести интриги, служить нечистоплотным, неблагородным задумкам, лгать и клеветать, оставаться в стороне и творить гадость исподволь в угоду своего хозяина.

С такими гусаками и бороться непросто. Таковых армейским котелком по башке не саданешь, под дых не пнешь, по шее не дашь. Тут нужны затяжная осада, подлые санкции, изнурительные интриги и отравленные стрелы. Иначе с этим племенем не сладишь. А истребить его на корню и вовсе невозможно. Как мафию. Как коррупцию.

* * *

Не перестаю восхищаться Львом Толстым. «Айналайын сакалыңнан данышпаным», – поневоле шепчу о нем, читая его дневниковые записи незадолго до кончины.

«Забери хоть всю землю и все деньги, а заболеешь, помрешь – и все ни к чему» (30.09.1909).

«Большинство обращающихся ко мне ищут не моего мнения, а только моего одобрения на их мнения».

«Все не знаю, как помочь. Вот от этого хочется умереть»

«Просыпаюсь. Опять жить. Сознание сознания есть любовь». (16.11.1909).

«Целый день тоска, стыд, гадок сам себе» (4 декабря 1909 г.)

* * *

К этой теме я не безразличен сызмальства. Разных материалов-сведений собрал немало. Иногда их обыгрываю в своих статьях и интервью. Вот нашел среди пожелтевших бумаг справку отдела спецпоселений НКВД СССР о количестве спецпереселенцев на октябрь 1946 года (я тогда как раз пошел в четвертый класс аульной школы). Вот данные той справки:

«Всего находилось на спецпоселении 2 463 940 чел., из них мужчин 655 674, женщин – 829 084, детей до 16 лет – 979182 (выходит, я тогда входил в это число). Далее в справке приводятся данные о чеченцах и ингушах (по той же схеме: мужчины, женщины, дети до 16 лет), о карачаевцах, балкарцах, калмыках, крымских татарах, болгарах, греках, немцах, мобилизованных немцах, бывших кулаках, турках, курдах, хемшинах, оуновцах, фольксдойче, немецких пособниках, истинных православных христиан, переселенцах из Литовской ССР, власовцах. Почему-то нет данных о поляках, корейцах.

За всеми этими цифрами стоят жуткие человеческие трагедии, о чем многие ныне и не помнят. А иные сознательно вытравливают из сознания детей, внуков, правнуков и праправнуков, полагая, что не все прошлое следует помнить.

Я-то придерживаюсь иного мнения, считая, что прошлое не прошло.

* * *

Внимательно читал толковую, на мой взгляд, статью в «ЛГ» (№ 45/2014). На вопросы газеты отвечает доктор исторических наук, профессор СП (б) ГУ Игорь Фроянов. Интервью называется «Извечные санкции». Речь, понятно, идет о санкциях против России. О том, что Запад никогда не любил России, я знавал из разных источников. Но не полагал, что эта активная неприязнь имеет столь глубокие корни. Историк называет санкции Запада еще при папе Иннокентии III (1198–1216 гг.), при Шведском короле Бергере Магнуссоне, при Ливонском ордене. Продолжались эти санкции и в XV, и в XVI веках и позже. При Иване Грозном, боясь усиления Руси, не «пущали» туда теологов, юристов, переводчиков, медиков, аптекарей, архитекторов, плавильщиков, слесарей, часовщиков, переплетчиков и многих других представителей иных профессий. Предпочитали Россию видеть дикой и отсталой.

С высоты нынешней истории и геополитики России эти санкции кажутся смешными и глупыми. США и Европе неймется установить новый мировой порядок и наказать (если нельзя приучить) строптивого российского медведя. И кому-то это очень нравится и хочется. Даже из окраинных хилых государств. В моем адвокатстве Россия, конечно, не нуждается. Она меня отторгнула еще в 1941 году, выселив нас, российских немцев, в Сибирь и Казахстан. В адвокаты я и не напрашиваюсь. Но грозное шипение мелких шавок меня никак не впечатляет.

Вот картинка: сидит громадный, добродушный, косолапый, лохматый медведь, а вокруг него с санкциями пляшут-улюлюкают европейские волки, лисы, барсуки, еноты, шакалы, зайцы, суслики, мыши и натужно пугают верзилистого медведя. Обхохочешься! Медведь одной лапой двинет, и этих зверушек и в помине нет. За кустом спрятался смуглый дядя Сэм и руководит хором. Не знаю, кто как, а я задумался.

Вспомнил, как когда-то на нищую Русь набросились 14 сытых европейских государств. И что получилось? «И на Тихом океане свой закончили поход».

Каким бешенным и свирепым санкционером против России был некий бесноватый Адольф. О, не чета нынешним адольфикам! Мне

вспоминается рассказ одного пленного фрицика. Лежал фрицик в лазарете в российской глубинке. Лечили его русские врачи. Лазарет был размещен в бывшей школе, и над койкой фрицика висела засиженная мухами карта Европы. Фрицик целыми днями изучал по ней географию. За три года ожесточенной войны вооруженный до зубов Фрицик и его разноплеменные камерады с жуткими мытарствами одолели пространство шириной в четыре пальца. А до Урала простиралось пространство еще в две-три ладони. А далее Россия тянулась до океана еще на пять-шесть ладоней. И фрицик задумался поневоле: сколько же нужно европейской мощи, чтобы пройти Россию от края и до края?! И у фрицика прояснился разум, открылись глаза. И он смекнул, что никакой адольф эту махину не покорит, будь он хоть трижды бесноватым. Никаких санкций не хватит.

Госпожа канцлерин, похоже, тоже малость подрастерялась. Тоже решила попугать Россию. Заговорила об европейских ценностях и наращивании военной мощи. Думает, таким образом угодить дядюшке Сэму. Впрочем, кто знает, что у канцлерин на уме. Посоветовалась хотя бы с аруахам того пленного фрицика. Оценила бы здраво эффективность своих санкций.

Политика «Drang nach Osten» стала посмешищем со времен Карла Великого. С «lebensraumom» тоже вышел пшик. Дразнить медведя можно. И на нервы его можно поиграть. А на большее европейские құрт-құмырска вряд ли способны. Казахи верно заметили: «Көтешкене қара!»

Вот о чем подумалось мне, когда я прочел интервью русского историка в «ЛГ».

Допустим, то, что я здесь пишу – сугубо из области эмоций. Много ли проку в рассуждениях пенсионера аль-Дивани?

Интервьюер задает вопрос:

– Что нам делать в сложившейся ситуации?

Историк Игорь Фроянов отвечает:

– Быстрыми темпами перевооружать армию, незамедлительно приступить к развернутому строительству национальной экономики

и возрождению традиционной национальной культуры, восстанавливать во всех возможных формах утраченное геополитическое пространство, искать и находить дружественные нам страны, выступая с ними единым фронтом против претензий США на избранность и гегемонию...

Спрашивают: «Реально ли все это?»

Ответ: «И реально, и по нашим силам».

Далее следуют доводы, против которых я возражать не смогу. Повторяю: тявкать на Россию абсурдно. Она рявкнет: «Цыц!», покажет пальчик, и все шакалы прижмут хвосты.

* * *

В 60–70 годы прошлого века я о Германии неизменно думал вожделенно и вдохновенно. Я эту страну воспринимал через классическую немецкую литературу и философию. Наречия немецких княжеств, диалекты наших предков, народные песни и сказы-легенды, которые были мне в ограниченной мере известны и доступны, навевали поэтический-ностальгический образ исторической родины. Именно через эту призму я воспринимал современную Германию.

Мой знакомый и дальний родственник Генрих Христ, еще в те годы упорно мечтавший о переезде в страну предков (движение за автономию на Волге его не прельщало), привозил оттуда разные тряпье-барахло (типа «секонд-хэнд), в т.ч. аляповатые дешевые книжонки с весьма примитивным содержанием и формой изложения. «Вот она настоящая немецкая культура!» – с восторгом говорил он, передавая мне, как искушенному литератору, эти глянцевые издания германских шрифтштеллер. Прочел одну книжку, с напрягом – вторую, а третью так и не одолел. На таком уровне в то время не творили ни в России, ни в Казахстане, ни вообще в СССР. Все надуманно, шаблонно, бездуховно, сю-сю, манерно, слащаво, фальшиво – сплошь банальщина и пошлятина малообразованных домохозяек. Позже смекнул: это была массовая халтура, которой забавлялись сытые домашние фрау, обитавшие в своем иллюзорном мирке.

Я недоумевал: неужели немцы докатились до такого убожества?! O, mein Gott!..

Да, именно так! Существовала, конечно, настоящая литература, определились разные направления, идеологические, эстетические, концептуальные, встречались лауреаты Нобелевской премий. Но их произведения попадались мне главным образом редко и в переводе на русский язык.

Германских писателей, журналистов, издателей, режиссеров (из ГДР и ФРГ) чаще всего по линии ЦК КП К отправляли ко мне, видимо, как к этническому немцу, имеющему отношение к культуре. Я их охотно встречал в домашней обстановке, угощал бесбармаком и коньяком, вел открытую беседу и вскоре понял, что их представление о русской (bzw. советской) литературе довольно однобоко (звучали в основном Пильняк, Бабель, Зощенко, Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Шаламов, Цветкова). Других не знали и знать не желали. Вскоре я потерял к ним интерес. Они почему-то усиленно старались обращать меня в свою веру. О казахской литературе и литературе российских немцев, разумеется, и понятия не имели. Русских классиков – Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова – знали, но тоже находили в их творчестве некие темные пятна и изъяны.

Дальше – хуже. Русскую классику в Германии по-прежнему издавали и читали, но критерии заметно изменились. В скобках скажу: переводят немцы классно – прилежно, аккуратно. И Толстого, и Достоевского, и других русских знаменитостей переводили не по одному разу – часто обновляли, уточняли и углубляли немецкие тексты.

Будучи в Германии, я обратил внимание на то, что в издательской политике русской литературы обозначился явный крен. Немцам понадобились непременно оппозиционные мотивы. Духовность, культура, стиль и прочие тонкие материи ушли на второй план. Немцам больше по душе Виктор Ерофеев, Виктор Пелевин, Владимир Сорокин, Людмила Улицкая, Михаил Шишкин, Владимир Маканин, Александра Маринина, Полина Дашкова, Дарья Донцова, Борис Акунин, которых в России, насколько мне позволительно

судить, почитает весьма определенного толка любители пошлятины и банальщины. На вопрос: «Какую русскую литературу читают в Германии?» исследователь этой темы Дарья Болль-Палиевская отвечает: «Романы Толстого и Достоевского завоевали Германию еще в XIX веке. Однако настоящий интерес к русской литературе у немцев проснулся уже после Второй мировой войны. Если до 1941 года на немецкий было переведено всего 700 произведений, то после 1945-го это число возросло до 2520. О современной русской литературе в Западной Европе заговорили, пожалуй, лишь в 1958 году в связи со скандалом, связанным с присуждением Нобелевской премии Борису Пастернаку. Очередной (и пока последний) всплеск интереса возник в эпоху перестройки, но он быстро сошел на нет. Сегодня на книжном рынке Германии небогатый выбор имен и жанров русской литературы» (См. «Russland – Deutschlnd: Auf der Suche nach einer gemeinsamen Sprache». (Специальный выпуск «Московской немецкой газеты», 2014 г. стр. 34-35).

Думаю, Дарья Болль-Палиевская права. Мои личные впечатления свидетельствуют именно об этом. Я имею кое-какие контакты с германскими издателями, переводчиками, писателями, редакторами и знаю, что дела их далеко не завидные. Издают главным образом на свои деньги, тираж крайне ограничен (иные радуются тиражу в 50-100 экземпляров), если продаются менее 100 книг, то их критика и не замечает; редко, какое издание удостаивается двух рецензий; «раскручивать» книгу очень трудно, на конференцию или «круглый стол» едва соберется десяток человек. Картина намного печальнее, чем у нас, в Казахстане. Я это сам лицезрел (а рассказывали о том участники подобных встреч Ч.Айтматов, А.Нурпеисов, А.Кекилбаев, Л.Кошут). На центральных площадях Берлина, Бонна, Франкфурта, Дюссельдорфа я почти не слышал немецкой речи. И немцев видел негусто. Преобладали турки, курды, итальянцы, испанцы, хорваты, буряты, мексиканцы, румынские цыгане, эфиопы, украинки, молдаванки, наши бывшие соотечественники, чеченцы, русские... Разумеется в их руках я книг не видел, разве что аляповатые коробки, пакеты, огромные кружки пива, мобильники, фотоаппараты.

Допускаю, то, что я видел – не совсем суть. Есть интеллектуалы, грамотеи, полиглоты, истинно просвещенные люди. Но кичиться все же нечем. Ни образованием, ни культурой, ни духовностью. Народ явно ориентирован на оглупление, на извращение, на истребление духовных ценностей и добрых традиций, на темные, низменные инстинкты, на жвачку и ложь. Вот фраза из выше названной статьи: «В принципе люди хотят услышать, что Булгаков против Путина, а Хармс Крым оставил бы Украине».

Подобные трансформации я заметил не только в Германии. И этот примитивизм насаждается с жутким упорством, всесокрушающей хваткой и методичностью. То, что немцы нынче читают (говорю о русскоязычной литературе), вызывает в немалой степени недоумение и отвращение.

* * *

Общеизвестное наблюдение, да и я о том говорил и писал не раз – о том, что жизнь человеческая протекает полосами – черными и светлыми. Есть такая последовательность: они чередуются, кто-то следит за их чередой. Полосы бывают долгими и короткими. За удачей жди какую-либо пакость, а за пакостью наступят мелкие или крупные радости. Их необходимо смиренно принимать, как причинно-следственные связи, как неизбежная расплата или милость.

Иногда две полосы идут подряд, вровень, и тебе деваться некуда. Именно в таком состоянии я пребываю ныне – в заключительные два месяца года 14-го.

Вот светлая полоса:

– достиг благополучно 80-летнего возраста;

– отметил эту межу здраво и достойно: обласкали, одарили, поддержали, превознесли, а юбиляр уцелел;

– издал шесть-семь увесистых книг;

– наградили Орденом;

– в меру приличия пошумели в прессе.

А вот черная полоса:

– одолела хворотьба, все «иты» зарычали-заскулили;

– заметно обессилел, одряхлел;

– обречен на кислое домашнее существование («үй қамақ», «үй күшік»);

– ночами у изголовья витают горестные думы;

– друзья-товарищи один за другим покидают бренный мир.

Ну, и что? «Амалың который?» Строптивиться смысла нет. Что Абсолют уготовил, то и принимай бестрепетно. От твоего характера и воли ничего уже не зависит. От рока уйти никому еще не удавалось.

* * *

В этой книге я узрел много любопытного и поучительного. Называется она «Салык Зиманов. Материалы к биографии» (Астана, 2014, объем 20 п.л., тираж 100 экз.) Занес ее Ильяс Козыбаев (сын историка-академика Манаша Кабашевича). Он и составил эту книгу.

Собственно, это сборник документов и материалов, посвященных жизни и деятельности очень видного, популярного юриста-правоведа, большого Гражданина, колоритной по всем параметрам личности.

Академика Зиманова (он прожил 90 лет) знали и любили многие. И не только в Казахстане. И я был его неизменным поклонником. Знавал его не один год. А будучи депутатом Верховного Совета Казахстана XIII созыва, виделись ежедневно. В юридических вопросах я ориентировался исключительно на него. Высокий, стройный, подтянутый, светлолицый, улыбчивый, неизменно тщательно выбритый, отутюженный, в строгом костюме и при галстуке, вооруженный всевозможными познаниями, активный, красноречивый, четко формулирующий мысли по-казахски и по-русски, рыцарски служивший Истине – таким он мне запомнился. Ко мне он относился как старший брат: любезно, заботливо, благосклонно.

Он вобрал в себе Дух нации и достоин большого художественного полотна. Видно, еще не пришло время. И материалы к огромной биографии еще только накапливаются.

Он стоял у истоков казахской государственной независимости и обеспечил (наряду с коллегами и учениками) ее юридическую и правовую основу. Как литератор именно таким я его воспринимал, находясь с ним в разных высоких комиссиях и комитетах. Горжусь тем, что мы были в первых рядах лауреатов Президентской премии мира и духовного согласия. Он одаривал меня своими фундаментальными исследованиями с лестным автографом.

Книга, о которой здесь веду речь, скроена из пяти разделов:

– Все мы родом из детства (документы о родителях и детстве, совпавшем с голодомором в Казахстане, о котором автор повествует малословно, но впечатляюще);

– Из записных книжек разных лет (лапидарные, живые записи фрагменты, к сожалению, со множеством орфографических изъянов в казахском тексте);

– Эпистолярное наследие (лишь часть переписки): а) во власть, б) коллективные обращения вместе с единомышленниками, в) из личной переписки с друзьями и знакомыми;

– Один день из жизни Салыка Зиманова (О каком дне идет речь? О событиях 25 октября 1990 года – дне принятия Верховным Советом Казахстана «Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР». Это был поистине переломный, судьбоносный момент в истории государства. Значение этого события переоценить невозможно. Я не был народным депутатом того – двенадцатого – созыва, но все драматические коллизии того – дневного и вечернего – заседания помню во всех деталях по материалам СМИ и рассказам-воспоминаниям его живых участников.

Во главе согласительной комиссии по выработке «Декларации о государственном суверенитете Республики» стоял Салык Зиманов. Он был душой и мозговым центром этого исторического акта. Это был звездный час его научной, политической и гражданской деятельности. Вместе со своими коллегами по депутатскому корпусу он создал основу государственного строя независимой страны.

Многие участники того знаменательного события я помню по дальнейшему сотрудничеству в следующем – Тринадцатом – созыве Верховного Совета. Многих уже ныне нет в живых.

Составитель книги Ильяс Козыбаев пишет: «Выбор этого дня обусловлен тем, что после него Салык Зиманович обрел поистине общенародную известность, стал публичной фигурой и вне академического сообщества, казахстанцы воочию увидели мудрого политика с твердыми убеждениями, истинного государственника, внесшего большой личный вклад в становление независимого государства».

Здесь все верно.

Стенографический отчет заседания второй сессии Верховного Совета Казахской ССР (25 октября 1990 года) живо передает дыхание того непростого времени, погружает в атмосферу бескомпромиссной борьбы – интеллектуальной и политической, национальной и межнациональной – по всем параметрам коллективной выработки законотворческой концепции строительства правового государства.

Спустя 24 лет (сегодня 22 декабря 2014 г.), я окунулся в сферу той жизни, того драматизма и живо ощутил все перипетии политической страсти.

Этот раздел в книге отражает квинт-эссенцию многогранной деятельности Ученого и Гражданина Салыка Зиманова.

– Пятый раздел: «Вспоминая о прожитом и современниках». Сюда входят фрагменты воспоминаний (в частности, военные этюды из жизни майора Зиманова), статьи о современниках (как правило, знатные, выдающиеся люди), заметки, соболезнования об ушедших друзьях.

Такова структура книги, ее поучительный пафос, ее документальная основа.

Мне думается (и очень хочется), чтобы о людях такого масштаба, как Салык Зиманов, были бы написаны – во имя будущих поколений – художественные биографии, романы, документальные повествования типа ЖЗЛ, ибо это такие Личности, по которым следует строить жизнь.

Недооценим, предадим их забвению – непоправимое горе.

Постигая иноязычия

В среднем в год – я посчитал – меня одаривают примерно ста книгами и рукописями на трех языках. С одной стороны, приятно, с другой – непосильная обуза. Я планирую в свое удовольствие перечитать, скажем, «Фауста», «Братьев Карамазовых», «Иосифа и его братьев», «Игру в бисер» или «Степного волка», а приходится читать опусы көлденең көк атты, т.е. встречного-поперечного. Еще недавно, едва завидя меня, вручали по одной книге или манускрипту, теперь преподносят связку или пакет многотомного собрания сочинений. А через неделю звонят: «Ну, как? Сколько томов одолели?»

Как быть? Кое-какие книги я просто бегло просматриваю, по опыту и наитию прилежного, со стажем читателя почти безошибочно определяя их суть и значимость, из других выхватываю фрагменты, диалоги, описания, третьи – что случается редко – читаю с карандашом, делая заметы на полях. Потом я все эти опусы отправляю по просьбе профессора-литературоведа Кулбека Ергобека в г.Туркестан в библиотеку восточной литературы. Не могу же я тысячи и тысячи книг хранить в ящиках на трех балконах. Иммануил Кант советовал дома держать не более 500 книг.

В декабре 2014 года я презентовал в Национальной библиотеке им. аль-Фараби свой мощно изданный однотомник. Презентация прошла для меня лестно и приятно. Собрались ығай и сығай. Конечно, после приличествующих случаю речей мне вручили – люблю точность! – двенадцать книг и пять-шесть журналов, помимо тяжеленной коробки «Тысячи казахских кюев».

Книги эти меня в основном обрадовали: в них речь идет о восприятии казахской ментальности людьми иной национальности, которых я в шутку называю «инородцами». Я вижу особый шарм в суждениях об иноязычной культуре представителями других народов. Мы сплошь и рядом с гордостью декларируем, что наше общество многонациональное и многоконфессиональное. Говорим: сто и более национальностей. Правда, я лично, сосчитав тридцать, каждый раз сбиваюсь со счета. Меня, однако, не оставляют равно-

душными суждения, скажем, русских, евреев, татар, немцев, корейцев, белорусов ect. о казахской истории, культуре, литературе.

Не стану здесь, пожалуй, вдаваться в подробный и обстоятельный обзор этой весьма продуктивной и конструктивной темы, но постараюсь посильно отметить несколько имен и названий книг, которые ее, тему, с любовью и тщанием освещают.

Не буду тревожить память тех давно ушедших инонациональных литературоведов, чей вклад в казахскую ауру весом и значителен. Уверен, любой просвещенный казах в состоянии назвать подобных личностей не один десяток. А я начну свои упоминания с трагически погибшего профессора, критика и педагога – Виктора Владимировича Бадикова (1939 – 2008), доктора филологии, члена Союза писателей и ПЕН-клуба. Давний друг и коллега его Адольф Арцишевский издал несколько его книг, последняя из них увидела свет в 2014 году под названием «С вечностью начистоту» (Алматы, «Алаш» баспасы, объем 30 п.л., тираж 2000 экз.). В книгу вошли очерки современного литературного процесса Казахстана. Казахскую литературу Виктор Бадиков хорошо знал, любил и неизменно пропагандировал.

Так, о ком идет речь в данной книге?

Назову не всех: Абдижамил Нурпеисов, Дукенбай Досжан, Дюсенбек Накипов, Олжас Сулейменов, Мурат Ауэзов, Бахытжан Канапьянов, Бахыт Каирбеков, Мухтар Магауин, Аким Тарази, Сатимжан Санбаев, Роллан Сейсенбаев, Оралхан Бокеев, Дулат Исабеков. Должен ограничиться: и другие. А «другие» столь же значительные имена. И это не поверхностные заметки, реплики, отзывы, штрихи «по поводу», это серьезные аналитические статьи, полновесные литературоведческие, критические работы, раскрывающие глубинную суть творчества крупных казахских литераторов. Это вдохновенный взгляд русского собрата к творениям казахского коллеги. Мне эта книга дорога, и я не отправлю ее в музейную ссылку в Туркестан, я сохраню среди своих любимых книг.

Мой коллега Адольф Арцишевский, всю жизнь галерно работая в разных газетах и журналах, умудрился издать два (или три?) десятка книг – стихи, романы, рассказы, очерки, исследования.

Мне, принципиальному приверженцу казахской темы, особенно близки две его книги: «Портрет современника в интерьере эпохи» (А., 2013) и «Бремя совестливых и мыслящих» (А., 2014). В эти книги включены очерки о выдающихся казахах – ученых, писателях, поэтах, художниках, актерах, певцах, режиссерах, музыкантах, деятелях культуры. Огромный пласт культуры страны. Адольф проникновенно пишет о своих героях – Ермеке Турсунове, Бауржане Шукенове, Тимуре Сулейменове, Марата Семби, Амиржане Косанове, Канате Кабдрахманове, Смагуле Елубаеве, Ерболе Жумагулове, Сейдахмете Куттыкадаме, Мурате Ауэзове, Дулате Исабекове. Форма этих исповедей разная: очерки, статьи, беседы, интервью, размышления, анализ. Объединяющим началом служит любовь к объекту. А авторский штандпункт гласит: «Каждый мыслящий наш современник несет бремя совести и мысли, и чем оно тяжелее, это бремя, тем не безнадежнее завтрашний день, тем больше в нем света».

Против такого утверждения кто спорит?

Из моих русских коллег и друзей исключительной продуктивностью выделяется Владислав Владимиров (с ним мы в дружеских контактах около полувека). Библиографию его непросто представить ни по объему, ни по тематическим параметрам. Он филолог и историк, исследователь-архивист, искушенный журналист и писатель, по активной жизни – тертый калач. И собеседник приятный. Все его писания пронизаны казахскими мотивами, и национальную историю он органически воспринимает в интерьере эпохи, в потоке исторического развития. Такой дар. И мне, сложившемуся в казахском ауле («варившемуся в казахском казане»), он неизменно симпатичен и любопытен.

Светлану Ананьеву можно смело назвать достойной продолжательницей азийских традиций Зои Кедриной и Евгении Лизуновой. По масштабам литературоведческих интересов и работ она их, по-моему, превосходит. Из ее множества монографий, сборников статей, выступлений и рецензий я особенно выделяю две ее книги: «Встречи, которые выбрали нас» (Алматы, 2004) и «Казахстанская Пушкиниана» (Алматы, 2009). Ананьева активно печатается в многочисленных коллективных сборниках, всевозможных

«Трудах», материалах конференций – отечественных и зарубежных (Россия, Белоруссия, Украина, Чехия). Нередко выступает в соавторстве с признанными литературоведами. Возглавляя отдел аналитики и внешних литературных связей в Институте литературы и искусства им. М.О.Ауэзова, она снискала большую популярность и авторитет среди любителей и знатоков словесности и как исследователь, как популяризатор, как доцент вузов и член Союза писателей Казахстана.

Первая книга Светланы Ананьевой, названная мною выше, заключает в себе 9 интервью, 37 выступлений на научных конференциях, 57 статей, информаций, сообщений, 63 рецензий, 16 мемуаров. Львиная доля этих работ – казахстаника. Ну, а «Казахстанская Пушкиниана» – вообще классика. Исследование, достойное самых высоких похвал. Эту книгу высоко оценили крупные писатели и литературоведы в Казахстане и за его пределами.

Скажу здесь несколько слов о поэтессе, переводчике, очеркистке Любови Шашковой, белоруске, связавшей свою судьбу с Казахией, успешно трудящейся в том же русле, что и упомянутые выше коллеги. Она хорошо знает казахскую культуру и пишет об ее ярких представителях с глубоким чувством и соприродством. Таковы ее творческие потребности и кредо.

Назову две ее книги, которые меня особенно впечатлили: «Хранители огня» (27 очерков о казахских деятелях культуры О.Сулейменове, Е.Тулепбаеве, Е.Рахмадиеве, М.М.Ауэзове, А.Нурпеисове, Е.Мергенове, А.Тарази, Р.Мукановой, Уке Ажиеве, Ж.Аубакировой, А.Мусаходжаевой и др. То есть, о выдающихся поэтах, художниках, композиторах, писателях, скульпторах, живописцах, музыкантах, культурологах, драматургах) и вышедшая в 2014 году книгу «Расскажи мне о себе» (четыре повести в монологах о народной художнице республики Гульфайрус Исмаиловой; заслуженном деятеле искусств Каз.ССР Дариге Тналиной; о народном артисте СССР Анатолии Молодове, о Марии Бурмакиной-Титовой.

Любовь Шашкова более сорока лет живет в Казахстане, издала более десяти книг, публикуется регулярно в журналах, альманахах, антологиях Казахстана, России, Беларуси, Кореи, является

заслуженным деятелем культуры РК, отмечена медалями России и Беларуси.

Сюрпризом для меня оказалась книга татарки Диляры Хасановой «Портреты словами» (г. Петропавловск, 2013 г.). В ней я обнаружил теплые, личностные воспоминания-очерки об Алькее Маргулане, Каныше Сатпаеве, Сабите Муканове, Евнее Букетове, Есляме Зикибаеве, Бибигуль Тулегеновой и многих выдающихся личностях Северного Казахстана, где некогда рос и воспитывался я. (Мне было лестно читать в этой книге и несколько живых страниц обо мне. Автор, оказывается, сопровождала меня в той памятной 1994 года – поездке в родной аул и затронула такие эпизоды моей личной жизни, о чем никто никогда не писал).

Задумав эти беглые заметки, я первоначально решил обойтись лишь несколькими именами, а потом вспомнил о высокой переводческой миссии в пропаганде казахской литературы и культуры таких славных «инородцев», как русских И.Щеголихина, П.Косенко, Н.Черновой, В.Гундарева, Т.Фроловской, евреев М.Симашко, А.Белянинова, Р.Тамариной, Ю.Домбровского, А.Жовтиса, Ю.Герта, корейцев Ан. Кима и Л.Сона, уйгура А.Аширi, таджика Сафара Абдулло, австрийца Лео Кошута (автора ряда статей о казахских писателях, издателя переводчика 20 стихотворений Абая на немецкий язык), немки Майи Ковальски (пишут в Германии об Абае, Шакариме, Торайгырове).

Тут память услужливо подсказывает ряд москвичей, оставивших казахстанский литературный пласт: Н.Анастасьев (автор трех солидных изданий об Абае, М.О.Ауэзове, А.Нурпеисове), Л.Аннинский, В.Оскоцкий, Л.Терокопян (авторы множества статей и выступлений о казахских писателях).

Разумеется, я вспомнил в своих вольных заметках далеко не всех бескорыстных рыцарей-«инородцев». Получается, я наметил серьезную – наверняка диссертационную тему лишь пунктирно. А тема заслуживает того, чтобы ее расписали обстоятельно и кардинально.

Думаю, не совсем скромно будет, если на фоне выше сказанного я промолчу о себе. Я, этнический немец, по сложившейся судьбе

очень близок казахской ауре. Все моя жизнь, все мое творчество в сильной степени оказахованы. Я перевел не менее 20-25 томов казахской прозы на русский язык (напрямик, без посредника), издал 76 книг, опубликовал более 2200 статей, рецензий, заметок. Без хвастовства, в изучении и развитии казахской истории, культуры и литературы я внес вклад, за который, смею надеяться, не стыдно.

Что мне кажется существенным из мною нашкрябанного за 60 лет?

Полагаю, 160 произведений, переведенных непосредственно с казахского; десять томов избранного; монографии «Гете и Абай», не однажды переизданной; четыре книги об Абае и семь составленных книг о его творчестве. Напомню еще десятки литературных портретов, объемные сборники «Казахское слово», «Казахские арабески» и дневниковые записи «Тень дней минувших» и «Өтеді өмір осылай».

Незамутненный, незатертый взгляд «инородцев» или «иноземцев» на иноязычную культуру всегда отличается свежестью, неожиданностью, неким шармом и своеобразием, что невольно вызывает интерес и любопытство. По-моему, это весьма поучительный и эффективный ракурс познания.

Так мне искренне кажется. И я ратую за такой метод постижения. Убежден: открытия возможны преимущественно на этом пути, если задачи поставлены глубоко, обстоятельно и корректно.

27.12.14

* * *

Считается, что все на свете объяснимо. Я бы уточнил: не все, а многое.

Уму непостижимо, сколько титанов духа дали человечеству немцы: Дюрер, Гете, Бах, Бетховен, Кант, Гегель, Манн, Гессе... И вдруг ублюдок, урод Гитлер. Это разве объяснимо?

* * *

Говорю себе: ну, и что из того, что ты хвор? Не умер же пока. А тебе, между прочим, 81-й год. Подумай, скажи: «шүкір» и помалкивай.

* * *

О смешанных браках меня часто спрашивают: благо ли это или изъян? У меня нет исчерпывающего ответа. Смешанные браки существовали всегда у всех народов: в результате войн, пленений, тесных общений, случайных связей, по любви, по нужде-необходимости, по обстоятельствам. От ситуации Вавилона спасу не было. В обновлении крови и породы плюсы очевидны; так же очевидны минусы в растворении, распылении, разжижении национальных корней и генов. Что больше – обретений или потерь? Когда как и кому – как. Определяет конкретика. Точных весов и критериев, кажется, не существует. В Европе – я в том убедился – о том вообще речи нет: все давным-давно смешались-перемешались. Фантастическое смешение племен издревле происходит и на Востоке. Каких только сочетаний-вариантов не встретятся в реальности?! Уму непостижимо! Дальше – больше.

Сергей Сатин (ЛГ, № 47/14) выразил эту тему так:

– Гюльнара Ивановна Смит
Реально работает в МИД.
Муж тоже нормальный чувак –
Микола Аронович Пак.

Ну, и что? Нормально! Этнологически задумываться можно, а трагедии из этого строить не нужно. Я сам живу около 60 лет в смешанном браке. Для нареканий и сожалений причин не вижу.

* * *

Напористый и деловитый Амантай кажы («Аттан!») поздравляет меня с орденом.

– Сколько у вас, ағасы, орденов?

– Два казахстанских и один германский.

– А медалей?

– Десяток наберется.

– О! А у меня ни ордена, ни медальки...

Несправедливо! Абеке не один десяток лет шумно и эффектно ратует за казахскую ментальность, за нравственность, за родной язык, за национальные ценности, за благородство и веру, за чистоту помыслов и достойных гражданских дерзаний.

Заслужил! Ей-ей! И «Ерен еңбегі үшін», и «Дружбу» (любой степени).

Видно некому представить к награде. Не Аллаху же этим заниматься. Придется мне с Олжасом проявить при случае инициативу.

«Ардагер» – звучит почетно и достойно

Забравшись на кряжистую, покрытую ледниками горную вершину восьмидесятилетия, я стал внимательнее приглядываться к непростой жизнедеятельности людей преклонных лет. Сам я довольно остро почувствовал все тяготы этого возрастного периода. Знакомые то и дело любопытствуют: «Ну, и как?». Хвастаться нечем. Энергия стремительно убывает, а все болячки – явные и тайные – мгновенно обостряются. Знакомый ветеран, отметивший с помпой свое 90-летие, совсем глухой и почти слепой, изрек при встрече: «Восемьдесят?! Плохой возраст!» На другой день поправился: «Восемьдесят неплохо. Плохо девяносто!»

Что делать? Приходится смириться, приноровиться, приспосабливаться. Сетовать, брюзжать, ворчать малопочтенно, малодушно. Высшая мудрость – казахские «шүкір» и «тәуба».

Старость – проблема прежде всего социальная, нравственная, общественная, государственная. Все цивилизованные страны это давным-давно знают. Отношение к старости – своеобразная лакмусовая бумажка дееспособности того или иного общества.

Дом призрения, дом инвалидов, дом престарелых – не самые удачные названия. О наших подобных домах доводится кое-что слышать и читать. Увы, большую радость и надежду это не вселяет.

В Германии благоденствует Фонд – Gajewitz-Stiftung – целый ряд мощных благоустроенных корпусов и ухоженных домов, в которых живут и радуются жизни граждане почтенных лет (от – примерно – 80-ти до более 100 годков).

Знакомый берлинец, старший друг, с которым переписываюсь и сотрудничаю без малого полвека, Леонард Кошут прислал как раз к моему 80-летию объемную, тяжеленную книгу, включающую в

себе несколько сот ярких художественных фотографий пожилых людей из этого самого Фонда. Уже несколько недель я этот громоздкий фолиант с любопытством просматриваю. Оказалось, это уже пятый по счету том фотографий и биографических лапидарных сведений. На меня смотрят старые, ухоженные, довольные и спокойные, уверенные лица; очень живые, опрятные, чистые, увлеченные, жизнерадостные, мобильные люди; у всех заслуги, достойное прошлое, здоровая психика, налаженный быт; все находят очевидные преимущества в нынешнем своем житье-бытье, хотя некоторые признаются, что поначалу очень неохотно переселились в Фонд из своих частных домов или квартир; занимаются любимым делом, находят хобби-интересы; совершают прогулки-моционы, посещают театры, музеи, музицируют, устраивают совместные читки; ходят в рестораны, кафе, делают покупки, общаются с детьми и внуками, посильно увлекаются спортом, размышляют о жизни, о своем физическом и моральном состоянии, радуются тому, что есть, живут большой, дружной семьей. Все тщательно продумано, разумно организовано, прилежно устроено.

Кстати, книга называется «Schönheit und Last» («Красота и тяготы»). Подзаголовок – «βildnisse vom Alter» («Картины старости»).

Подарок приятный и дорогой. И я вначале подумал, что Лео прислал мне этот увесистый фолиант в качестве назидания: смотри, мол, как подобает жить после 80-ти лет, бери с наших пример, вот как, дескать, положено продлевать свою полезную старость. Потом, листая и вчитываясь в короткие реплики и комментарии, наткнулся на дивные фотографии милой пары Кошут – Шарлоты и Леонарда. К сожалению, Шарлота, переводчица и редактор, знаток русской литературы, покинула нас в 2014 году в возрасте 89 лет, а Лео, поэт, переводчик, критик, издатель успешно трудится на ниве литературы и поныне в свои 92 года. В названный выше Фонд они находились с 2004 года. Я с любовью и доброй памятью вглядываюсь в их вдохновенные лица.

Что же меня совсем чуть-чуть насторожило в этом издании? Возможно, что слишком много внимания уделяется внешнему: интерьеру, обстановке, аксессуарам, обиходным деталям, креслам,

тумбочкам, шкафчикам, скатеркам, портретам, вышивкам, кофейным чашкам, вилкам, вазам, тарелочкам, подушечкам, оранжереям, балкончикам, одежкам, прическам, безделушкам, свечкам, аллеям, лампам, торшерам, подушечкам, статуэткам... из-за всех этих мелочей человек остается как бы на втором плане. Может, все это блажь фотографов? Может, они старались сделать все «красивее»? Не знаю... Обилие финтифлюшек засоряет глаз. Явно чужеродная ментальность...

И надо же было такому случиться, что именно в это время мне принесли три журнала «Ардагер» («Ветеран»), издаваемый нашим Общественным Фондом «Совет ветеранов ВОВ, тружеников тыла и детей войны». Журнал меня обрадовал: и содержанием, и целевой направленностью, четким адресатом, дизайном, редакторской правкой. «Ардагер» звучит почетно и достойно. Герои журнала – признанные в обществе ветераны-аксакалы, большинству которым за девяносто лет, увешанные орденами и медалями участники Второй мировой войны. Это не просто умудренные, заслуженные старцы, которые наслаждаются божьим даром, единственная цель которых долгожительство. Цветные, умелые фотографии отражают не только их благородный внешний вид, не просто их мундиры, погоны, ордена, медали, их семейный очаг, чаще всего скромный, а иногда и бедный, их детей, внуков, правнуков (самое главное богатство живущих на земле людей), но и их общественное реноме, неуемное старание послужить родине, народу, поделиться воспоминаниями, поделиться с читателями фрагментами из своих книг, поделиться опытом и высокими гражданскими идеалами своего непростого бытия, свершениями и дерзаниями. Я имею представление о многих наших славных ветеранах, с некоторыми тесно знаком, знаю их ратные подвиги, их деяния, о некоторых даже писал. Мне показалось, что у «Ардагера» акцент несколько другой, чем в образцовых, полных житейского соблазна и щепетильного орднунга германских схожих изданий. Ментальность все же иная. Душа настроена по-другому. Старость у всех схожая, у ней свои радости и тяготы, но в умении стареть просматривается, на мой взгляд, несколько иные традиции, цели и нормы поведения. Одни,

старея, видят только себя, воспринимают мир только в себе, другие даже старость подчиняют душе, идеалам и целям служения. Такое ощущение я вынес, с любопытством, сочувствием и умилением листая германский альбом о прекрасном Фонде для престарелых и наш журнал «Ардагер», отражающий гордый жизненный опыт и адресную помощь достойным личностям «Совета ветеранов», в который органически вливаются и труженики тыла и дети войны. К последним и я ведь отношусь, благополучно перейдя знатную межу восьмидесятилетия.

Фантасмагория

...Мы едем-мчимся на несуразном, диковинном драндулете: не мотоцикл, не «инвалидка», не крытая машина. Странная какая-то конструкция. Несемся с ветерком почему-то вдоль гор. По направлению в областной центр Кызылжар. На драндулете на разных уровнях нас устроилось человек пять. Кто-то спешит в больницу, кто-то в областную редакцию, третий – в некий представительный офис. За рулем сидит известный писатель Шерхан Муртаза. В ковбойке, борике, усатый, как всегда, немного сердитый, деловой. Едем – пыль столбом. Драндулет скрипит-скрежещет-лязгает всеми сочленениями. Впереди уже маячит окраина провинциального города.

– Кто там валяется? – ворчит Шерхан.

Действительно, на обочине дороги, у кромки увала, скрючившись, кто-то лежит. Останавливаемся, смотрим. Некто в круглом, дорогом борике, в богатом чапане, отороченном мехом, подтянув колени к животу, не являет признаков жизни. Апырай, а?! Вгляды-ваемся: ба это же Шерхан, больной, беспомощный, постаревший. Даже усы побелели.

Как же так?! Один Шерхан сидит за рулем драндулета, лихо нажимает на газ, а другой скукожился в пыли возле увала!

– Заберите меня... В больницу. Умираю...

Впихиваем его на заднее сиденье. Но там ему тесно и душно. Усаживаем на багажник. Тоже худо. Сильно дует. Сажаем рядом с водителем Шерханом. Больной Шерхан жует пропитанную бензином щетку и хрипит:

– Скорей! Скорей! Умираю... Кончились хлеб и соль моей жизни.

Мы не едем – летим над асфальтом. Все вокруг мелькает, как в калейдоскопе. Драндулет вот-вот развалится.

Въезжаем в город. Кривые улицы. Скособоченные дома. Хилые деревья. Обшарпанные стены. Мрак. Безлюдье. Сырь.

И тут второй – пожилой – Шерхан куда-то исчезает, и на его месте появляется сухой, изможденный, маленький Калмухан Исабай. Он спешит в редакцию областной газеты и по совместительству к руководителю областного филиала Союза писателей, чтобы выразить соболезнование по поводу кончины Шерхана Муртазы.

– Зайдем вместе, – говорит мне Калмухан.

Заходим в сумрачное, старое здание, поднимаемся по шаткой, деревянной лестнице, заваливаемся без стука в кабинет, донельзя захламленный мебелью с мусорки: скособоченные шкафы, продавленный диван, рассохшиеся столы и стулья, торшеры, настольные железные лампы, кипы пожелтевших рукописей и газет, компьютер бог весть какой давности.

– Асслаумагалейкум! – говорим полусонному типу в углу.

Тип, должно быть, секретарь, растерян, испуган при виде нежданных гостей, никак не вспомнит наших фамилий, хрипло орет в сторону комнаты отдыха.

– Е-е... пожаловали немецкий казах и казахский немец.

– Сейчас, – откликается из комнаты отдыха знакомый барственный голос.

Сидим. Ждем-с...

Все же я не выдерживаю, чуть приоткрываю войлоком обитую дверь комнаты отдыха. На уродливой железной кровати среди замызганных одеял, пледов, подушек, корпеше сидит при галстуке, с орденом на пиджаке, в очках – о, господи! – еще один Шерхан и позевывает. Я в ужасе захлопываю дверь. Это что же такое?! Один

Шерхан нас довез на драндулете, другой будто лег в больницу и истаял, исчез, испарился, видно, отправился в лучший мир к маме своей Айше, а третий, оказывается возглавляет местную газету и собирается нас приветствовать.

Черт знает что и сбоку бантик!

Наконец, выходит Шерхан, вальяжно усаживается в редакторское кресло, разглаживает усы, поправляет орден на груди, кому-то явно подражая (Ғабе или Бауке?), роняет в растяжку:

– Ал, жігіттер! С чем пожаловали?

Мы с Калмуханом смущенно переглянулись.

Это... – глухо пробормотал Калмухан. – Никто на этом свете не обосновался... Всем уготован один путь... Все в воле Аллаха. Мы пришли выразить соболезнование по поводу кончины Шерхана...

– Какого Шерхана? – спросил после долгой паузы Шерхан.

– Муртазы...

– Так... я разве... не живой сижу... перед вами, почтенные?!

Я посмотрел на Калмухана. Он – на меня.

Так, в самом деле, кто же из нас дубу дал? Калмухан живой, готовится к своему 90-летию. И я пока не окочурился. Только что справил 80-летие.

Ну, а Шерхан... вон он, живехонек. При деле. Что за чушь? Что за бред? Что за нелепая причуда?

– Стран-но-о... – сердито промолвил Шерхан. – Впору рассказ написать...

– Или пьесу... – согласился Калмухан.

Я проснулся.

Отшумел юбилей... Что дальше?

(Новогодняя беседа с Герольдом Бельгером)

О.К. От интервью в канун Вашего юбилея Вы, Герольд Карлович, вежливо отказались. Время между тем идет, происходят разные события. Может, просто побеседуем немного?

Г.Б. Да, юбилей, слава Абсолюту, прошел с традиционным перехлестом, а я стойко удержался и даже в какой-то степени уцелел.

Услышать приходилось столько всякой-всячины, что на той льдистой и ветреной вершине восьмидесятилетия ощутимо закружилась голова.

О.К. Что ж... юбилей – такой жанр. Недаром в обиходе его называют любилеем.

Г.Б. Поток поздравлений захлестнул меня: как-то сразу все обрушилось – 80-летие, День независимости, награда (Орден «Дружбы» второй степени), звание Почетного гражданина Северо-Казахстанской области, немецкое Рождество, Новый год. Два с лишним месяца просидел у раскаленного телефона. Обалдеть!

О.К. И книг немало вышло...

Г.Б. О, да... Это самое приятное. Шесть книг за прошедший год издал. И все объемные, массивные, по 600-400 страниц. «Тень дней минувших», «Избранное» (с фотографиями и документами), «Казахские арабески», «Вблизи и рядом», «Все, что смог...» (Библиография), «Ритмы судеб». Еще одну книжку издал Архив президента, в которой я обнаружил разные свои письма в высшие инстанции и документы.

О.К. И СМИ активно освещали юбилей...

Г.Б. Да, я насчитал более 60 статей обо мне в разных газетах и журналах. «DAZ» посвятила моей милости (meine Wenigkeit) целый номер. Власть тоже не осталась в стороне. Поздравительные адреса прислали Н.А.Назарбаев, К.-Ж.Токаев, И.Тасмагамбетов, А.Есимов, К.Кушербаев, М.Кул-Мухаммед, правительственные телеграммы я получил от зама. премьер-министра, от министров, от акимов областей, от руководителей общественных организаций, от посла и консула ФРГ в Казахстане.

Словом, обласкан сверху донизу. «Библиотека Олжаса» издала обо мне сборник, название которого мне и произвести здесь неловко. Спецпереселенец, некогда депортированный с Волги, о таких почестях и не помышлял.

О.К. Какое же нужно было иметь здоровье, чтобы все это выдюжить, осмыслить, акцептировать?!

Г.Б. А с этим как раз напряженка. Сердце-то крайне истощено. Но не будем о том. Здоровый не поймет, а хворому тары-бары ни к чему.

О.К. Мы знаем, что львиную долю Ваших творческих интересов занимает казахская литература, в гуще которой Вы вращаетесь лет шестьдесят. Литературе российских немцев достаточно ли внимания Вы уделяете?

Г.Б. Не знаю. Не взвешивал. Да таких и весов, наверное, нет. Действительно, казахская литература мне очень близка. По-казахски читаю и пишу. Активно ратую за все казахское. Перевел на русский язык томов 20-25 казахской прозы. Написал тысяч статей, рецензий, эссе, обзоров. Меня заваливают казахскими книгами. Прочитав или бегло просмотрев их, я отправляю ежегодно 150 экземпляров в Восточную библиотеку г. Туркестан. Такой у нас уговор с профессором Турецко-Казахского университета Кулбеком Ергобековым.

Что касается литературы Российских немцев – это моя боль со студенческих времен. В романе «Зов» я это подробно описал. В книге «Координаты» я приводу список моих трудов, посвященных проблемам культуры и литературы российских немцев: двенадцать названий авторских и десять составленных книг. Согласитесь, немало. Может, потому германское правительство и наградило меня Орденом «Verdienstkreuz»?

Таковы две ветви моего творчества. А третья – та, что пишу преимущественно по-русски. О том достаточно сказано и написано.

О.К. Ныне Вы продолжаете творческие контакты с российско-немецкими литераторами?

Г.Б. Вполне. Многие «наши» из Германии присылают свои произведения. Могу назвать человек двадцать – писатели, журналисты, поэты, критики, издатели, редактора. Я откликаюсь, пишу рецензии, обзоры. В тесном контакте нахожусь с берлинцем Лео Кошутом, с москвичкой Еленой Зейферт, с барнаулкой Светланой Яровской, с алматинкой Светланой Ананьевой, с гамбуржцем Константином Эрлихом, да и с Вами, дорогая Олеся. Иногда поступают весьма интересные и поучительные материалы. Вот передо мною сейчас лежат два увесистых, большого формата альманаха «Культура» (Немцы Сибири), изданные Немецко-национально-культурной автономией Омской области при содействии АОО «Международный

Союз немецкой культуры» и финансовой поддержке Германии в рамках Программы поддержки российских немцев. Так длинно обозначено в выходных данных. Оба альманаха прислала мне из Барнаула Светлана Викторовна Яровская (до этого она прислала мне десяток изданий знакомых – ныне покойных – алтайских писателей и поэтов, на которых я откликнулся рецензиями).

Альманах составлен с любовью. Я нашел в нем много незнакомого, интересного. Вот некоторые рубрики первого (апрельского) номера: «Из истории и этнографии немцев Сибири», «К 250-летию начала массового переселения немцев в Россию», «Россия и Германия: история и современность», «Люди и судьбы», «Наследие», «Литературная страничка».

Что привлекло мое внимание во втором (ноябрьском) номере? Опять-таки те же фундаментальные рубрики. Где только выкопали столь фактологически богатые, разнообразные материалы? Я их читал и радовался богатством духовной жизни наших предков и современников. Досадно, что наши немцы – доморощенные и закордонные – почти о том не имеют представления. Я благодарен издателям этого уникального хорошо проиллюстрированного, содержательно продуманного по форме и дизайну альманаха.

Здесь, пожалуй, уместно упомянуть вышедшую в Москве антологию российских немцев – солидный том, к которому приложили руку Елена Зейферт и Светлана Ананьева – две ученые, остепененные наши дамы. Знаю, что «на мази» и Вами, Олеся, составленная книга российско-немецких поэтов.

Назову еще один примечательный факт: лет двадцать назад дипломированный историк Адам Францевич Вильгельм из г. Темиртау (ныне покойный) ознакомил меня, тогдашнего главного редактора русско-немецкого журнала «Феникс», с громоздкой рукописью об истории российских немцев в двух томах (каждый том «тянул» на 800-900 страниц). Работал он над этим фундаментальным трудом вместе с сыном Куртом Адамовичем несколько десятилетий, перелопатив Монблан источников из солидных библиотек тогдашнего Советского Союза. (Недавно мне сообщили, что Курт Адамович ныне проживает в Германии где-то под Гамбургом). Первый том в

2003 году увидел свет в Москве тиражом – помнится – в 500 экземпляров. Я откликнулся на это издание. Второй том, набранный на компьютере, Курт Адамович, эмигрируя, прислал мне в Алматы. Я и об этой рукописи писал, высоко оценив ее стержневые главы. Теперь неожиданно возникла идея издать ее в Барнауле. Я обещал передать рукопись Светлане Яровской. Понятно, авторские права должны быть соблюдены. А моя рецензия можно б было использовать в качестве предисловия или послесловия. (Она опубликована в моей книге «Координаты» (2011 г.). Издание этого труда (особенно в двух томах сразу) стало бы явлением в культурной жизни российских немцев, да и вообще в отечественной историографии.

О.К. Интересные сведения. Наш читатель может о них и не знать.

Г.Б. Радуюсь, что российские немцы не ушли в себя, а работу работают.

О.К. Итак, юбилей отшумел... Что, Герольд Карлович, дальше?

Г.Б. Дальше?.. Не все в моей воле. Я всю жизнь работал по плану, по графику, по строгому расписанию. И благодаря культуре систематического труда кое-чего достиг. Теперь волю диктуют возраст и обстоятельства.

Вот ближайшая цель. Пятнадцать лет подряд из недели в неделю я печатаю разные разности в газете «Дат» (в разные годы она называлась по-разному) под названием «Плетение чепухи». За пятнадцать лет накопилось тридцать условных тетрадей каждая ровно по 100 страниц. Представляете: три тысяч страниц зарисовок, наблюдений, размышлений, коротких рассказов, притчей, эссе, раздумий, заметок. Из них можно выкроить пять книг, отсеяв «чепуху». Три тома «Вольных строк» (рабочее название), книгу эссе и рецензий и книгу рассказов на немецкую тематику под названием, скажем, «Летели однажды пять диких лебедей». (Есть такая немецкая народная песня).

Популярный кинорежиссер, мой младший друг Ермек Турсынов сам составил мое «Избранное», подобрал давние фотографии и документы (в т.ч. моего отца и деда), сам написал предисловие («Свой среди чужих»), сам же нашел спонсора-банкира, набрал

книгу в Алматы, а отпечатал в Китае. Так вот он намерен так же издать и «Вольные строки» в трех томах по 30 п.л. Авось, получится...

Еще лежит в издательстве детская книжка «Волк, Чапа и другие» (вышла в «Просторе», № 10 за 2014 год).

Сейчас одно издательство издает на казахском языке книгу статей, интервью и документов под названием «Герольд Бельгер кім?» («Герольд Бельгер кто?». Составитель Закир Асабаев.

Об остальном предпочитаю не говорить.

О.К. Спасибо, Герольд Карлович, за беседу.

Г.Б. И Вам спасибо. При случае прошу Вас заехать и сфотографировать последние по времени мои книги. Пусть читатель запомнит хотя бы обложки...

Беседу вела Олеся Клименко

* * *

По «Евроньюс» без конца показывают трагические события в Париже. Написано: террористическая атака. Двое или трое мусульман (число пока неизвестно) в масках ворвались в редакцию какого-то журнала и из автоматов «Калашникова» убили 12 человек: десять журналистов и двух охранников. Что за месть? Оказывается, в журнале глумились над Пророком Мухаммедом, нарисовав на него карикатуры.

Страна всполошилась. Конечно, ужасно. Конечно, трагедия. Конечно, террор. Но... спрашивается: зачем глумиться над Пророком? Зачем задевать религиозные чувства? Какое европейцам – французам, голландцам, датчанам, немцам – дело до Мухаммада? Зачем понадобилось им такое подстрекательство? А тут еще и США подливает масло в огонь, обещая вооруженную помощь.

Путин (и многие другие) выражают по этому поводу соболезнование. Понятно. А каково нашему саруару? Он, конечно, должен сочувствовать французскому коллеге. Но с другой стороны, он руководит мусульманской страной. Ему же с бухты-барахты осуждать праведный гнев мусульман неудобно.

Ситуация острая.

* * *

Смотрел я по ТВ и грандиозный парад мира в Париже после инцидента («террористического акта») в французском сатирическом журнале. Руководители 40 стран шагали в первых шеренгах. Участников собралось (так пишут газеты) 2-3 миллиона. Конечно, это было грандиозно. Но, боюсь, то было европейской паникой, искусственно устроенный парад европейцев против мусульманского мира, чистейшей воды провокация, тот самый двойной стандарт. Думаю, что марш был задуман еще до обстрела редакции сатирического журнала, который несмотря на предупреждения кощунственно поиздевался над поборниками ислама и подлым образом гнусно поиздевался над пророком Мухаммедом. Европейцы – провокаторы-козлы.

Трагедия забвения

Семьдесят четвертый год обитаю в стране Казахия.

Что это за страна?

Страна-судьба.

Страна вечной борьбы.

За выживание. За сохранение гигантских просторов. За сбережение священного Духа предков.

Во имя далеких потомков. Которые – увы! – теряют свои изначальные гордость и достоинство.

Намыс.

Мужчины – от мала до велика – всю жизнь не слезали с боевых коней, не расставались с ратными доспехами.

Против чего боролись?

Против трагедии забвения.

От забвения спасали мифы, легенды, предания, шежире, память, аруахи.

Так веками вырабатывалась национальная ментальность. Я так понимаю и воспринимаю Казахию и казахов.

Мотивы эти навеяны в результате многолетнего прилежного чтения исторических казахских романов. Мог бы здесь назвать десятка три крупных художников. Некоторых не только читал, но и посильно переводил на русский язык.

Так что знаю, что говорю.

Признаться, ныне я охотнее читаю немцев. Сказываются возраст и этническое происхождение.

Давний знакомый, яркий публицист и интеллектуал Амантай Дандыгулов уговорил меня прочитать его переводческую работу.

Так сказать, на Gutbeachtung.

Перевел он на русский язык повесть (или короткий роман) популярного писателя Кабдеша Жумадилова «Памятник Найман-Ате».

Кабдеша я знаю тоже давно. Немало его читал. Продуктивный прозаик. Обладает своим слогом. Возможно, несколько устаревшим, архаичным. Спорить, однако, не стану.

Амантай владеет пером современного публициста, очеркиста и философа. Он как бы тяготеет к аранжировке. Вносит в «чистую» повествовательную прозу публицистическую и философскую струю, позволяет себе контекстуально оправданные вкрапления.

Существует такая метода перевода?

Существует. Издавна.

Дабы мой отзыв не превратился в статью, ограничусь лишь одним примером.

Конец повествования Кабдеша:

«Далее тянется бескрайняя, извилистая дорога. Дорога жизни, дорога борьбы».

Амантаю такой финал очевидно показался слишком пресным. Он решил его расцвечивать, расписать, прибегнуть к языковому спонсорству. Получилось:

«А дальше их ожидала непростая, долгая, как жизнь, извилистая, как ядовитая змея и бездушная, как манкурт-чиновник, утопленная в мокрый асфальт дорога – как символ пока тщетных их потуг. Столбовая вечная дорога жизни. Символ предстоящей борьбы до победного гортанного клича «Кабанбай!».

Что тут можно сказать?

Исходя из описаний предыдущих ситуаций, я против такого финала не возражаю. Вполне приемлемо, оправданно.

Но согласен ли автор оригинала?

Готовя этот отзыв, я, разумеется, с карандашом читал и оригинал, и его русскую версию в исполнении Амантая Дандыгулова. Переводчик осовременил стилистику повествования, придумал новое название – «Сикстинская мадонна степи: оптимистическая трагедия», приложил несколько весомых эссе по теме стойкости народа, клана, рода в мировом контексте.

Мне это показалось ценным, уместным и поучительным.

Но тут мимовольно возникает еще один – возможно, щепетильный – вопрос: авторство русского произведения.

На титульном листе указаны обе фамилии: Кабдеш Жумадилов, Амантай Дандыгулов.

Что, есть весы, определяющие, кто сколько внес интеллектуального вклада и смысла в данное произведение?

Не могу судить.

Со своей колокольни автором книги я бы назвал Кабдеша Жумадилова, а на том же титуле указал бы: «Авторизированный перевод Амантая Дандыгулова», что означало бы одобрение перевода со стороны автора оригинала.

Или еще точнее:

«Автор перевода и эссе, навеянные романом, Амантай Дандыгулов».

Что-то в этом роде.

Впрочем, не настаиваю.

Возможно, два азамата-найманца полюбовно договорились?

Их дело.

11.01.15

* * *

Обратил внимание: что-то слишком много пишут в последнее время о моей персоне. Сплошная хвальба и гиперболизация. Возносят и немцы, и – особенно – казахи.

Честно: меня это настораживает. Нехорошая примета. Неужели дни мои сочтены, хлеб и соль жизни кончилась, и добрые люди спешат утешить меня.

Разве мне, только что перешагнувшему рубеж 80-летия, это нужно?

В 30-40 лет славословие, может, и лестно, как-то потешит самолюбие, а сейчас, когда я болен и устал, к чему весь этот аляуляй?

Правда, иногда слышатся и недоброжелательные, критические мотивы. Дескать, «этот немец» излишне выпячивает свою «казахскость». Чай, ловко говорит лишь то, что казахам по душе. Пристраивается, примазывается. Некую подспудную выгоду преследует.

И вообще кто он такой? В конце-концов, усатый вождь, переселив его в Казахстан, облагодетельствовал его судьбу. Иначе кем бы он был? Какое ему дело до казахов? Тоже мне нашелся адвокат, судья и прокурор! Пусть займется своими немцами, а нас казахов, оставит в покое. Без него как-нибудь разберемся.

Знаю: бытует такое мнение. Иногда о том говорят прямо в глаза. Ну, и ладно. Разве я спорю? Если кто-то воспринимает меня именно так, то что поделаешь? Значит, я скользкий тип, который в течении семи десятилетий подло дурит целый народ таким неимоверным трудом.

Вольному воля. К чему мне доказывать обратное? Я просто живу всю жизнь среди казахов, знаю, уважаю, люблю этот народ, хочу, чтобы он был достоин своей судьбы, занял подобающее ему место в истории цивилизации, посильно ратую за его богатый, живописный язык, за самобытную культуру, за своеобразную ментальность. Если кто-то в этом сомневается, не могу же я в отчаянии рубаху рвать на груди! Насильно мил не будешь, да я к этому и не стремлюсь. Живу, как распорядилась судьба. Как направляет меня Абсолют. И всем понравиться вовсе не намерен. Я вроде как человек состоялся. И мне ничего изображать и доказывать не надо!

Dixi!

16.01.15

СОДЕРЖАНИЕ

Тетрадь двадцать седьмая 5

Тетрадь двадцать восьмая 93

Тетрадь двадцать девятая 177

Тетрадь тридцатая 265

Герольд Бельгер

Плетенье чепухи

ТОМ
4

Координатор проекта
Канат Торебай

Тех. редактор
Саят Акылов

Корректор
Жазира Нургожина

ISBN 978-601-06-4569-1

9 786010 645691

ИП «Спанова А.Б.»

Подписано в печать 18.09.2017 г.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 19,0. Тираж 5000 экз.
Заказ № 2894.

Отпечатано с файлов заказчика
в ТОО «Полиграфкомбинат»
Республики Казахстан,
050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41.